(После того, как в пламени Приграничного и Смоленского сражений июня и июля 1941 г. исчезли созданные в предвоенные годы танки и самолеты, Красной Армии предстояло пройти пять кругов ада под ударами танковых клиньев вермахта. Операции на окружение невиданных в истории войн масштабов следовали одна за другой, и, казалось, ничто не может остановить наступление гитлеровской армии на Москву)

Исаев А.В.

Котлы 41-го

Введение

По всем расчетам, к началу августа 1941 г. Советский Союз должен был бы повторить судьбу Польши и Франции. Подобно другим жертвам немецкого "блицкрига", СССР потерял в образованных танковыми клиньями "котлах" армию, и, казалось, ничто не могло уже остановить вермахт на пути к Москве, Ленинграду и Киеву. Красная армия уже продержалась в активной борьбе пять недель, побив рекорд Франции. Историки будущего словно уже готовили объяснение этому факту — большая территория, большое количество техники и тому подобное. Но дальнейшее развитие событий получило неожиданный поворот. Паровой каток III моторизованного корпуса в пустоте, которая должна была образоваться после окружения 6-й и 12-й армий под Уманью, столкнулся 3 августа 1941 г. со стрелковой дивизией. У нее был довольно большой для РККА номер — 223-й, а растерянные пленные говорили, что дивизия была сформирована в Харькове уже после начала войны. Для вермахта, бойца, привыкшего побеждать в первом раунде нокаутом, прозвенел гонг. За прорванной обороной или на растянутых флангах появлялись все новые дивизии с постоянно увеличивающимися номерами. Вопреки первоначальным планам предстоял второй раунд.

К августу 1941 г. СССР утратил большую часть того, что было тяжелым трудом всей страны создано до войны. Три наступающие немецкие группы армий преодолели обе линии укреплений — и новейшую "линию Молотова", и построенную в 30-х "линию Сталина" — почти на всем их протяжении. От цепочки бетонных коробок, на строительство которых были потрачены сотни миллионов рублей, остались только небольшие островки под Киевом, Кингисеппом и на Карельском перешейке. Такие же жалкие островки остались от нескольких поколений танков, вышедших из цехов постепенно наливавшихся мощью заводов в предвоенные годы. И двухбашенные старички Т-26 ранних серий, и новейшие Т-34 остались разбросанными по пространству

между линиями Молотова и Сталина. Некоторые были испещрены оспинами от попаданий снарядов, некоторые превращены внутренними взрывами в бесформенные груды металла, некоторые были просто брошены из-за неисправностей или отсутствия горючего. Схожая судьба постигла "крылья Родины" — тысячи самолетов, которыми гордилась страна. Большая их часть была уничтожена в воздухе или на земле. Вся масса техники страны, стремившейся в сверхдержавы, в сравнительно короткий промежуток времени превратилась в неподвижные изваяния. Постепенно покрывавшиеся ржавчиной танки, орудия, трактора и автомашины стали дорожными указателями, "скульптурами", на фоне которых фотографировались оккупанты, но уже никак не могли участвовать в защите СССР. По свидетельству Вильгельма Кейтеля, "Гитлер же в конце июля считал, что разбита не только полевая Красная армия, но и сама военная мощь [СССР] подорвана настолько, что никакое ее восстановление, ввиду невероятных потерь в технике, уже не сможет спасти Россию от уничтожения". Как показала практика, прочность СССР была существенно недооценена. Но второй раунд борьбы не обещал быть легким ни для одного из противников.

Низкие плотности дивизий у границы и на рубеже "линии Сталина" можно было компенсировать большими массами техники, которая продлевала жизнь окружаемых армий. Быстро таявшие механизированные корпуса стали стальным щитом откатывавшихся от границы дивизий. Авиация часто становилась единственным средством воздействия на прорывающиеся глубоко в тыл моторизованные корпуса вермахта. К августу этот ресурс был практически исчерпан. Более того, РККА фактически лишилась как класса самостоятельных механизированных соединений масштаба танковой дивизии. Механизированные корпуса были расформированы. Вместо танковых дивизий начали формироваться танковые бригады, представлявшие собой организационные структуры непосредственной поддержки пехоты. Это означало принципиальную разницу в возможностях ведения операций РККА и вермахтом. Немецкая армия обладала инструментом для развития прорыва в глубину — танковыми и моторизованными дивизиями, объединенными в моторизованные корпуса. Красная армия была лишена крупных подвижных соединений, являвшихся наиболее эффективным средством парирования таких прорывов. Отражать удары немецких танковых клиньев предстояло передвигавшейся пешком пехоте. С предсказуемыми результатами.

Вместе с тем нельзя не отметить, что формирование второлинейных соединений шло в СССР темпами, намного превышавшими расчеты, на которые опирался Паулюс, составляя документы для "Барбароссы". Немецкое командование существенно недооценило возможности СССР по формированию и оснащению новых дивизий. Однако еще больше оно ошибалось относительно дальнейших перспектив использования мобилизационного потенциала противника. 8 августа 1941 г., в день начала немецкого наступления на Ленинград, Франц Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии, оценивал ситуацию следующим образом:

"Противник имеет в своем распоряжении для ведения дальнейших операций лишь крайне ограниченные силы. Если, исходя из имеющегося опыта, в основу расчета положить, что на каждый миллион жителей можно сформировать две дивизии, то окажется, что количество выявленных на стороне противника дивизий является предельно возможным и не следует ожидать дальнейшего комплектования им каких-либо крупных формирований"{1}.

Далее в своем дневнике Ф. Гальдер дает расчет наличных сил Красной армии, оценивая число противостоящих вермахту соединений в 143,5 единицы. Соответственно предполагалось, что достаточно разбить эти соединения и с Красной армией будет покончено. Ф. Гальдер и высшее руководство вермахта сильно ошибались. Во-первых, на 1 августа в действующей армии СССР было 187 стрелковых и 20 кавалерийских дивизий. Во-вторых, во внутренних округах и недействующих фронтах насчитывалось 81 стрелковая и 24 кавалерийских дивизии, часть из которых находилась в стадии формирования. Но, несмотря на донесения советской разведки о формировании новых соединений, в Германии в действительности никакой реакции не последовало. Поэтому столкновение с новой волной советских формирований должно было стать неприятной неожиданностью, которой нельзя противопоставить симметричный ответ.

Особенностью мобилизационной компоненты вооруженных сил государства является относительно медленное раскручивание маховика создания и обучения крупных резервов. Принципиальные решения нужно было принимать до начала кампании или в ее начальном периоде. В СССР еще 11 июля 1941 г. при наркоме обороны была создана группа по формированию новых стрелковых, кавалерийских и танковых соединений, противотанковых и обычных артиллерийских полков. В конце июля появляется даже специальная

управляющая структура — Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ). Первоначально его возглавлял Г. И. Кулик. Главупраформ осуществлял руководство и контроль за формированием новых соединений, подготовкой маршевых пополнений. Первой задачей, которую должен был решать Главупраформ, должно было быть выполнение постановления Государственного комитета обороны от 8 июля 1941 г. В этом постановлении говорилось:
"Обязать НКО сформировать дополнительно 56 стрелковых дивизий нормального состава (общей численностью 13 200 человек каждая) и 10 кавалерийских дивизий" (РЦХИДНИ. Ф.644. Оп.1. Д.1. Л.154).

Необходимость выполнения этого постановления вынудила в июле 1941 г. призвать на военную службу военнообязанных 1890—1904 гг. и призывников 1923 г. рождения. Позднее постановление было уточнено и началось формирование 72 стрелковых и кавалерийских дивизий. Если в июне 1941 г. Вооруженные силы СССР насчитывали 4 млн. 830 тыс. человек (в том числе 2 млн. 900 тыс. человек в западных пограничных округах) без учета призванных на сборы, то в начале сентября 1941 г. их численность возросла до 7 млн. 400 тыс. человек, при этом в действующей армии насчитывалось 3 млн. 990 тыс. человек. Таким образом, немецкое командование имело сведения только о находящихся на фронте дивизиях, в то время как большая часть соединений, с которыми предстояло столкнуться на пути к Москве, находилась в глубине страны. Они не могли быть немедленно брошены в бой, но уже стали силой, которую можно было использовать в стратегических расчетах.
Что же вселяло в германское командование уверенность, что в ходе августа, сентября и октября удастся сокрушить 143,5 дивизии, противостоящие трем группам армий? Ф. Гальдер так оценивал состояние и планы советских войск:
"В последнее время в положении противника происходят или уже произошли серьезные изменения. Хотя и не имеется ни одного признака, что противник ослабил свои войска или же отвел их в тыл, тем не менее совершенно очевидно, что он всеми имеющимися в его распоряжении силами перегруппировывается для занятия обороны по рубежу озеро Ильмень — Ржев — Вязьма, Брянск, для того чтобы подобно тому, как действовали французы на втором этапе нашей кампании на Западе, создать сильно укрепленные очаги обороны (большое количество дивизий под командованием одного штаба армии), которые будут являться главным ядром сопротивления на

новом оборонительном рубеже. Такие действия означают полный отказ от методов прежнего руководства войсками противника, когда главным образом преследовалась цель отбросить наши войска назад"{2}.

Переход к обороне означал, что у вермахта развязаны руки в выборе места и времени нанесения ударов. Верховное командование могло маневрировать соединениями, прежде всего авиационными и танковыми, между тремя группами армий, проводя крупные операции на окружение. Владение инициативой позволяло концентрировать на выбранном направлении крупные силы, заведомо достаточные для сокрушения обороны и образования очередного "котла". Острый недостаток новейших средств борьбы у Красной армии делал грядущие катастрофы практически неизбежными. В условиях почти молниеносной перегруппировки механизированных соединений у советской разведки практически не оставалось возможностей для своевременного выявления направлений этих ударов. Эффективно парировать прорывы в глубину стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами также было затруднительно. В условиях диспропорции в подвижности войск попытки парировать прорывы выдвижением к ним пешком стрелковых дивизий были заранее обречены на провал. Стрелковые соединения были бы разгромлены на марше или вынуждены были бы вступать в бой разрозненно и с ходу.
Если с оценкой мобилизационных возможностей СССР Верховное командование вермахта существенно просчиталось, то в отношении характера действий Красной армии были сделаны в целом правильные выводы. Возможностей разворачивать широкомасштабные наступательные операции уже не было. Стратегия была преимущественно оборонительной. Было развернуто масштабное строительство нескольких оборонительных рубежей, которые должны были заменить исчезнувшие "линию Молотова" и "линию Сталина". В августе — декабре на оборонительных рубежах в тылу страны работали 10 млн. человек. Возводилось 8500 км тыловых рубежей, было подготовлено к обороне около 100 крупных административных и промышленных центров. На дальних подступах к Ленинграду возводился Лужский рубеж. Еще 18 июля 1941 г. Ставка Верховного главнокомандования отдала приказ о строительстве оборонительных рубежей для прикрытия подступов к Москве на волоколамском, можайском и малоярославском направлениях. К концу сентября система рубежей включала Вяземскую и Можайскую линии обороны и Московскую зону обороны.

Вместе с тем нельзя утверждать, что вектор стратегии советского командования поменял знак. Наступление с целью вырвать стратегическую инициативу из рук противника было еще невозможно. Однако это не означало отказа от проведения наступательных операций локального значения. Даже в оборонительных сражениях воздействовать на обстановку командование Красной армии могло, пытаясь развить собственные наступления стрелковыми соединениями во фланг немецких ударных группировок. Такая стратегия чем-то напоминала медицинскую практику иглоукалывания, когда, чтобы вылечить головную боль, вгоняют иглу в ступню. Советскому Генеральному штабу во главе с Б. М. Шапошниковым, штабам трех направлений нужно было выбрать те точки, удары в которые заставили бы немецкое командование отвлекаться от выполнения поставленных задач или даже отказываться от реализации своих планов. Точки для удара должны были удовлетворять противоречивым требованиям. С одной стороны, они должны были быть достаточно слабы, чтобы их оборону можно было сокрушить посредственно обученной пехотой. С другой стороны — быть достаточно значимыми для противника. Наиболее распространенным вариантом была угроза коммуникациям.

Если с последствиями недооценки мобилизационных возможностей СССР немецкому командованию еще только предстояло столкнуться, то последствия недооценки силы сопротивления советских войск уже получили свое отражение в директивах А. Гитлера. Стратегия "Барбароссы" была изменена на ходу, и вермахт развернулся в сторону флангов советско-германского фронта. Группа армий "Центр" останавливалась на дальних подступах к Москве и выделяла значительные силы танковых и авиационных соединений для содействия группам армий "Север" и "Юг". В ближней перспективе это означало смертельную угрозу армиям Северо-Западного и Юго-Западного направлений. В далекой перспективе отказ от первоначального замысла кампании против СССР означал нарушение временных рамок решения поставленных Директивой № 21 задач. До наступления периода распутицы оставалось крайне мало времени. Это ужесточало сроки выполнения планов наступательных операций немецкой армии на всех направлениях. Со стратегической точки зрения задачей Красной армии было удержать относительную стабильность фронта до вступления в бой формируемых соединений. С оперативной точки зрения нужно было сыграть на временных ограничениях операций вермахта на различных направлениях и заставить противника останавливаться, не

завершив задуманное. По крайней мере, на флангах советско-германского фронта.

Круг первый. Лужский рубеж

Сражение за Ленинград было одним из самых драматичных в ходе Второй мировой войны. За спиной его защитников был второй по величине город СССР с населением более 2,5 млн. человек. Блокирование или штурм Ленинграда неизбежно приводили к большим человеческим жертвам. Этот фактор был тем более действенным в условиях, когда у занимавших позиции на подступах к городу бойцов и командиров в Ленинграде были родные и близкие. В свою очередь, вермахт направлял под Ленинград свои лучшие части, повинуясь раз за разом повторявшимся приказам Гитлера захватить и уничтожить город. Бои проходили в труднодоступной, лесисто-болотистой местности, бедной дорожной сетью, неблагосклонной к обеим сторонам конфликта.

К августу 1941 г. обстановка под Ленинградом была подобна натянутой струне, готовой лопнуть в любой момент. В первые три недели войны темпы наступления немецких войск в Прибалтике были рекордными в сравнении с продвижением других групп армий. Так XXXXI моторизованный корпус 4-й танковой группы Гепнера продвинулся на 750 км, LVI моторизованный корпус — на 675 км. Средний темп продвижения танковых соединений немцев составлял 30 км в сутки, а в некоторые дни они преодолевали свыше 50 км. Это позволило одним прыжком покрыть большую часть расстояния от границы до конечной цели наступления — Ленинграда. Прорвавшиеся в глубину танковые дивизии захватили плацдармы на реке Луге, которая должна была стать неприступной линией обороны на дальних подступах к Ленинграду.

Однако столь быстрые темпы продвижения танковых войск вынуждали немецкое командование сделать паузу на подтягивание за ними пехотных соединений. Ближайшие задачи группы армий "Север" были определены Гитлером в Директиве № 33 от 19 июля 1941 г.:

"в) Северный участок Восточного фронта.

Продвижение в направлении Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии. При этом группа армий "Север" должна стремиться предотвратить отход на Ленинград советских частей,

продолжающих действовать в Эстонии. Желательно как можно быстрее овладеть островами на Балтийском море, которые могут стать опорными пунктами советского флота"{3}.

Восстановление соприкосновения 18-й армии с 4-й танковой группой требовалось в полосе действий XXXXI моторизованного корпуса, занимавшего два плацдарма на Луге. На правый фланг корпуса Рейнгардта подтягивался вдоль восточного берега Чудского озера XXXVIII армейский корпус генерала пехоты Фридриха-Вильгельма фон Шаппюи. Он должен был действовать в направлении Нарвы и Кингисеппа.
Решение развернуть крупные силы на Ленинград было подтверждено дополнением к директиве № 33, вышедшим 23 июля 1941 г. В нем предписывалось:
"3-ю танковую группу временно передать в подчинение группе армий "Север" с задачей обеспечения правого фланга последней и окружения противника в районе Ленинграда.
3) Северный участок Восточного фронта. Получив в свое подчинение 3-ю танковую группу, группа армий "Север" будет в состоянии выделить для наступления на Ленинград крупные пехотные силы и избежать израсходования подвижных соединений во фронтальных атаках на труднопроходимой местности.
Силы противника, все еще действующие в Эстонии, должны быть уничтожены. При этом необходимо не допустить их погрузку на суда и прорыв через Нарву в направлении Ленинграда"{4}.

В задачах, поставленных группе армий "Север" высшим руководством Третьего рейха, тесно сплетались политические и военные цели. Ленинград, как город, названный именем ставшего иконой новой идеологии советского политика, и как город, ставший точкой отсчета жизни нового государства, имел огромное политическое значение. Географические условия театра военных действий также создавали благоприятную обстановку для блокирования и уничтожения крупных сил советских войск под Ленинградом. Поэтому на совещании, состоявшемся 21 июля в штабе группы армий "Север", Гитлер указал на необходимость перехвата железных дорог и шоссе, ведущих из Ленинграда на восток. Тем самым предполагалось воспрепятствовать отводу советских войск и их использованию на других направлениях.

30 июля 1941 г. последовала директива ОКВ № 34, в которой уточнялись задачи, поставленные в предыдущих документах:

"1) На северном участке Восточного фронта продолжать наступление в направлении Ленинграда, нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой с целью окружить Ленинград и установить связь с финской армией.

Это наступление должно быть ограничено к северу до озера Ильмень волховским участком, а к югу от этого озера — продолжаться так глубоко на северо-восток, как потребуется для прикрытия правого фланга войск, наступающих к северу от озера Ильмень. Предварительно следует восстановить положение в районе Великих Лук. Все силы, которые не привлекаются для наступления южнее озера Ильмень, должны быть переданы в состав войск, наступающих на северном фланге. Намечавшееся ранее наступление 3-й танковой группы на Валдайской возвышенности не предпринимать до тех пор, пока не будет полностью восстановлена боеспособность и готовность к действиям танковых соединений.

Вместо этого войска левого фланга группы армий "Центр" должны продвинуться в северо-восточном направлении на такую глубину, которая была бы достаточной для обеспечения правого фланга группы армий "Север"{5}.

Обход Ленинграда и соединение с финской армией автоматически означали полное прерывание всех коммуникаций города на Неве и оборонявших его войск. Капитуляция армий Северного фронта и сдача 2,5-миллионного города на милость победителя в этом случае была бы только вопросом времени.

Одним из основных предметов дискуссий в ходе подготовки наступления на Ленинград стало направление и характер использования подвижных соединений. В группу армий "Север" был даже направлен Ф. Паулюс с целью выяснения возможностей использования двух подчиненных фон Леебу моторизованных корпусов. Командир LVI моторизованного корпуса Э. фон Манштейн впоследствии так описывал произошедший разговор:

"Я заявил Паулюсу, что, по моему мнению, было бы наиболее целесообразным высвободить всю танковую группу из этого района, где быстрое продвижение почти невозможно, и использовать ее на московском направлении. Если же командование не хочет отказываться от мысли взять Ленинград и провести обходной маневр с востока через Чудово, то для этой цели прежде всего следует использовать пехотные соединения"{6}.

Также Манштейн предлагал использовать танковые соединения в районе Нарвы для удара на Ленинград вдоль берега Финского залива.
По возвращении из группы армий "Север" Паулюс докладывал:
"Гёпнер, Манштейн и Рейнгардт единодушно считают, что район между озерами Ильмень и Чудским неблагоприятен для действий подвижных соединений. Не остается ничего другого, как начать наступление в районе озера Ильмень силами пехоты и сосредоточить еще не скованные на фронте подвижные соединения (корпус Манштейна) для ввода в прорыв, достигнутый пехотой. Следствие: очень медленное развитие операции"{7}.

Особенный "оптимизм" внушал тот факт, что на столь красочно описанном Паулюсом направлении предполагалось использовать 3-ю танковую группу, ранее подчинявшуюся группе армий "Центр". Ее соединения должны были прибыть в распоряжение группы армий "Север" в первой половине августа 1941 г.
До прибытия корпусов танковой группы Г. Гота группа армий "Север" готовилась наступать с плацдармов на Луге имеющимися танковыми и пехотными соединениями. В группе армий были созданы три оперативные группы для грядущего наступления на Ленинград:
группа "Шимск": I армейский корпус (11-я, 22-я пехотные дивизии и часть 126-й пехотной дивизии) и XXVIII армейский корпус (121-я, 122-я пехотные дивизии, моторизованная дивизия СС "Тотенкопф" и 96-я пехотная дивизия в резерве);
группа "Луга": LVI моторизованный корпус (3-я моторизованная дивизия, 269-я пехотная дивизия и пехотная дивизия СС "Полицай");
группа "Север": XXXXI моторизованный корпус (1-я, 6-я и 8-я танковые дивизии, 36-я моторизованная дивизия, 1-я пехотная дивизия), XXXVIII армейский корпус (58-я пехотная дивизия).
Как мы видим, от предлагавшихся вариантов использования танковых соединений после прорыва Лужского рубежа немецкое командование в конечном итоге отказалось. Танковые дивизии должны были стать высокоэффективными инструментами взлома обороны советских войск, окаймляющей захваченные на Луге плацдармы. По замыслу командования группы армий "Север" мощные удары механизированных соединений должны были "вскрыть" эти плацдармы, используя прежде всего свои ударные, нежели маневренные качества. Также в распределении сил по вышеуказанным группам

хорошо просматривается создание двух крупных ударных группировок для классических "канн". Первая ("Север") создавалась на плацдармах, захваченных XXXXI моторизованным корпусом в июле 1941 г. в районе Большого Сабска и Ивановского. Она нацеливалась на Красногвардейск (Гатчину). Вторая ("Шимск") создавалась на рубеже реки Мшага в районе Шимска и нацеливалась на Новгород. Первую можно условно назвать "танковой", а вторую "пехотной". Связку между двумя этими группами, представлявшую собой слабый центр "канн", осуществляла группа "Луга" Манштейна.

В сущности, немцы демонтировали одну из ударных группировок июля 1941 г. — переживший эффектный советский контрудар под Сольцами LVI корпус. В нем было оставлено минимум сил для сковывания советских войск под Лугой, а наиболее сильное его соединение — 8-ю танковую дивизию — передали в распоряжение корпуса Рейнгардта для развития успеха наступления с плацдармов у Ивановского и Бол. Сабска. Основная идея немецкого наступления на Ленинград заключалась в окружении и уничтожении его защитников на дальних подступах к городу. При этом сильный заслон советских войск на направлении Луга — Ленинград обходился с двух сторон. Отсекая от укреплений непосредственно под Ленинградом лужскую группировку советских войск, группа армий "Север" открывала себе возможность беспрепятственного продвижения, как на сам Ленинград, так и в обход города на соединение с финской армией на реке Свирь.

Сообразно задачам распределялось управление двумя ударными группировками. Штаб 16-й армии принимал командование над I и XXVIII армейскими корпусами, переходя к обороне южнее озера Ильмень. Армия получала сильную авиационную поддержку в лице VIII авиакорпуса Вольфрама фон Рихтгоффена. Этот авиакорпус всегда безошибочно указывал на направление приложения основных усилий вермахта на Восточном фронте, поддерживая с воздуха наступление на важнейшем на данный момент направлении. Всего на тот момент в составе VIII авиакорпуса числилось около 400 самолетов. Помимо собственно авиации, корпус Рихтгоффена обладал значительным количеством зенитной артиллерии, которая активно использовалась в сражениях на земле.

Действовавший совместно с группой армий "Север" с самого начала кампании I авиакорпус должен был осуществлять поддержку наступления 4-й танковой группы Гепнера. Штаб последней осуществлял руководство над центром "канн"

и "танковой" ударной группировкой. Вспомогательная роль в наступлении досталась XXXVIII армейскому корпусу 18-й армии Кюхлера, который должен был наступать на кингисеппском направлении, обеспечивая левый фланг 4-й танковой группы.

Противником группы армий "Север" были войска северо-западного направления К. Е. Ворошилова, объединявшиеся на направлении грядущего немецкого наступления управлениями Северного фронта генерал-лейтенанта М. М. Попова и Северо-Западного фронта генерал-майора П. П. Собенникова. Первоначально Северный фронт предназначался для управления войсками, действующими в Заполярье и в Карелии. Однако развитие обстановки на фронте вынудило привлечь Северный фронт для обороны Ленинграда с юго-запада. С этой целью 5 июля была создана Лужская оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева. Уже в середине июля Лужская оперативная группа вступила в бой с прорвавшимися в нескольких местах к Луге танковыми дивизиями XXXXI моторизованного корпуса 4-й танковой группы.

Советское командование использовало паузу, предоставленную подтягиванием немецкой пехоты к вырвавшимся вперед моторизованным корпусам, на всемерное усиление обороны Лужского рубежа. В первую очередь это выразилось в усилении действующих на этом направлении войск танками. Еще 14 июля в Директиве Ставки Верховного командования № 00329 Г. К. Жуков приказывал:

"Первое. Танковую дивизию из района Кандалакши перебросить под Ленинград немедленно. [...]

Второе. Всем стрелковым дивизиям, действующим на таллинском, лужском, новгородском и старо-русском направлениях, немедленно придать по 3—5 танков КВ для усиления их устойчивости. При недостатке КВ дать танки Т-34 с последующей заменой на КВ"{8}.

В районе Кандалакши с начала войны находилась 1-я танковая дивизия 1-го механизированного корпуса. Она прибыла на фронт уже после начала немецкого наступления. Кроме этого, с Карельского перешейка были сняты 21-я и 24-я танковые дивизии 10-го механизированного корпуса и переброшены под Лугу. Придание стрелковым дивизиям танков КВ не стало пустым обещанием — ряд сражавшихся на дальних подступах к Ленинграду дивизий действительно получил по нескольку тяжелых танков.

Помимо танков войска северо-западного направления могли противопоставить наступлению группы армий "Север" когорту ополченческих соединений. В отличие от московского ополчения, которое в массе своей вступило в бой уже будучи переформированным в линейные стрелковые соединения, ленинградское ополчение оказалось втянуто в жестокие бои уже в первые дни после прибытия на фронт. Решение о формировании первых трех дивизий народного ополчения было принято 4 июля 1941 г. 1-я дивизия народного ополчения комплектовалась в основном из рабочих и служащих Кировского района. На крупнейшем предприятии этого района — Ленинградском Кировском заводе — уже в первые дни войны было подано свыше 15 000 заявлений с просьбой о зачислении в районную дивизию народного ополчения. Однако изъятие с завода большого числа рабочих, занятых на производстве оборонной продукции, было сочтено нецелесообразным. Поэтому из рабочих и служащих Кировского завода формировались только первый стрелковый и артиллерийский полки дивизии. Второй стрелковый полк сформировал завод им. А. А. Жданова, третий состоял главным образом из работников предприятий Дзержинского района. 5 июля 1941 г. части дивизии были переведены на казарменное положение и приступили к боевой подготовке. 10 июля формирование 1-й дивизии народного ополчения было формально закончено. Командиром дивизии был назначен генерал Ф. П. Родин. 2-я дивизия народного ополчения комплектовалась в Московском районе. 1-й стрелковый полк дивизии состоял в основном из рабочих завода "Электросила"; 2-й — фабрик "Скороход", "Пролетарская победа" № 1 и 2; 3-й — из добровольцев Ленинского, Куйбышевского и Московского районов. В артиллерийский полк влились работники Ленмясокомбината, а также студенты института и техникума авиаприборостроения. 12 июля 1941 г. формирование 2-й ДНО было закончено. Командиром дивизии был назначен Герой Советского Союза полковник Н. С. Угрюмов. 3-я дивизия народного ополчения формировалась в основном из рабочих и служащих Фрунзенского и частично Выборгского районов Ленинграда. Первые две дивизии народного ополчения были сразу же выдвинуты на самое опасное направление — Лужский рубеж. Однако в отличие от московских ополченческих дивизий, получивших после формирования возможность завершить подготовку на Ржевско-Вяземском рубеже, ленинградские ополченцы уже в первые дни пребывания на фронте прошли крещение огнем. Прибыв 11 июля на станцию Батецкая, 1-я ДНО уже через несколько дней вступила в бой с боевой группой Рауса 6-й танковой дивизии,

захватившей плацдарм на Луге. 3-я ДНО вначале выдвинулась в район Кингисеппа, а затем была переброшена на финскую границу. Ее место на восточной границе Эстонии заняла 4-я легкострелковая дивизия народного ополчения полковника П. И. Радыгина, формирование которой завершилось к 22 июля 1941 г.

Однако ополченцы и танковые соединения были экзотикой в составе войск на Лужском рубеже. Основными действующими лицами стали стрелковые дивизии с различных участков фронта. В первую очередь на Лугу были переброшены дивизии, находившиеся в непосредственном подчинении Северного фронта. Это были 237-я стрелковая дивизия из 7-й армии, 70-я, 177-я и 191-я стрелковые дивизии из резерва фронта. Также оборону на Луге заняли отброшенные на это направление соединения 11-й армии — 90-я, 111-я, 118-я, 128-я и 235-я стрелковые дивизии. Постепенно накачивавшаяся войсками Лужская оперативная группа 23 июля была разделена на кингисеппский, лужский и восточный сектора, а с 29 июля — участки обороны с непосредственным их подчинением штабу Северного фронта. В состав Кингисеппского участка обороны генерал-майора В. В. Семашко входили 90-я, 118-я и 191-я стрелковые дивизии, 2-я и 4-я ДНО, Ленинградское пехотное училище им. С. М. Кирова, 1-я танковая дивизия и части береговой обороны Балтийского флота. Лужский участок обороны генерал-майора А. Н. Астанина включал в себя 111-ю, 177-ю и 235-ю стрелковые дивизии и 24-ю танковую дивизию. В восточный участок обороны генерал-майора Ф. Н. Старикова вошли 70-я, 237-я, 128-я стрелковые дивизии и 21-я танковая дивизия, 1-я ДНО и 1-я горно-стрелковая бригада. 31 июля восточный участок был преобразован в Новгородскую армейскую оперативную группу, которая в начале августа подчинялась Северо-Западному фронту. Директивой Генерального штаба КА от 4 августа Новгородская армейская оперативная группа была преобразована в 48-ю армию, которую возглавил генерал-лейтенант С. Д. Акимов.

В сущности, командование Северо-Западного направления в целом и Северного фронта в частности решало задачу с многими неизвестными, пытаясь угадать направления главных ударов немцев в грядущей оборонительной операции. Заунывный вой сирен "лаптежников", залпы "небельверферов" и тяжелой артиллерии могли в любой момент возвестить о начале немецкого наступления на нескольких направлениях. Достаточно опасным было направление Луга — Ленинград, по кратчайшему маршруту выводящее на ближние подступы к городу. Вполне обоснованно можно было предполагать, что немцы решат

ударить всеми силами именно здесь. Подозрение усугубляли частные наступательные операции, проводившиеся на этом направлении 8-й танковой дивизией немцев 31 июля, дивизией СС "Полицай" 3 августа. Столь же обоснованно можно было ожидать ударов в обход созданной под Лугой "пробки" на пути немецкого наступления. Догадки, анализ обстановки и мешанины ложных и достоверных разведсводок могли свести с ума неопределенностью тех действий, которые мог предпринять противник.

Усугублялись общие для оборонительных операций проблемы состоянием войск, занимавших оборону на Луге. Несмотря на значительное усиление Лужского рубежа стрелковыми и танковыми соединениями, плотность советских войск оставалась достаточно низкой. Например, 177-я стрелковая дивизия Лужского участка обороны, прикрывая важнейшее направление на город Лугу и имея перед собой три дивизии противника, занимала оборону на фронте 22 км. Точно такой же фронт обороняла и 111-я стрелковая дивизия этого же участка обороны. Даже труднопроходимая местность не компенсировала растянутости войск по фронту и их одно-эшелонное расположение соединений. Немецкие войска к 7 августа 1941 г. имели куда более плотное построение. Наибольшая плотность войск была достигнута в группе "Шимск" на новгородском направлении. Здесь на фронте 50 км действовали 5 1/3 пехотных дивизий и одна моторизованная дивизия, что дает нам оперативную плотность менее 10 км на дивизию. В 4-й танковой группе на фронте 150 км действовали 4 пехотные дивизии и 5 танковых и моторизованных дивизий (группы "Луга" и "Север"), т.е. оперативная плотность составляла 16 км на дивизию. Тактическая плотность с учетом концентрации усилий на захваченных плацдармах была даже большей, чем в группе "Шимск". Все это давало немцам все шансы на успешное проведение задуманной ими операции.

Наиболее сильным резервом в распоряжении командования Северо-Западного направления была свежесформированная 34-я армия. Она формировалась в Московском военном округе с 16 июля 1941 г. К 25 июля 1941 г. в состав 34-й армии входили: 245-я, 254-я, 257-я, 259-я и 262-я стрелковые дивизии, 25-я и 54-я кавалерийские дивизии, 264-й и 644-й корпусные артиллерийские полки, 171-й и 759-й артиллерийские полки ПТО. Армии был также придан дивизион РС (12 машин) лейтенанта П. Н. Дегтярева и отдельный танковый батальон. 18 июля армия была включена в состав фронта Можайской линии обороны и занимала рубеж западнее г. Малоярославец. С 30 июля армия была переподчинена Резервному фронту, а 6 августа директивой Ставки ВГК №

00733 была передана Северо-Западному фронту. С 3 августа армию возглавлял генерал-майор К. М. Качанов. В директиве Ставки ВГК № 00733 особо указывалось:
"Армию не раздергивать по частям, а иметь как ударный кулак..."{9}

Таким образом воздействовать на обстановку советское командование предполагало не только обороной Лужского рубежа, но и ударным кулагам 34-й армии.
Время перехода в наступление группы армий "Север" в связи с транспортными проблемами в 16-й армии откладывалось пять раз с 22 июля до 6 августа. Когда наступил последний назначенный срок — 8 августа 1941 г., — погода изменилась, и немецкие войска оказались лишены запланированной мощной авиационной поддержки. Полил дождь, и ни один самолет из I и VIII авиакорпусов не мог подняться в воздух. Однако Гепнер энергично возражал против дальнейшего смещения сроков начала операции, и наступление 4-й танковой группы с плацдармов на Луге началось без поддержки с воздуха.
Наступление XXXXI моторизованного корпуса развивалось с двух плацдармов на Луге. С плацдарма у Поречья (Ивановского) наступали 1-я пехотная и 6-я танковая дивизии, с плацдарма у Сабска — 1-я танковая и 36-я моторизованная дивизии. В первый день наступления только 1-я танковая дивизия продвигалась относительно успешно. Солдаты 1-й пехотной дивизии продвигались очень медленно. Атака 6-й танковой и 36-й моторизованной дивизий натолкнулась на сильное сопротивление, поддержанное артиллерией. Части обеих дивизий смогли продвинуться в первый день только на 3—5 км. Упорное сопротивление немецкому наступлению оказали 90-я стрелковая дивизия, 2-я ДНО (существенно усиленная танками различных типов) и Ленинградское Краснознаменное пехотное училище имени С. М. Кирова. Командующий 4-й танковой группой Гепнер был вынужден отдать приказ, в котором говорилось:
"XXXXI моторизованный корпус останавливается на достигнутых позициях и производит необходимые мероприятия для перехода к обороне".

Только 9 августа 1-я танковая дивизия смогла нащупать слабое место в советской обороне, прорваться в глубину и выйти в тыл советским частям перед фронтом 6-й танковой дивизии на соседнем плацдарме. После прорыва в глубину 1-я и 6-я танковые дивизии встали фронтом на восток для образования

внутреннего фронта окружения советских войск под Лугой, а 1-я пехотная и 36-я моторизованная дивизии — внешнего фронта окружения. В бой с плацдарма у Сабска также была введена 8-я танковая дивизия. 14 августа дивизии XXXXI моторизованного корпуса преодолели лесной массив и вышли к дороге Красногвардейск — Кингисепп.

16 августа 1-я танковая дивизия заняла станцию Волосово, в 40 км к юго-западу от Красногвардейска, практически не встречая сопротивления. Дальнейшее продвижение ограничивалось в большей степени состоянием дорог и транспорта соединений. 1-я и 6-я танковые дивизии, 36-я моторизованная дивизия достигли района юго-западнее Красногвардейска 21 августа и перешли к обороне на 150-километровом фронте. Так XXXXI моторизованный корпус выполнил типовой маневр "блицкрига" — рывок в глубину и переход к обороне с целью защиты достигнутого рубежа. Большая часть подвижных соединений перешли к обороне фронтом на север. Кроме того, 8-я танковая дивизия была развернута в тыл лужской группировки советских войск. В Красногвардейском УРе к тому моменту находились 2-я и 3-я гвардейские дивизии народного ополчения. Звание гвардейских им было присвоено авансом по инициативе А. А. Жданова и К. Е. Ворошилова. Они были сформированы из рабочих Ленинграда, попросившихся добровольцами на фронт. Квалифицированные, получившие специальное образование промышленные рабочие действительно были в какой-то мере элитой, гвардией государств XX столетия. Объединены оборонявшие Красногвардейский УР части управлением 42-й армии. Последняя была сформирована в рамках отказа от корпусных управлений по директиве Ставки Верховного командования от 15 июля 1941 г. Основой для армейского управления в данном случае стало управление 50-го стрелкового корпуса. Возглавил армию генерал-майор В. И. Щербаков.

Помимо занятия войсками Красногвардейского УРа продвижение XXXXI моторизованного корпуса заставило образовать связку между УРом и 8-й армией на кингисеппском направлении. Сюда были выдвинуты 1-я гвардейская ДНО и 1-я танковая дивизия, которая еще в июле была возвращена из-под Кандалакши. Танковая дивизия генерал-майора В. И. Баранова была потрепана боями на Кандалакшском направлении, но все еще сохраняла боеспособность, имея в строю около 80 танков. Уже 12 августа 1-я танковая дивизия заняла оборону, насчитывая 58 исправных танков, из них 4 Т-28 и 7 КВ. Вскоре в качестве пополнения соединение получило 12 танков КВ с Кировского завода.

Пока подвижные соединения Гепнера образовывали внешний фронт окружения Лужской группы советских войск, пехотное прикрытие фланга 4-й танковой группы вело боевые действия на кингисеппском направлении. 17 августа 1-я пехотная дивизия атаковала Кингисепп с востока, в обход Кингисеппского УРа, в то время как 58-я пехотная дивизия 18-й армии подходила к городу с запада. За город и УР развернулись тяжелые бои. Здесь впервые под Ленинградом были применены пусковые установки РС, "катюши". Один из последних сохранившихся к августу 1941 г. островков "линии Сталина" Кингисеппский УР был построен в 1928—1932 гг. и протянулся на 50 км вдоль бывшей границы СССР с Эстонией. В 1940 г. УР был законсервирован, и приказ на расконсервацию поступил с началом войны. Из УРовских частей оборону в нем занимали 152-й и 263-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны. На укрепления отходили через Нарву вытесненные из Эстонии соединения 8-й армии. 291-я пехотная дивизия XXVI армейского корпуса начала штурм Нарвы 16 августа. С юга на Нарву наступала 58-я пехотная дивизия XXXVIII армейского корпуса. Город был в руках немцев уже на следующий день, а 20 августа 18-я армия пересекла старую границу и завязала бои с частями 8-й армии за Кингисеппский УР. Эстония, в которой местное [31] население встречало немцев если не с цветами, то не без симпатии, была позади. Впереди лежали леса и болота, в которой 18-й армии предстоит биться несколько долгих лет. Первая задача — штурм Кингисеппского УРа — была в основном решена за 18-ю армию левофланговыми соединениями 4-й танковой группы. Под угрозой отсечения от Ленинграда XXXVIII армейскому корпусу противника удалось оттеснить войска 8-й армии 18 августа на Копорское плато. Сообразно требованиям обстановки войска Кингисеппского боевого участка, отсеченные рывком танкового корпуса Рейнгардта к Красногвардейску от основной массы соединений Лужского рубежа обороны, были 21 августа переданы в подчинение штаба 8-й армии.

В тот период сохранение целостности и боеспособности 8-й армии было не менее, если не более важной задачей для советского командования, чем удержание Красногвардейского УРа. 25 августа Военный совет фронта в директиве командованию 8-й армии указывал:

"Роль вашей армии в обороне Ленинграда крайне велика и ответственна. Вы прикрываете побережье и береговую оборону, нависаете над коммуникациями противника и притянули на себя две-три пехотные дивизии, которые так необходимы противнику для борьбы непосредственно под Ленинградом"{10}.

Со всеми этими тезисами трудно не согласиться В лице 8-й армии М. М. Попов имел рычаг активного воздействия на обстановку на ближних подступах к городу.

Теснимые плотной массой немецкой пехоты войска 8-й армии вынуждены были с боями отходить в северо-восточном направлении. К 6 сентября им удалось закрепиться на фронте Копорский залив — Ропша и остановить наступление противника. Продолжая по-прежнему нависать над флангом противника, войска 8-й армии не давали ему возможности бросить все силы 18-й армии и 4-й танковой группы на Ленинград.

За ударом в обход Луги немецких танков вскоре последовал удар немецкой пехоты 16-й армии на новгородском направлении. Непосредственно на Новгород должен был наступать I армейский корпус под командованием генерала пехоты Куно-Ганса фон Бута. Ширина фронта наступления корпуса была всего 16 км. Корпус усиливался 659-й и 666-й батареями штурмовых орудий, несколькими тяжелыми артиллерийскими дивизионами, но главным козырем немецких войск должны были стать самолеты VIII авикорпуса Рихтгоффена. I армейский корпус должен был прорвать позиции советских войск на р. Мшага, овладеть Новгородом и далее наступать в направлении железнодорожной линии Ленинград — Москва. В отличие от Гепнера, командующий 16-й армией генерал Буш решил не отказываться от авиационной поддержки в наступлении на Новгород. Когда вечером 7 августа погода резко ухудшилась, от наступления на следующее утро отказались, занявшие исходные позиции части были отведены назад. Когда погода не улучшилась и на следующий день, начало наступления было вновь отложено. Наконец через день погода позволила использовать авиацию, и в 4.30 в воскресенье 10 августа немецкое наступление началось. В первом эшелоне I армейского корпуса наступали 11-я и 21-я пехотные дивизии, которые уже 10 августа прорвали первые две позиции советских войск. На следующий день был захвачен Шимск. 12 августа к расширяющемуся наступлению присоединились 126-я и 96-я пехотные дивизии.

Завершился прорыв обороны 48-й армии на новгородском направлении 13 августа. Решающую роль в этот день сыграл тот факт, что в руки немцев попал подробный план обороны 128-й стрелковой дивизии. На нем были обозначены минные поля, основные узлы сопротивления и распределение сил между различными участками обороны. В соответствии с этим командиры 11-й и 21-й

дивизий ввели своих саперов для ликвидации обширных минных полей, за саперами следовали авангарды наступающих полков. Для уничтожения ДОТов использовались 88-мм зенитки.
14 августа 21-я пехотная дивизия вышла к шоссейной дороге Новгород — Луга, а 11-я пехотная дивизия — к железной дороге на том же направлении. Саперный батальон 11-й дивизии взорвал мост на этой дороге. Советские войска на Лужском рубеже постепенно утрачивали ниточки коммуникаций, которые связывали их с тылом. Утром 15 августа немцами была предпринята попытка с ходу овладеть Новгородом, но она потерпела неудачу. На Новгород обрушились пикировщики VIII авиакорпуса. Позднее в отчетных документах немецкое командование признавало ключевую роль авиации в штурме Новгорода:
"Сопротивление было подавлено атаками пикирующих бомбардировщиков, которые подожгли город во многих местах".

В вечерние часы 21-я пехотная дивизия просочилась в город, и утром 16 августа над новгородским кремлем развевался немецкий флаг. Однако сражение за город на этом не закончилось. Полк 21-й пехотной дивизии и 424-й полк 126-й пехотной дивизии остались совместно с VIII авиакорпусом штурмовать город, а остальные полки 21-й дивизии и 11-я пехотная дивизия начали наступление на Чудово.
Начальник Генерального штаба Красной армии маршал Б. М. Шапошников 16 августа приказывал "Город Новгород не сдавать и держать до последнего бойца"{11}. В распоряжение командования Северо-Западного фронта Б. М. Шапошниковым направлялись свежесформированные 291-я, 305-я и 311-я стрелковые дивизии. Первая должна была занять рубеж реки Волхов, а вторая — оказать непосредственную поддержку войскам 48-й армии в боях за Новгород. Сражение за восточную часть Новгорода продолжалось до 19 августа. Основным его участником с советской стороны были остатки 28-й танковой дивизии полковника И. Д. Черняховского и 1-й горнострелковой бригады. Немецким войскам приходилось отбивать советские контратаки с применением танков, в ходе одной из которых 18 августа 3-й пехотный полк 21-й пехотной дивизии был полностью окружен. Однако мощная поддержка с воздуха в конечном итоге обеспечила немцам успех в боях за Новгород.
Пока шли бои за Новгород, I армейский корпус продвигался к Чудово. 11-я пехотная дивизия заняла оборону на Волхове с целью защиты правого фланга

корпуса, а боевая группа 21-й пехотной дивизии 20 августа захватила Чудово, перерезав Октябрьскую железную дорогу. На следующий день частями I армейского корпуса было отбито несколько советских контратак. Первая задача немецкого наступления на этом направлении была выполнена.

Наименее сильным был удар немецких войск на лужском направлении. Здесь LVI моторизованный корпус (269-я пехотная дивизия, дивизия СС "Полицай" и 3-я моторизованная дивизия) наносил сковывающий удар, имитирующий удар по кратчайшему расстоянию на Ленинград и не позволяющий советскому командованию снимать войска на выручку соседним участкам обороны Лужского рубежа. Одновременно сковывание боями не позволяло войскам под Лугой быстро оторваться от противника и вовремя вырваться из намечающегося окружения. Единственным послаблением для LVI корпуса стало начало наступления 10 августа, когда погода уже позволяла использовать авиацию. LVI корпус наступал по обе стороны от проходящего через Лугу шоссе на Ленинград. Атакующих немцев встретило сильное сопротивление 177-й стрелковой дивизии А. Ф. Машошина, поддержанной танками 24-й танковой дивизии. Над полем боя бушевал шквал огня. Командир дивизии СС "Полицай" генерал Мюльферштедт, стремясь морально поддержать своих подчиненных на участке наметившегося успеха, появился на поле боя и был убит. Но, несмотря на все усилия, прорвать оборону войск генерал-майора А. Н. Астанина не удавалось. 15 августа в позиционных боях была временно поставлена точка: наступление 34-й армии к югу от озера Ильмень заставило снять с фронта управление LVI корпуса и 3-ю моторизованную дивизию и форсированным маршем отправить под Старую Руссу. Оставшиеся под Лугой соединения были отданы под управление L армейского корпуса генерала кавалерии Линдемана. Продолжение наступления в урезанном составе решительных результатов не принесло, части L армейского корпуса завязли в позиционных боях к югу от Луги.

Перелом в боях под Лугой наступил, когда добились успеха основные ударные группировки 4-й танковой группы и 16-й армии на красногвардейском и новгородском направлениях. Продвижение XXVII корпуса 16-й армии открыло левый фланг Лужского участка генерала Астанина. Дивизия СС "Полицай" была 74-километровым маршем переброшена на восточный берег реки Луги и начала наступление на город Лугу с востока 23 августа 1941 г. Но бои у крепости нового времени, которой стал Лужский рубеж, завершались. Генерал Астанин 22 августа получил приказ отводить свои соединения вдоль железной дороги

на Красногвардейск. Дивизия СС "Полицай" взяла Лугу штурмом в воскресенье 24 августа. С 10 августа дивизией было захвачено 1937 пленных, снято 6500 (!) мин и захвачено 433 ДОТа и ДЗОТа, подбито 53 танка. Советская 24-я танковая дивизия полковника М. И. Чеснокова потеряла за время боев под Лугой со 2 августа 5 БТ-7, 70 БТ-5, 3 БТ-2, 7 огнеметных танков, 1 Т-28 и 9 бронемашин.

Отходившие на Сиверскую дивизии Лужской (переименованной в Южную) группы генерала Астанина попали в окружение 26 августа. В "котле" оказались 70-я, 90-я, 111-я, 177-я и 235-я стрелковые дивизии, 1-я и 3-я ДНО, 24-я танковая дивизия. С севера заслон против прорывающихся на соединение со своими советских частей образовала развернувшаяся на 180 градусов под Красногвардейском 8-я танковая дивизия. Западный, южный и восточный внутренние фронты окружения образовывали XXXXI моторизованный, L и XXVIII армейские корпуса противника. Окруженным южнее Сиверской частям и соединениям пришлось разделиться на несколько групп и выходить на соединение с войсками фронта под Ленинградом в районах Кириши и Погостье. Отряды возглавили командиры соединений и временных объединений — генерал А. Н. Астанин, полковники А. Ф. Машошин (командир 177-й стрелковой дивизии), А. Г. Родин (заместитель командира 24-й танковой дивизии, фактически возглавлял 1-ю ДНО), СВ. Рогинский (командир 111-й стрелковой дивизии) и Г. Ф. Одинцов. Пробивавшиеся из "котла" части постепенно вливались в состав защитников Ленинграда. А. Г. Родин впоследствии командовал 2-й танковой армией.

Бои в лужском "котле" продолжались до середины сентября 1941 г. "Котел" в сравнении с другими окружениями лета — осени 1941 г. принес немцам напряженные бои в лесисто-болотистой местности и не более 20 тыс. пленных. Упорное сопротивление окруженных под Лугой советских войск существенно сместило сроки начала штурма Красногвардейского УРа, ставшего последним сражением 4-й танковой группы на северном участке фронта.

Наступление под Старой Руссой. "Иглоукалыванием", призванным переломить обстановку на Северо-Западном направлении, должно было стать наступление южнее озера Ильмень во фланг нацеленной на Ленинград ударной группировки немецкой 16-й армии и 4-й танковой группы. В подготовке этого наступления принимали участие два сильных советских штабиста: начальник штаба Северо-Западного фронта Н. Ф. Ватутин и начальник штаба Северо-Западного направления М. В. Захаров. Оба в ходе войны подтвердили свою репутацию

грамотных военачальников, а Н. Ф. Ватутин стал одним из самых ярких советских командующих фронтами. Место для "иглоукалывания" было выбрано достаточно удачно. Немецкое командование считало советские войска, находившиеся к югу от Ильменя, разгромленными. В приказе по группе армий № 1770/41 от 27 июля 1941 г. фон Лееб писал:
"Противник перед фронтом 16-й армии уничтожен. Остатки отходят через болотистую местность к югу от озера Ильмень на восток".

Соответственно, против отходящих на восток "остатков" выделялось минимум войск, а основные силы 16-й армии генерал-полковника Эрнста Буша сосредотачивались в направлении Ленинграда. Южнее озера Ильмень занимал оборону X армейский корпус. В целом 16-я армия занимала фронт 140 км силами 5 2/3 пехотных дивизий, что дает нам оперативную плотность около 25 км фронта на одну дивизию. Такие разреженные порядки благоприятствовали успеху советского контрнаступления.
Ставкой ВГК в директиве № 00824 Северо-Западному фронту ставилась ограниченная задача:
"нанесение поражения силам противника, группирующимся в районе Сольцы — Старая Русса, Дно, занять Старую Руссу и ст. Дно и закрепиться на рубеже последней"{12}.

В операции должны были участвовать 11-я, 34-я, 27-я и 48-я армии. Задачи и исходные позиции для этих четырех армий обрисовывались в директиве следующим образом:
"3. Исходное положение войскам 34-й армии занять к вечеру 11 августа по восточному берегу р. Ловать, на фронте Кулаково, Коломна, имея к западу от р. Ловать на р. Порусья лишь передовые части и разведывательные отряды.
4. Главный удар нанести силами 34-й армии с одновременным ударом левого крыла 11-й армии в направлении пл. Взгляды и 48-й армии на Уторгош — Пески. Для обеспечения стыков между 11-й и 34-й армиями за правым флангом 34-й армии иметь стрел. дивизию и за стыком 34-й и 27-й армий — 181-ю стрел. дивизию" (там же).

Намеченный Н. Ф. Ватутиным и М. В. Захаровым темп наступления в 15 км в сутки подписавший директиву маршал Б. М. Шапошников считал завышенным. Он приказывал "при наступлении не зарываться вперед — ежесуточный темп

продвижения иметь четыре-пять километров, обращая внимание на разведку и обеспечение своих флангов и тыла и на закрепление за собой пройденного пространства". Начало операции было назначено на 12 августа.

Основной ударной силой наступления должны были стать 245-я, 254-я, 257-я, 259-я и 262-я стрелковые ди-визии 34-й армии. Три дивизии (254-я, 257-я, 262-я) были сформированы на территории Московского военного округа по приказу Л. П. Берии от 29 июня 1941 г. из кадров НКВД. Точнее, на формирование каждой дивизии выделялось 1000 человек рядового и младшего начальствующего состава и 500 человек командно-начальствующего состава из ведомства Берии, преимущественно из пограничников. Остальные бойцы и командиры для формируемых под эгидой НКВД дивизий призывались из запаса. Кадры НКВД, в сущности, рассеивались в массе призываемых из запаса, но все же играли роль ядра спешно формируемых соединений.

Подготовка наступления не ускользнула от внимания немецкого командования. Окончательные выводы были сделаны по возросшим объемам железнодорожных перевозок, замеченным с воздуха. 1 августа 1941 г. Гальдер записал в дневнике:

"Генерал Богач — результаты авиаразведки: 1. Сильная загрузка железной дороги у Старой Руссы. По-видимому, это связано с переброской в районе озера Ильмень трех дивизий, о которых показывал русский военнопленный — начальник штаба дивизии"{13}

Однако отказываться от подготовки наступления на Ленинград во имя парирования концентрации советских войск под Старой Руссой командование группы армий "Север" не стало. На пути 34-й армии по-прежнему оставались растянутые на широком фронте 30-я и 290-я пехотные дивизии.

Началось советское наступление в условиях, когда уже несколько дней шли бои на Лужском рубеже. Кроме того, X корпус начал собственное наступление южнее Ильменя и нарушил порядки готовившейся к наступлению 11-й армии. Несмотря на это, 34-я и 27-я армии начали наступление рано утром 12 августа. Потрепанная 27-я армия была остановлена восточнее Холма. Этот город неоднократно будет становиться "крепким орешком" на пути советских войск: зимой 1941—1942 гг. он будет окружен и гарнизон будет получать снабжение по воздуху. Куда успешнее наступала 34-я армия. Она продвинулась на 40 км вглубь немецкой обороны и уже утром 14 августа достигла железной дороги Дно — Старая Русса.

В этих условиях фон Лееб 14 августа развернул моторизованную дивизию СС "Тотенкопф" с новгородского направления к станции Дно для парирования советского наступления. Эсэсовская дивизия застрянет под Старой Руссой надолго и не будет участвовать в сентябрьском наступлении на Ленинград. За "Тотенкопфом" вскоре [42] последовали 3-я моторизованная дивизия и управление LVI моторизованного корпуса Э. фон Манштейна. На отражение удара 34-й армии также был брошен VIII авиакорпус Вольфрама фон Рихтгоффена. Последний был, пожалуй, самым сильным аргументом против наступления трех советских армий. Над полем боя действовало до 80—100 самолетов противника, воздействовавших на советские войска с 4.00—6.00 утра до 20.00—21.00 вечера.

Командир LVI моторизованного корпуса Э. фон Манштейн впоследствии писал:

"В штабе 16-й армии выяснилось следующее. 10 ак, который вел бой на правом фланге 16-й армии южнее озера Ильмень, был атакован значительно превосходящими силами противника (38-я советская армия с восемью дивизиями и кавалерийскими соединениями) и потеснен ими. Теперь он, обернувшись фронтом на юг, вел тяжелые оборонительные бои южнее озера Ильмень. Противник, видимо, имел намерение охватить его западный фланг. 56 тк должен был срочно отвлечь силы противника и выручить 10 ак.

Задача нашего корпуса прежде всего состояла в том, чтобы вывести свои две мотодивизии по возможности незаметно для противника к его открытому западному флангу восточнее Дно, с тем чтобы затем с фланга сбить его с позиций, обращенных фронтом на север против 10 ак, или зайти ему в тыл. Перед нами стояла прекрасная задача. Удовлетворением для нас было и то, что в дивизии СС "Тотенкопф" обрадовались, узнав, что она вновь поступила под наше командование. Но, к сожалению, не удалось добиться передачи нам и 8 тд для выполнения этой задачи.

К 18 августа нам удалось скрытно перебросить обе дивизии к западному флангу войск противника и, тщательно маскируясь, занять исходное положение. 19 августа утром началось наступление корпуса, явившееся, по-видимому, неожиданным для противника. Действительно, удалось, как и было задумано, сбить противника с позиций, нанеся ему удар во фланг, и во взаимодействии с вновь перешедшим в наступление 10 ак в дальнейших боях нанести решительное поражение советской 38-й армии. 22 августа мы достигли реки Ловать юго-восточнее Старой Руссы, несмотря на то что в этой песчаной

местности, почти полностью лишенной дорог, пехоте обеих моторизованных дивизий пришлось большую часть пути проходить пешим строем"{14}.

Манштейн ошибся относительно номера армии — 38-я армия только создавалась и действовала в полосе Юго-Западного фронта. Речь идет о 34-й армии.

К 25 августа 34-я и 11-я армии были оттеснены на линию реки Ловать. Наступление закончилось. Немцами было заявлено о захвате 18 тыс. пленных, захвате или уничтожении 20 танков, 300 орудий и минометов, 36 зенитных орудий, 700 автомашин. Здесь же немцами была впервые захвачена пусковая установка РС ("катюша"). Три армии Северо-Западного фронта действительно понесли большие потери. На 10 августа 11-я, 27-я и 34-я армии насчитывали 327 099 человек, а на 1 сентября их численность упала до 198 549 человек. 34-я армия на 10 августа насчитывала 54 912 человек, а на 26 августа ее численность просела до 22 043 человек. Из 83 танков было потеряно 74 единицы, из 748 орудий и минометов — 628 (84%).

Несмотря на то что наступающие понесли большие потери и в конце концов были отброшены в исходное положение, немецкое командование изменило свою оценку в отношении советских войск южнее озера Ильмень. 24 августа Верховное командование вермахта приказывает LVI моторизованному, II и X армейским корпусам группы армий "Север", а также LVII моторизованному корпусу группы армий "Центр" развивать наступление на восток в направлении Демянска и Великих Лук. Операция началась 30 августа. Вскоре немецкая 19-я танковая дивизия захватила Демянск. 20-я танковая дивизия LVII корпуса ударила с юга и соединилась с X корпусом, образовав окружение большей части 27-й армии и части сил 11-й и 34-й армий. Немцами было заявлено о захвате 35 тыс. пленных, уничтожении или захвате 117 танков и 254 орудий.

За окружением войск Северо-Западного фронта, сыгравших важную роль в августовских боях на дальних подступах к Ленинграду, последовали наказания. Инициатором был прибывший на Северо-Западный фронт Л. З. Мехлис. Командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор П. П. Собенников был снят, и его место занял генерал-лейтенант П. А. Курочкин, отличившийся под Смоленском. Вскоре П. П. Собенников был осужден на пять лет. Однако вместо заключения он был понижен в звании, оставлен на фронте и впоследствии снова стал генералом. За снятием с должности последовали расстрелы. Лично

Мехлис составил приказ войскам фронта № 057 от 12 сентября 1941 года, в котором присутствовали такие строки:
"...За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выходе на помощь наступающим с запада частям, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии".

Приказ был составлен задним числом. Генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров был расстрелян перед строем штабных работников 34-й армии на день раньше, 11 сентября 1941 г.
Столь же трагично сложилась судьба командующего 34-й армией генерал-майора Кузьмы Максимовича Качанова. Суд (военный трибунал Северо-Западного фронта) признал командующего 34-й армией виновным в неисполнении полученного им 8 сентября 1941 г. приказа Военного совета фронта о нанесении соединениями армии удара во фланг и тыл наступающему противнику, уничтожении его и выходе на новый рубеж. В обвинительном заключении говорится, что якобы Качанов, вопреки упомянутому приказу, снял с оборонительного рубежа три дивизии, что позволило противнику прорвать оборону армии и выйти ей в тыл. В приговоре отмечалось, что "отход произведен в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории". Трибуналом были отметены вполне разумные доводы, приведенные К. М. Качановым в свою защиту, и 27 сентября был вынесен смертный приговор. Бывшего командарма-34 расстреляли 29 сентября 1941 г.
Кляксой на смертном приговоре двух генералов завершилась история 34-й армии, контрудар которой сыграл важнейшую роль в начальной фазе сражения за Ленинград. Этим ударом были оттянуты от Лужского рубежа подвижные соединения как 4-й (LVI корпус), так и 3-й (LVII корпус) танковых групп вермахта. Были лишены эшелона развития успеха в лице моторизованных дивизий как группа "Луга", так и группа "Шимск", нацеленные на Лужский рубеж. В условиях крайне жестких сроков, в рамках которых было возможно использование подвижных соединений в группе армий "Север" до их рокировки в сентябре 1941 г. на московское направление, даже минимальные задержки

давали переход из количества в качество. С этой точки зрения роль контрудара под Старой Руссой в сражении за Ленинград трудно переоценить.

Бои на Карельском перешейке. Крупномасштабное наступление финских войск на Карельском перешейке началось позже, чем на других участках советско-финской границы. Только 30 июля финский главнокомандующий фельдмаршал Маннергейм отдал II корпусу генерала Лаатикайнена приказ "начать на следующий день наступление в соответствии с планом".

Наиболее опасным с оперативной точки зрения было положение войск правого фланга оборонявшей Карельский перешеек 23-й армии генерал-лейтенанта П. С. Пшенникова. С одной стороны, начертание границы 1940 г. обеспечивало локтевую связь между войсками на Карельском перешейке и 7-й отдельной армией, действовавшей между Ладожским и Онежским озерами. В распоряжении 23-й и 7-й армий была рокада Петрозаводск — Кексгольм, позволявшая маневрировать силами вдоль фронта. С другой стороны, за спиной правофланговых 168-й, 142-й стрелковых и 198-й моторизованной дивизий, объединенных управлением 19-го стрелкового корпуса, было Ладожское озеро. [47] Единственной коммуникацией, связывавшей их с тылом, была дорога, проходившая через Кексгольм по западному берегу Ладожского озера. В таком шатком положении находилась большая часть войск 23-й армии — 12 стрелковых (67% общей численности) и 7 артиллерийских (58%) полков.

Положение советских войск на Карельском перешейке принципиально отличалось от положения финнов в декабре 1939 г. Большая протяженность границы 1940 г. к северу от Ленинграда привела к тому, что советские дивизии 19-го стрелкового корпуса занимали оборону на широком фронте. Например, 142-я стрелковая дивизия прикрывала границу на фронте 59 км. Примыкавшая к ее левому флангу 115-я стрелковая дивизия занимала фронт 47 км. Даже в условиях Карельского перешейка эти плотности были недостаточными для ведения эффективных оборонительных действий. 198-я моторизованная дивизия к тому моменту была дивизией скорее номинально, чем реально, поскольку была постепенно растащена на другие участки фронта. Танковый полк дивизии еще в июле был переброшен на другое направление, 452-й мотострелковый полк убыл на олонецкое направление в Карелию. Осложнение обстановки на лужском направлении также вынудило снять с Карельского перешейка и отправить в район Луги 21-ю и 24-ю танковые дивизии, входившие в состав 10-го механизированного корпуса, лишив 23-ю армию

крупных подвижных резервов. 6 августа 23-я армия стала кадровым донором — генерал-лейтенант П. С. Пшенников был назначен командующим 8-й армией. Вместо П. С. Пшенникова 23-ю армию возглавил М. Н. Герасимов, ранее командовавший 19-м стрелковым корпусом. Корпуса по директиве Ставки Верховного командования от 15 июля 1941 г. постепенно расформировывались, а их командование становилось ядром вновь создаваемых армейских управлений.

Последним звеном в цепи обстоятельств, ставивших 23-ю армию в весьма уязвимое положение, была недооценка планов противника. Разведотдел штаба фронта 28 июля 1941 г. оценивал планы финской стороны следующим образом: "Наступление с решительными целями на выборгском направлении противник попытается повести только после того, как обеспечится успех на кингисеппском направлении"{15}.

Более вероятным считалось развитие наступления на петрозаводском направлении.

Утром 31 августа после короткой артиллерийской и авиационной подготовки в наступление перешли 2-я и 15-я пехотные дивизии финнов. 1 августа были введены в бой основные силы II финского корпуса. Наступление против растянутых по фронту советских соединений развивалось вполне успешно. С 1 по 3 августа во всей полосе 19-го стрелкового корпуса шли ожесточенные бои. В течение 4—6 августа командование 23-й армии пыталось организовать контрудар с привлечением 50-го стрелкового корпуса, действовавшего в районе Выборга. Но переломить ситуацию в свою пользу советским войскам не удалось. Для стабилизации обстановки на Карельском перешейке командование Северо-Западного направления было вынуждено использовать свои резервы. Уже 6 августа в распоряжение 23-й армии поступила 265-я дивизия, формировавшаяся по вышеуказанному приказу Л. П. Берии из кадров НКВД. Тем временем 8 августа 10-я и 15-я пехотные дивизии финнов вышли к проходящей по берегу Ладожского озера дороге на Кексгольм. Тем самым были прерваны коммуникации правофланговых дивизий 23-й армии. 9 августа финны заняли город Лахденпохья, что означало расчленение прижатых к северному берегу Ладожского озера советских войск на две изолированные группировки. Первую образовывали части 168-й стрелковой дивизии, находившиеся между Сортавалой и Лахденпохья, атакуемые смежными флангами II и I финских корпусов. Вторую составляли части 142-й стрелковой

и 198-й моторизованной дивизий к юго-западу от Лахденпохья. 10 августа был организован контрудар силами двух полков прибывшей 265-й стрелковой дивизии во фланг наступавшей на Кексгольм группировке финских войск, однако восстановить связь с правофланговыми дивизиями 23-й армии этим контрударом не удалось.

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Командиры 142-й и 198-й дивизий приняли решение в ночь на 12 августа организованно отвести части в шхерный район Ладоги на остров Килпола. Командование корпуса санкционировало отход. Остров Килпола с материком соединял мост. По этому мосту под огнем артиллерии и ударами немецкой и финской авиации отходили части двух советских дивизий. С острова они должны были эвакуироваться судами Ладожской флотилии. Первоначально идея прекратить сопротивление и вывезти дивизии по Ладоге в районе Кексгольма для построения нового фронта не вызвала поддержки в штабе Северо-Западного направления. Утром 12 августа последовало строгое распоряжение главкома К. Е. Ворошилова, продиктованное по телефону начальником штаба фронта:

"Решение командующего 23 А о вывозе 142 и 198 сд водой в Кексгольм неверно. Потребовать выполнения ранее поставленной задачи, т.е. удара на ст. Оярви навстречу наступающей с юга 265 сд. Вывоз средствами Ладожской флотилии только раненых, тяжелой артиллерии. 168 сд желательно сохранить за собой район Сортавала..."{16}.

Однако дальнейшее развитие событий вынудило пересмотреть это решение. Наступление финнов на кексгольмском направлении продолжалось, и сдерживать его было нечем. В этих условиях Военный совет Северного фронта принял решение на эвакуацию изолированных на северном берегу Ладожского озера групп войск. Боевым распоряжением № 83 17.8.41 16.15 Военный совет 23-й армии обязывается "организовать лично вывод и эвакуацию 168-й, 142-й и 198-й сд в район южнее Кексгольма. Эвакуацию 168-й сд предварительно производить на остров Валаам, в последующем к югу от Кексгольма. К эвакуации приступить немедленно"{17}.

Эвакуация 168-й стрелковой дивизии фактически началась за день до этого распоряжения, 16 августа. Первоначально дивизию намечалось перебросить на новую линию обороны 23-й армии по реке Вуокса. Но затем были внесены изменения, и части высаживались в Шлиссельбурге и сосредоточивались в районе Катула — Гарболово — Вуолы — Коркино. Арьергардные бои финских и

советских войск на островах у северного побережья Ладожского озера продолжались до 20 августа. К 23 августа острова опустели.

Выход II финского корпуса к вуоксинской водной системе открывал перед финским командованием перспективу удара во фланг и тыл войскам 23-й армии в районе Выборга, в обход Выборгского укрепрайона. Противник стремился окружить 43-ю, 115-ю и 123-ю стрелковые дивизии. 21 августа ознаменовалось началом наступления финнов на всем Карельском перешейке, в бой на выборгском направлении вступил IV финский корпус генерала Оэша. Корпус должен был сковать с фронта окружаемые советские части. В свою очередь, со стороны Вуокси подошел к Выборгу на 12 километров II финский корпус. Для перехвата идущих из Выборга на юг коммуникаций финны переправились на южный берег Выборгского залива и перерезали дороги, проходившие по берегу Финского залива. Тяжелые бои на Лужском рубеже, развернувшиеся к югу от Ленинграда, не позволяли командованию Северо-Западного направления перебросить на Карельский перешеек резервы с целью нанесения контрудара и разгрома вклинившихся в построение 23-й армии финских войск. К 25 августа все дорожные магистрали, связывавшие войска 19-го стрелкового корпуса с тылом, были перерезаны.

В этих условиях советское командование решило эвакуировать блокированные в районе Выборга соединения по морю. Флот перевез более 27 тыс. бойцов и командиров, 188 артиллерийских орудий, 950 автомашин и более 2 тыс. лошадей. 28 августа финны заняли оставленный советскими войсками Выборг и провели парад. Отход и последующая эвакуация неизбежно приводили к потерям людей и техники. Финнами было заявлено о захвате 9 тыс. пленных, 306 различных орудий, 246 минометов, 55 танков, 673 автомашин, 4500 лошадей. По решению Военного совета Ленинградского фронта, принятому 1 сентября, войска 23-й армии заняли рубеж от Финского залива вдоль берега реки Сестры к Ладожскому озеру. Опорой 23-й армии, большая часть соединений которой пережила окружение и вывоз из него по воде, стал Карельский УР, сохранившийся "островок" "линии Сталина".

Карельский УР был одним из первых укрепленных районов, построенных в СССР. На Карельском перешейке граница проходила всего в 32—50 км от крупного политического и промышленного центра страны — Ленинграда. Приказ о строительстве УРа был подписан К. Е. Ворошиловым 19 марта 1928 г. Последние сооружения КаУРа были возведены в 1938—1939 гг. После "зимней войны" КаУР, казалось, потерял свое значение Его ДОТы были

законсервированы, орудия и пулеметы были сняты с целью вооружения строившегося в 1940—1941 гг. Выборгского УРа. В июле 1941 г. начались спешные работы по расконсервации и вооружению Карельского укрепрайона. С помощью ленинградских метростроевцев строились дополнительные сооружения, отрывались траншеи и блиндажи.

КаУР вступил в бой позднее других укрепрайонов "линии Сталина". Только 4 сентября передовые части финской 18-й пехотной дивизии переправились через р. Сестра и заняли поселок Белоостров. Буквально в нескольких сотнях метров от реки располагался самый крупный ДОТ КаУРа — двухпушечный полукапонир "Миллионер" постройки 1938 г., вооруженный двумя 76-мм пушками и двумя пулеметами. Поскольку полевое заполнение отсутствовало, финским пехотинцам удалось захватить вынесенный вперед "Миллионер". Дальше финны пройти не смогли — перед ними лежало заболоченное пространство и противотанковый ров, простреливающиеся другими ДОТами КаУРа. Вскоре оборону в КаУРе заняли части вывезенных из Выборга дивизий. Преодоление занятого укрепленного района не входило в планы финского командования, но оно стремилось максимально использовать успех предыдущих боев. Нежелание солдат переходить границу жестко наказывалось. В финском 48-м пехотном полку 83 солдата, упорствовавших в нежелании продвигаться дальше, получили по 10 лет тюремного заключения. Маннергейм использовал в своем приказе от 3 сентября формулировку "Граница достигнута, борьба продолжается". Однако Карельский перешеек после выхода финских войск на линию, примерно соответствующую границе 1939 г., стал второстепенным направлением. Во второй половине сентября на КаУРе произошли столкновения локального значения, в частности было предпринято несколько попыток отбить "Миллионер". Но все они были неудачными, и советский ДОТ надолго стал узлом финской обороны. Фронт на северных подступах к Ленинграду стабилизировался до июня 1944 г.

Намного интенсивнее "борьба продолжилась" на петрозаводском направлении. Существовавшая до "зимней войны" граница между СССР и Финляндией была достигнута еще в конце июля. Однако 2 августа в финскую армию поступила просьба немецкого Верховного командования сухопутных войск перебросить главные силы финской армии в район Лодейного Поля к реке Свирь. Успешное наступление на Карельском перешейке позволило финнам проводить наступление на Свирь без опасения за фланги.

4 сентября финскую Ставку с визитом посетил начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Йодль. От имени Гитлера он вручил Маннергейму железные кресты всех трех степеней, а также пообещал поставить Финляндии 15 000 тонн ржи, чтобы финны смогли спокойно дожить до нового урожая. В свою очередь, финский главнокомандующий уведомил Йодля, что Карельская армия в тот же день предпримет новое наступление в направлении Свири. Это означало, что он согласен выполнить пожелание, неоднократно высказываемое немецким союзником. Легенда о том, что финская армия ставила только задачу вернуть отобранное Советским Союзом в 1940 г., была позднее выдумана задним числом. Если на Карельском перешейке переход через границу 1939 г. носил эпизодический характер и был вызван тактическими задачами, то между Ладожским и Онежским озерами старая граница была пересечена на всем ее протяжении и на большую глубину.

Повинуясь отданному 27 августа приказу Маннергейма и опьяненные успехами предыдущих месяцев, финские войска перешли старую границу с СССР и устремились к Свири.

Для наступления между Ладожским и Онежским озерами в Карельской армии были созданы три ударные группировки: 1) VI армейский корпус (1-я егерская бригада, 5-я и 17-я пехотные дивизии) с задачей: выйти на Свирь с перспективой ее форсирования; 2) VII армейский корпус (1-я и 11-я пехотные дивизии), получивший задачу захватить Петрозаводск и выйти к Онеге на широком фронте, перерезав Мурманскую железную дорогу; 3) Оперативная группа "О" (кавалерийская и 2-я егерская бригады) должна была овладеть Медвежьегорском с перспективой дальнейшего наступления с целью захвата железнодорожной станции Сорока (Беломорск).

В резерве на петрозаводском направлении находились 7-я финская и 163-я немецкая пехотные дивизии.

Рано утром 4 сентября Карельская армия начала наступление, отбрасывая к югу войска советской 7-й отдельной армии. На правом фланге армии располагался VI корпус, усиленный 7-й дивизией, а к левому флангу присоединился VII корпус, заново сформированный из 1-й и 11-й дивизий. 7 сентября финские части достигли реки Свирь в районе Лодейного Поля. На следующий день была перерезана Мурманская железная дорога в районе станции Свирь. Левофланговый VII корпус генерала Хягглунда, усиленный 4-й дивизией, переброшенной с Карельского перешейка, занял Пряшу — узел дорог в 40 км западнее Петрозаводска. Далее бои перешли в позиционную

фазу. Блокированный Петрозаводск был занят финнами 1 октября 1941 г. Финские армии, выйдя на рубеж Свири, стали ожидать выхода им навстречу войск группы армий "Север", с тем чтобы окончательно прервать сообщение Ленинграда с Большой землей. Финляндия окончательно перешла Рубикон и из обиженной "зимней войной" страны, возвращавшей захваченное, сама стала агрессором и активным пособником Германии в реализации ее самых мрачных и жестоких планов.

Таллинский переход. Примыкание фланга войск Северо-Западного направления к Балтийскому морю имело свои достоинства и недостатки. С одной стороны, это затрудняло обход правого фланга действующих в Прибалтике советских войск. С другой стороны, группа армий "Север" благодаря морским перевозкам по Балтике находилась в наилучшем в сравнении с другими группами армий положении в отношении снабжения. Однако наиболее значимым фактором было взаимодействие с флотом и возможность маневра по морю. Воспрепятствовать этому маневру немецкое командование могло минными постановками и ударами по кораблям Краснознаменного Балтийского флота с воздуха.

Наступление XXVI армейского корпуса 18-й армии в Эстонии привело к рассечению войск советской 8-й армии надвое. 7 августа 254-я пехотная дивизия вышла на побережье Финского залива, перерезав железную и шоссейную дорогу Ленинград — Таллин. 10-й стрелковый корпус отошел в район Таллина, а 11-й стрелковый корпус — в район севернее Чудского озера. После выхода к морю XXVI корпус стал развивать наступление на Нарву 93-й и 291-й пехотными дивизиями. 254-я пехотная дивизия развернулась на 180 градусов и направилась к Таллину. В любой другой ситуации судьба 10-го стрелкового корпуса (10-я и 16-я стрелковые дивизии и 22-я мотострелковая дивизия НКВД) была бы незавидной. Оторвавшееся от основных сил фронта соединение было бы обречено на гибель. Дополнение к директиве № 33 предписывало уничтожить советские войска и особо подчеркивалось, что "необходимо не допустить их погрузку на суда". Однако отход в крупную базу военно-морского флота давал надежду на спасение. Решением Ставки ВГК от 17 августа руководство обороной Таллина было возложено на командующего Балтийским флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца с подчинением ему всех сухопутных войск. Командир 10-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Николаев назначался его заместителем по сухопутной обороне. Всего в боевых

порядках на сухопутном фронте обороны Таллина было около 27 тыс. человек при 200 орудиях калибром от 76 до 305 мм, 13 танках Т-26 и 85 самолетах.

Подготовка немцев к сражению за Таллин началась уже в начале августа. Выход немецких войск к побережью Финского залива создал географические предпосылки для сооружения минного заграждения восточнее Таллина, которое получило кодовое наименование "Юминда". 9 августа минный заградитель "Кобра" установил первое минное поле. В течение двух недель "Юминда" была расширена минными заградителями "Кобра", "Кёнигин Луиза", "Кайзер", "Ролланд" и "Бруммер" 5-й флотилии минных заградителей. Постановку прикрывали 1-я и 2-я флотилии торпедных катеров. Всего было поставлено 19 минных полей. В последнюю неделю августа в ожидании советского прорыва немецкими и финскими заградителями было поставлено еще 12 минных полей и береговая батарея из 170-мм полевых орудий на мысе Юминда. Всего до конца августа было установлено 2828 мин и 1487 минных защитников. Ряды мин находились в 8—10 м друг от друга. Уже 11 августа подорвался на мине и погиб тральщик Т-213 "Крамбол". Тяжелые повреждения в этот день получили эсминец "Стерегущий" и транспорт "Вячеслав Молотов". 24 августа на "Юминде" подорвался эскадренный миноносец "Энгельс" (типа "новик" дореволюционной постройки), тральщики Т-209 "Кнехт" и Т-214 "Бугель".

Штурм Таллина начался 20 августа. Город атаковали 254-я, 61-я и 217-я пехотные дивизии, объединенные управлением XLII армейского корпуса генерала инженерных войск Кунтце. С 22 августа в систему обороны города были включены корабли Балтийского флота. Огонь по наступающим немецким войскам вели крейсер "Киров", лидеры "Ленинград" и "Минск". Но заменить потерянную отступавшими от границы дивизиями артиллерию корабли полностью не могли. Медленно, но верно части корпуса Кунтце продвигались вперед. 25 августа 254-я пехотная дивизия достигла восточных пригородов Таллина. Вечером 27 августа наступающие начали атаку прибрежной части Таллина и обстрел бухты артиллерией и даже минометами. Видя, что возможности обороны города исчерпаны, командующий Северо-Западного направления отдал приказ об эвакуации Таллина и переходе кораблей в Кронштадт. Кораблям предстояло пройти 220 миль через минные поля под огнем артиллерии и ударами с воздуха. Вечером 27 августа началась погрузка войск на корабли. Орудия крейсера и эсминцев в это время вели интенсивный

огонь, не позволяя немцам приблизиться вплотную к гавани. К 23.00 27 августа корабли вышли на рейд.

Переход транспортов обеспечивали корабельные соединения и части флота, объединенные в три маневренных отряда: главных сил, прикрытия и арьергард. В отряд главных сил под командованием вице-адмирала В. Ф. Трибуца, державшего флаг на крейсере "Киров", вошли 28 боевых кораблей, в том числе крейсер, три эсминца, четыре подводные лодки, шесть малых "охотников". В составе отряда прикрытия под командованием начальника штаба флота контр-адмирала Ю. А. Пантелеева (флаг на лидере "Минск") числились лидер, два эсминца, одна подводная лодка, несколько сторожевых кораблей и торпедных катеров. Наконец в арьергарде, который возглавлял командир минной обороны флота контр-адмирал Ю. Ф. Ралль (флаг на эсминце "Калинин"), находились три старых эсминца-"новика": "Калинин", "Артем", "Володарский" и сторожевые корабли "Снег", "Буря" и "Циклон".

Первоначально планировалось начать переход в ночь с 27 на 28 августа, чтобы пройти через "Юминду" в светлое время суток. Однако начавшийся шторм спутал все расчеты, и только в 16.00 28 августа корабли отряда главных сил снялись с якоря. Через три часа после съемки с якорей корабли и суда вытянулись в одну линию протяженностью почти 30 км. Всего в переходе участвовали 153 боевых корабля и катера и 75 судов. Впереди шел отряд главных сил, затем первый конвой, отряд прикрытия, третий и четвертый конвои, а параллельно, чуть севернее, шел второй конвой.

К "Юминду" корабли подошли уже в сумерках, что позволило "рогатой смерти" собрать обильную жатву. Двигавшиеся впереди пять базовых тральщиков обеспечивали для проводки кораблей полосу шириной 3 кабельтова (560 м). Защитой кораблей были только так называемые параваны — спускаемые на тросах небольшие поплавки, напоминавшие внешне самолеты. При движении корабля они гидродинамически разводились в стороны от борта и теоретически должны были отводить мины от корпуса судна. Один крейсер "Киров" своими параванами захватил две мины. Однако параваны не были панацеей. В последующие часы на минах погибли тральщики ТЩ-71 "Краб" и ТЩ-56 "Барометр", подводные лодки С-5 и Щ-301, эскадренные миноносцы "Артем", "Володарский", "Калинин", "Скорый" и "Яков Свердлов", сторожевые корабли "Снег" и "Циклон", 31 транспорт и вспомогательное судно. В 22.45 28 августа, когда основная масса кораблей прошла минное заграждение, В. Ф. Трибуц отдал приказ встать на якорь. В 5.40 утра отряд главных сил снялся с якоря и

продолжил движение. С 7.00 начались атаки немецкой авиации (семь Ю-88 из 77-й бомбардировочной эскадры), продолжавшиеся на всем пути от острова Родшер до острова Гогланд.

Не всегда подрывы на минах приводили к гибели корабля. В 21.30 28 августа на мине подорвался лидер "Минск", однако корабль сохранил ход и вечером 29 августа встал на якорь на Большом Кронштадтском рейде. Всего в Кронштадт прибыли 112 кораблей, 23 транспорта и вспомогательных судна. На кораблях было эвакуировано более 18 тыс. защитников Таллина. Не всем защитникам Таллина удалось попасть на транспорты. По немецким данным, в оставленном советскими войсками Таллине было захвачено 11 432 пленных, 97 орудий и 144 зенитные пушки.

Таллинский переход, конечно, нельзя охарактеризовать как блестящую операцию советского военно-морского флота. Командованием флота не была использована теоретическая возможность обхода "Юминды" с севера. Однако переход также никак нельзя охарактеризовать как поражение, подобное Цусиме. Три самых крупных боевых корабля — крейсер "Киров", лидеры "Ленинград" и "Минск" самостоятельно пришли в Кронштадт, а потеряны были в основном старые эскадренные миноносцы-"новики" еще царской постройки. К новейшим кораблям "проекта 7" из погибших кораблей относился только "Скорый". Символично, что в ходе Таллинского перехода погиб родоначальник серии "новиков" — в 20.30 подорвался и вскоре затонул эскадренный миноносец "Яков Свердлов", называвшийся до революции "Новик". В целом можно отметить, что Балтийским флотом был произведен вполне удачный маневр по морю, спасший значительную часть войск 10-го стрелкового корпуса от уничтожения и позволивший солдатам и командирам соединения принять участие в боях под Ленинградом в самые напряженные дни сражения за город.

Фронт становится Ленинградским. Выход немецких танков и пехоты на ближние подступы к Ленинграду потребовал изменения системы управления войсками. Ставка 23 августа решила разделить Северный фронт на два фронта — Ленинградский и Карельский. Командующим Ленинградским фронтом был утвержден ранее командовавший Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов, начальником штаба — полковник Н. В. Городецкий. Последний являлся ранее начальником штаба 23-й армии. Первоначально Ленинградскому фронту подчинялись 8-я, 23-я и 48-я армии.

Особенностью боевых действий на советско-германском фронте в августе-сентябре 1941 г. было воронкообразное расширение линии соприкосновения

войск сторон. Ярче всего этот фактор проявлялся на Северо-Западном направлении. Постепенный отход советских войск на Ленинград приводил к образованию фронта к югу от озера Ильмень до Великих Лук. На прикрытие этого фронта были вынуждены расходовать силы обе стороны. Советский Северо-Западный фронт две из трех своих армий (11-ю и 27-ю) задействовал именно здесь. Прорыв немецкой 16-й армии через Новгород севернее озера Ильмень вновь означал удлинение линии соприкосновения войск сторон и необходимость образования линии фронта, тянущейся с севера на юг. На реке Волхов образовался разрыв между войсками Новгородской армейской группы Северо-Западного фронта и войсками Северного (Ленинградского) фронта.

Прикрытие линии реки Волхов было необходимым в первую очередь для предотвращения окружения Ленинграда. Еще 17 августа, в разгар боев за Новгород, Ставка ВГК указывала командованию Северо-Западного направления на опасность окружения Ленинграда:

"Ставка считает, что наиболее опасным направлением продвижения противника является восточное направление в сторону Новгорода — Чудова — Малой Вишеры и дальше через реку Волхов. Если немцы будут иметь успех в этом направлении, то это будет означать обход Ленинграда с востока, перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов. При этом вероятно, что немцы сомкнут здесь свой фронт с фронтом финнов в районе Олонца. Нам кажется, что главком Северо-Западного [направления] не видит этой смертельной опасности и потому не предпринимает никаких особых мер для ликвидации этой опасности.

Ликвидировать эту опасность вполне возможно, так как у немцев сил здесь немного, а подброшенные нами на помощь новые три дивизии при умелом руководстве могли бы ликвидировать опасность. Ставка не может мириться с настроениями обреченности и невозможности предпринять решительные шаги, с разговорами о том, что уже все сделано и ничего больше сделать невозможно"{18}.

Как мы видим, уже через неделю после начала немецкого наступления советское Верховное командование в целом верно оценило задачи, поставленные в директиве ОКВ № 34. Окружение Ленинграда путем соединения с финской армией было опаснее лобового штурма города. Ошибка заключалась лишь в тезисе "у немцев сил здесь немного". Сил группы армий "Север" действительно было немного, но на их усиление уже выдвигался XXXIX

моторизованный корпус 3-й танковой группы, которому предстояло на долгие месяцы стать участником тяжелых боев на Волхове. В состав корпуса на тот момент входили 12-я танковая, 18-я и 20-я моторизованные дивизии. Единственное оснащенное танками соединение корпуса, 12-я танковая дивизия была уже изрядно потрепана боями. Но на 26 августа она еще была в высокой степени боеспособности: в ее составе насчитывалось боеготовыми 7 танков Pz.I, 5 Pz.II, 42 Pz.38(t), 14 Pz.IV и 8 командирских танков.

Для парирования возникшего кризиса Генеральный штаб начал вводить на фронт на Волхове свежесформированные соединения. Первой стала 52-я армия, разворачивавшаяся в районе Тихвина по директиве Ставки ВГК №001200. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант Н. К. Клыков, начальником штаба — генерал-майор П. И. Ляпин. Как и в других армиях с большими номерами, формирование управлением армии произошло на базе управления одного из упраздненных стрелковых корпусов. В случае с 52-й армией это был 25-й стрелковый корпус. Согласно вышеуказанной директиве Ставки состав армии Н. К. Клыкова был следующим:

"3. В составе 52-й армии иметь: 285 сд в районе Волхова; 292 сд в районе ст. Волховская Пристань; 288 сд в районе ст. Тихвин; 314 сд в районе Хвойная, ст. Песь; 316 сд в районе Боровичей; 312 сд в районе Валдая; 294 сд в районе Окуловки; 286 сд в районе Череповца".

Все эти дивизии были июльского формирования, самой известной из которых впоследствии стала 316-я стрелковая дивизия И. В. Панфилова. Соединения не выдвигались сразу на фронт, так как не были еще подготовлены к боям. Несколько дней спустя И. В. Сталин в телефонном разговоре с М. М. Поповым так высказался о них:

"Дивизий Клыкова передать не можем, они совершенно сырые, несколоченные, и было бы преступно бросать их на фронт, все равно разбежались бы, а технику сдали бы врагу. Недели через две, пожалуй, сумеем две сколоченные дивизии передать вам"{19}.

Появление новой линии фронта из новых дивизий вскоре стало неприятной неожиданностью для немцев. Окруженные части и соединения, защищавшие Лужский рубеж, сражались в изоляции. Защитники Новгорода были отброшены на восток. Действовавшая к юго-востоку от Ленинграда 48-я армия насчитывала всего 10 тыс. человек. Но вместо победного марша на Ленинград

и навстречу финнам 16-я армия снова ввязывалась в напряженное сражение на все увеличивающемся фронте.

Однако первым неприятные сюрпризы получило советское командование. Буквально через день после появления директивы на прикрытие фронта по Волхову 52-й армией в бой в составе группы армий "Север" вступил XXXIX моторизованный корпус генерала Рудольфа Шмидта. Теперь немецкая 16-я армия получила в свое распоряжение эшелон развития успеха в лице трех подвижных соединений. Принадлежавшая XXXIX корпусу 12-я танковая дивизия генерал-майора Гарпе 25 августа заняла Любань, выбив из города части 1-й горно-стрелковой бригады. Далее XXXXIX моторизованный корпус разошелся веером: 12-я танковая дивизия повернула на запад на Колпино, 18-я моторизованная дивизия — на Кириши и 20-я моторизованная — на север, отсекая Ленинград от страны. За ними по пятам двигались пехотные дивизии 16-й армии.

Поскольку сразу вводить в бой армию Н. К. Клыкова было невозможно, для парирования возникшего на кол-пинском направлении кризиса командование Ленинградского фронта использовало уже имеющиеся в его распоряжении дивизии. Во-первых, оно усилило слуцко-колпинскую группу вывезенной по Ладоге с Карельского перешейка 168-й стрелковой дивизией полковника А. Л. Бондарева и 4-й ДНО из Красногвардейска. За ними последовала пополненная до 9 тыс. человек 70-я стрелковая дивизия, пробившаяся из лужского "котла". Войска на этом направлении были объединены под командованием 55-й армии. Управление армии было сформировано на базе управления 19-го стрелкового корпуса. Возглавил армию генерал-майор танковых войск И. Г. Лазарев.

Стабилизировавшийся фронт на Карельском перешейке стал донором частей и соединений для парирования немецкого наступления к югу от Ладожского озера. По боевому приказу штаба фронта № 007 1-я дивизия войск НКВД под командованием полковника СИ. Донскова перебрасывалась по железной дороге в район Мги с Карельского участка фронта. Ранее части Донскова обороняли Кексгольм. Уже 28 августа 1-я дивизия НКВД была выгружена на левом берегу Невы. Однако к началу боев за Мгу она не успела. Мга была взята 20-й моторизованной дивизией генерала Цорна 31 августа 1941 г.

В тот же день Мга была контратакована подошедшей 1-й дивизией НКВД и выбитой из города 1-й горнострелковой бригадой. Наступление дивизии полковника СИ. Донскова поддерживали 9 танков Т-26, 3 Т-50 и 7 КВ. Наступление дивизии НКВД поддерживали огнем своей артиллерии

эскадренные миноносцы "Строгий" и "Стройный". За Мгу развернулись напряженные бои.

2 сентября на мганское направление по директиве Ставки ВГК № 001563 выдвигалась еще одна армия из свежесформированных дивизий. Это была 54-я армия маршала Г. И. Кулика, управление которой формировалось из управления 44-го стрелкового корпуса. Директива Ставки ВГК требовала в состав армии включить:

"а) из 52-й армии — 285-ю стр. дивизию в районе Волховстроя; один стр. полк ее сосредоточить в районе Иссад — Сельцо — Кобылкино; 310-ю стр. дивизию походом сосредоточить в районе Вельца — Панево — Славково; 286-ю стр. дивизию сосредоточить в районе Вячьково — рзд. Куколь — Конец; 314-ю стр. дивизию — в районе Селище — Веретье — Лынна — Усадище.

Все дивизии сосредоточиваются распоряжением командующего 52-й армией.

б) 27-ю кав. дивизию — в районе Городище, Пчева, Рысино; в) 122-ю танковую бригаду — в районе Волховстрой — Вячьково; г) 119-й танковый батальон в том же районе; д) 881-й и 882-й кап (корпусной артиллерийский [68] полк) — в районе Вячьково — Веретье — Устье и 883 кап в районе ст. Кириши"{20}.

Сосредоточение армии Г. И. Кулика, подчинявшейся непосредственно Ставке ВГК, должно было завершиться 5 сентября. С 6 сентября она должна была "перейти в наступление и, нанося удар, развить его одной стр. дивизией и 122-й танковой бригадой вдоль ж. д. Волховстрой — ст. Мга, остальными силами армии — на фронт Турышкино — раз. Погостье — ст. Сальцы"{21}.

Однако 54-я армия не успела вступить в бой за Мгу и переломить ситуацию в пользу советских войск. 7 сентября 20-я моторизованная дивизия была усилена частями 12-й танковой дивизии. К вырвавшимся вперед подвижным соединениям подтянулись пехотные дивизии. На советские части также обрушились удары VIII авиакорпуса. Дивизия НКВД была отброшена к Неве, переправилась через реку по железнодорожному мосту, который был сразу же взорван. Тем временем усиленная пехотным полком 20-я моторизованная дивизия захватила Синявино, а 8 сентября она захватила Шлиссельбург.

Наступление армии Г. И. Кулика началось только 10 сентября, когда в бой была брошена 286-я стрелковая дивизия. Атаку единственной дивизии части XXXIX корпуса отразили, отбросив дивизию назад. Продолжение атак после сосредоточения основных сил армии также не принесло успеха. Наступающим удалось пробиться лишь на 6—10 км к Мге. Немецкие дивизии в пробитом к

Ладожскому озеру "бутылочном горле" занимали оборону на фронте 12—15 км. Однако уже в первом синявинском наступлении начала действовать система поддержки осажденной крепости извне, сковывая своими ударами атакующих. XXXIX армейский корпус не участвовал в наступлении войск группы армий "Север" на Ленинград, начавшемся 9 сентября. В ночь с 19 на 20 сентября началась операция по деблокаде со стороны Ленинградского фронта. Через Неву переправились части 115-й стрелковой дивизии и захватили плацдарм в районе Московской Дубровки. Их поддержала 4-я бригада морской пехоты. Немецкие контратаки были отбиты, и на рабочей карте командования Ленинградского фронта появился клочок земли, прозванный вскоре "невский пятачок". 26 сентября 54-я армия была передана в состав Ленинградского фронта и вместо Г. И. Кулика ее возглавил М. С. Хозин. Прорвать блокаду Ленинграда сразу же после ее образования не удалось. Сообщение с Ленинградом по суше было прервано на долгие 500 дней.

Ленинград в кольце блокады. Уже в первые дни войны советское руководство задумывалось о худших вариантах развития событий. Активно строились линии укреплений в глубоком тылу, готовились к эвакуации предприятия. К числу худших вариантов относился выход противника к Ленинграду. Буквально в первые дни войны, 29 июня 1941 г., было принято решение об эвакуации из Ленинграда детей. К началу блокады города из него было вывезено в Удмуртскую, Башкирскую АССР, Ярославскую, Пермскую, Актюбинскую области более 311 тыс. детей. Всего за период с 29 июня по 27 августа 1941 г. по железной дороге было отправлено 164 320 рабочих и служащих с семьями, выезжавших с предприятиями, 104 692 рабочих и служащих с семьями временно нетрудоспособных, 219 691 женщина, имевшие двух и более детей, 1 475 000 беженцев. До выхода немецких частей к Шлиссельбургу более 700 тыс. жителей Ленинграда были отправлены вглубь страны. Однако полностью эвакуировать крупный город было невозможно, и в кольце блокады оказалось 2 млн. 484,5 тыс. человек.

Ситуация со снабжением города продовольствием с самого начала войны была очень напряженной. Проходящие через город большие массы беженцев привели к быстрому расходованию запасов. Несмотря на возрастание среднесуточной выпечки хлеба с 2112 т в июле до 2305 т в августе и введение нормирования выдачи хлеба населению, нормы выдачи неуклонно уменьшались. Суточные нормы продажи хлеба населению на сентябрь 1941 г. составляли: рабочим — 600 г, служащим — 400 г, иждивенцам и детям — 300 г.

Эти нормы были введены со 2 сентября. На 6 сентября для снабжения населения Ленинграда имелось: муки — на 14 дней, крупы — на 23 дня, мяса и мясопродуктов — на 19 дней, жиров — на 21 день и кондитерских изделий — на 48 дней. С 11 сентября пришлось провести второе сокращение норм выдачи хлеба. Рабочие стали получать 500 г, служащие и дети — 300 г, иждивенцы — 250 г. С 13 ноября рабочие стали получать по 300 г, а остальное население по 150 г хлеба в день. В городе начался голод.

Подготовка маршрута по Ладожскому озеру, который впоследствии получит имя "Дороги жизни", началась еще 30 августа 1941 г. Первые перевозки по озеру начались еще до захвата Шлиссельбурга, поэтому уже 12 сентября в наспех оборудованный порт Осиновец прибыли две баржи с 800 т зерна. За первые 30 дней навигации в Осиновец было доставлено 9800 т продовольствия. Несмотря на внушительную цифру, это было очень мало для города, расходовавшего 1100 т муки в день. Норма на воздушные перевозки с 1 октября 1941 г. составляла 100 т в день. По воздуху перевозились преимущественно пищевые концентраты.

С занятием немцами Шлиссельбурга и выходом финнов к границе 1939 г. на Карельском перешейке и к р. Свирь между Ладожским и Онежским озерами началась не имевшая прецедентов в новейшей истории осада крупного города. Она продолжалась до января 1943 г.

Враг у ворот (сентябрь 1941 г.). Следуя указаниям Гитлера, данным в директиве № 34, командующий группой армий "Север" фон Лееб планировал занять южный и восточный берег Ладожского озера и тем самым прервать все пути сообщения Ленинграда, подходящие к городу с востока. Соответственно, XXXXI и XXXIX моторизованные корпуса должны были образовать своим наступлением внешний фронт окружения, а 18-я армия — внутренний, от Копорского залива до Ладожского озера.

Однако вскоре Гитлер вмешался в планы фон Леeба. Задачи группы армий "Север" в последнем штурме Ленинграда были обрисованы 6 сентября в директиве ОКВ № 35 следующим образом:

"3. На северо-восточном фронте совместно с наступающими на Карельском перешейке финскими корпусами окружить действующие в районе Ленинграда силы противника (захватить также Шлиссельбург) с тем, чтобы не позднее 15.9 значительную часть подвижных войск и соединений 1-го воздушного флота, особенно 8-го авиационного корпуса, высвободить для группы армий "Центр". Однако прежде всего необходимо стремиться к полному окружению

Ленинграда, по меньшей мере с востока, и, в случае если позволят условия погоды, провести на него крупное воздушное наступление. Особенно важно уничтожить станции водоснабжения"{22}.

Это означало, что основные силы 4-й танковой группы можно будет использовать для последнего удара на Ленинград только очень короткое время. Это заставило радикально переработать план наступления. Теперь предполагалось соединиться с финскими войсками непосредственно на Карельском перешейке.

Наступление на Ленинград предполагалось вести тремя ударными группами, переданными в подчинение 4-й танковой группе. Первую образовывал XXVIII армейский корпус генерала пехоты Викторина в составе 96-й, 121-й и 122-й пехотных дивизий. Ему ставилась задача наступать по обе стороны железной дороги Чудово — Ленинград. Наступать на Красногвардейск с юга должен был L армейский корпус (269-я пехотная дивизия и дивизия СС "Полицай"), высвобождавшийся после окончания боев в лужском "котле". Наконец, XXXXI моторизованный корпус (1-я и 6-я танковые дивизии, 36-я моторизованная дивизия) должен был наступать с участка фронта юго-западнее Красногвардейска.

С воздуха наступающие на Ленинград корпуса должны были поддерживать оба авиакорпуса, I генерала авиации Ферстера и VIII генерала авиации фон Рихтгоффена, находившиеся в тот момент в подчинении 1-го воздушного флота. В состав I авиакорпуса на тот момент входили 1-я, 4-я и 76-я эскадры бомбардировщиков и 54-я и 77-я эскадры истребителей. Соответственно, VIII авиакорпусу подчинялись: 2-я эскадра пикирующих бомбардировщиков, 2-я учебная эскадра (LG2) и 27-я эскадра истребителей. Всего в этих авиасоединениях насчитывалось 203 бомбардировщика, 60 пикирующих бомбардировщиков, 166 истребителей, 39 Ме-110 и вспомогательные машины.

Никогда ни до, ни после сентября 1941 г. в распоряжении группы армий "Север" не оказывалось такой сильной танковой и авиационной группировки.

Будучи ограничен во времени использования сильной группировки танковых соединений XXXXI моторизованного корпуса, фон Лееб решил использовать его не для решения задачи прорыва навстречу финнам, но для сокрушения советских войск на ближних подступах к Ленинграду. В случае окружения и уничтожения войск, занимающих Красногвардейский УР, у изолированного города не оставалось защитников и завершить штурм можно было

остававшимися после ухода 4-й танковой группы пехотными дивизиями армейских корпусов.

По мере приближения фронта к Ленинграду наличие в тылу крупного города стало работать на советские войска. Фронт обороны Ленинградского фронта к началу сентября значительно уплотнился. Немецкой группировке на южных подступах к Ленинграду противостояли четыре левофланговые дивизии 8-й армии, две дивизии 42-й армии, четыре дивизии 55-й армии и резерв командующего фронтом в составе двух дивизий и одной бригады морской пехоты, а всего 10 с половиной дивизий, оборонявшихся на фронте около 100 км. В Красногвардейском УРе оборонялись 2-я и 3-я гвардейские ДНО, объединенные управлением 42-й армии генерал-лейтенанта Ф. С. Иванова. Слуцко-Колпинский УР обороняла 55-я армия в составе 70-й, 90-й и 168-й стрелковых дивизий и 4-й ДНО. К левому флангу 55-й армии примыкала Невская оперативная группа. [74] Она была составлена, как и многие защитники Ленинграда в сентябрьских боях, из снятых с Карельского перешейка соединений: 115-й стрелковой дивизии и 1-й дивизии НКВД. Над флангом нацеленного на Ленинград XXXXI моторизованного корпуса нависала оборонявшаяся на Копорском плато 8-я армия, возглавлявшаяся в этот период генерал-майором В. И. Щербаковым. В состав армии входили 191-я, 118-я, 11-я и 281-я стрелковые дивизии. Скромный резерв командующего Ленинградским фронтом состоял из вывезенных из Таллина 10-й и 16-й стрелковых дивизий, 5-й ДНО, 8-й стрелковой бригады, 1-й бригады морской пехоты, 48-й отдельный танковый батальон и 500-й отдельный стрелковый полк.

Когда фронт подошел вплотную к Ленинграду, командование Северо-Западного направления было упразднено. К. Е. Ворошилов стал командующим Ленинградским фронтом, а ранее возглавлявший фронт М. М. Попов — начальником штаба фронта.

За день до начала боев на земле немецкая авиация обрушилась на Ленинград. Удары по крупным городам стали своего рода "визитной карточкой" VIII авиакорпуса фон Рихтгоффена. В августе 1942 г. такой же жестокой бомбардировке подвергнется Сталинград. Бомбардировки Ленинграда продолжались до 11 сентября, и за это время было сброшено 8000 зажигательных бомб. Вследствие бомбардировок сгорели Бадаевские склады, где сгорело несколько тысяч тонн муки и сахара. Сгоревших запасов хватило бы в лучшем случае на несколько дней, но впоследствии появилась легенда,

что пожар Бадаевских складов уничтожил большую часть запасов продовольствия.

Наступление группы армий "Север" началось во вторник, 9 сентября в 9.30 утра. Из-за сильного тумана первые полтора часа атаки авиационная поддержка отсутствовала. Бомбардировщики 1-го воздушного флота появились над полем боя только в 11.00 утра. Наступавшая в первом эшелоне XXXXI корпуса Рейнгардта 36-я моторизованная дивизия прорвала оборону 3-й ДНО и продвинулась к концу дня на 10 км в глубину обороны советских войск. Уже 10 сентября введенная в бой 1-я танковая дивизия достигла дороги Красное Село — Красногвардейск, выйдя в тыл Красногвардейскому УРу. 6-я танковая дивизия была втянута в тяжелые бои за Красное Село. Когда определилось направление главного удара, Ворошилов усилил 42-ю армию 500-м полком 10 сентября, 1-й бригадой морской пехоты 12 сентября и 5-й ДНО в тот же день. Корпус Рейнгардта упорно пробивался вперед, заняв 11 сентября Дудергоф и 12 сентября Красное Село. Ситуация была близка к критической: XXXXI моторизованный корпус уже обошел Красногвардейский УР и двигался к Пушкину, выходя на тылы 55-й армии.

Однако развивать первоначальный успех своего наступления Гепнеру было уже нечем. 8-я танковая дивизия восстанавливалась после августовских боев и не могла быть немедленно использована для удара на Пушкин. XXXIX моторизованный корпус был скован боями с 54-й армией Г. И. Кулика и не мог принять участие в окружении войск 42-й и 55-й армий. Более того, корпус Шмидта находился на грани кризиса и по согласованию с Гальдером фон Лееб принял решение направить 8-ю танковую дивизию на выручку XXXIX корпусу. Кроме того, наступление корпусов 4-й танковой группы началось неодновременно. L армейский корпус был все еще скован боями с окруженными в лужском "котле" советскими частями и не мог поддержать атаку XXXI корпуса. Наконец, у задуманных Гепнером "канн" отсутствовала вторая "клешня" — XXVIII армейский корпус был остановлен обороной 168-й стрелковой дивизии.

Пока командование группы армий "Север" лихорадочно искало резервы, в руководстве Ленинградского фронта начались кадровые перестановки. Вечером 11 сентября директивой Ставки ВГК маршал К. Е. Ворошилов освобождался от обязанностей командующего фронтом, а на его место назначался генерал армии Г. К. Жуков. Судя по всему, решение это зрело по крайней мере с начала сентября. Еще 1 сентября И. В. Сталин в письменной форме высказал

неудовольствие действиями командования Ленфронта, и в тот же день его секретарь Поскребышев в телефонном разговоре с Г. К. Жуковым интересовался, может ли командующий Резервным фронтом выехать в Москву. К. Е. Ворошилов, в свою очередь, сам просил И. В. Сталина заменить его "кем-нибудь помоложе".

Г. К. Жуков вместе со своей "командой", сложившейся еще на Халхин-Голе — И. И. Федюнинским и М. С. Хозиным, — вылетел в Ленинград утром 13 сентября. В тот же день немецкое наступление продолжилось на новом качественном уровне — к наступавшему на Пушкин корпусу Рейнгардта присоединился XXXVIII армейский корпус 18-й армии Кюхлера. 1-я, 58-я и 291-я пехотные дивизии этого корпуса начали наступление на левом фланге 4-й танковой группы, позволяя последней разворачиваться далее на Пушкин. Эта мера оказалась весьма своевременной, т.к. советское командование организовало контрудар во фланг вбитому в оборону 42-й армии клину силами вывезенной из Таллина 10-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Фадеева. Дивизия была пополнена и 14 сентября нанесла удар с позиции на стыке 8-й и 42-й армий. Первоначально 10-я стрелковая дивизия продвинулась на 3—4 км, но далее наступление XXXVIII армейского корпуса отбросило ее назад. Уже 16 сентября XXXVIII корпус вышел к Финскому заливу на фронте шириной 4—5 км, и 8-я армия оказалась изолированной от основных сил Ленфронта.

Прибытие Г. К. Жукова сразу же привело к кадровым перестановкам в обороняющих Ленинград армиях. Командующим 8-й армией вместо генерал-майора В. И. Щербакова стал генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин. Во главе 42-й армии Жуковым был поставлен привезенный с собой И. И. Федюнинский. Ф. С. Иванов был отстранен и впоследствии арестован.

Отсчет времени до момента снятия 4-й танковой группы с фронта уже пошел на часы, поэтому немецкое командование прилагало все усилия для выполнения поставленных задач до погрузки людей и техники танковых и моторизованных дивизий в эшелоны. XXXXI моторизованный корпус был усилен переброшенной с красногвардейского направления дивизией СС "Полицай" и 58-й пехотной дивизией из состава 18-й армии. Приближение к Ленинграду также вводило наступающие немецкие части в радиус действия корабельной артиллерии Балтийского флота. В устье реки Невы и в гаванях торгового порта заняли огневые позиции линкор "Марат", крейсеры "Максим Горький" и "Петропавловск", лидер "Ленинград", эсминцы "Опытный" и "Сметливый". Из

Кронштадтской группы кораблей вышли на позиции линкор "Октябрьская революция", крейсер "Киров", лидер "Минск", эсминцы "Сильный", "Суровый", "Свирепый", "Славный", "Стойкий", "Гордый" и "Стерегущий". Они могли обрушить на наступающих огонь двадцати четырех орудий калибра 305-мм линкоров, четырех 203-мм орудий крейсера "Петропавловск" (немецкой постройки), восемнадцати 180-мм пушек крейсеров советской постройки, более полусотни 130-мм орудий эсминцев и лидеров. Немецкой пехоте и танкам предстояло идти в атаку под огнем орудий, поднимавшим столбы земли размером в дом. По распоряжению Жукова на прямую наводку были поставлены зенитки ПВО Ленинграда. Концентрация артиллерии вполне отвечала директиве Г. К. Жукова:
"Перемолоть противника артиллерийским, минометным огнем и авиацией, не допустив прорыва нашей обороны".

17 сентября наступающие захватили Пушкин, и солдаты 1-й танковой дивизии вышли к конечной остановке ленинградского трамвая — немецкие танки стояли всего в 12 км от центра города. Однако времени на продвижение к городу и разгром 42-й армии уже не оставалось: соединения 4-й танковой группы снимались с фронта и отправлялись в тыл для погрузки в эшелоны или формирования маршевых колонн. Фронт покидали XXXXI моторизованный корпус вместе со штабом 4-й танковой группы.
Дальнейшие боевые действия к югу от Ленинграда носили характер выпадов той и другой стороны тактического значения. Оставшийся "без работы" VIII авиакорпус был перенацелен на корабли Краснознаменного Балтийского флота. В двадцатых числах сентября 1941 г. Ю-87 2-й эскадры пикирующих бомбардировщиков произвели несколько налетов на корабли КБФ. 21 сентября немецкие летчики добились попадания в линкор "Октябрьская революция", находившийся в Морском канале. 23 сентября было достигнуто попадание в линкор "Марат", стоявший в Петровской гавани в Кронштадте, приведшее к взрыву носового погреба и посадке сильно поврежденного корабля на грунт. Помимо "Марата" был потоплен переживший Таллинский переход лидер "Минск". К 26 сентября линия фронта под Ленинградом стабилизировалась и оставалась практически неизменной до прорыва блокады в январе 1943 г.
В конце сентября войска Ленинградского фронта занимали следующее положение.

8-я армия, прочно удерживая приморский плацдарм в районе Ораниенбаума, совершенствовала оборону на рубеже Керново — Ломоносово — Мишелово — западная окраина Петергофа.

42-я и 55-я армии, прочно обороняя Ленинград с юга, совершенствовали оборону на рубеже Лигово — южная окраина Пулково — Бол. Кузьмин — Новая. Невская оперативная группа частью сил обороняла рубеж по правому берегу р. Нева, а частью сил вела бои по расширению плацдарма на левом берегу р. Нева в районе Московская Дубровка.

23-я армия, прикрывая Ленинград с севера, совершенствовала оборону на Карельском перешейке по линии старой государственной границы 1939 г.

54-я армия, переданная Ставкой 26 сентября в состав Ленинградского фронта, вела боевые действия южнее Ладожского озера.

Борьба за острова в Балтийском море. Советская методика косвенного воздействия на противника, вынуждавшая вермахт распылять силы, принимала различные формы. 1-й минно-торпедный авиаполк КБФ в ночь с 7 на 8 августа произвел первый налет на столицу Германии Берлин. Авиаудары продолжались до 5 сентября и имели важное политическое значение.

Аэродромы, с которых производились налеты, были выявлены, и решение по ним было принято высшим руководством немецких вооруженных сил. В подписанном начальником штаба Верховного командования вооруженных сил Кейтелем дополнении к директиве № 34 указывалось:

"Как только позволит обстановка, следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы противника на островах Даго и Эзель. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налеты на Берлин"{23}.

Планирование операции "Беовульф" (захват островов Эзель и Муху (Моон)) армия и военно-морские силы завершили к 13 сентября. К операции привлекались легкие силы кригсмарине на Балтике, 26 десантных паромов типа "Зибель", 182 штурмовых бота, 140 катеров. В состав легких сил входили на тот момент крейсера "Лейпциг", "Эмден" и "Кельн", катера и тральщики. Командование финских ВМС выделило для проведения операции броненосцы береговой обороны "Ильмаринен" и "Вейнемейкен", два ледокола и несколько вспомогательных кораблей. Поддержку с воздуха должны были оказывать

бомбардировщики I группы 77-й бомбардировочной эскадры, II группы 76-й эскадры пикировщиков.

Задача штурма Моонзундского архипелага, несмотря на изоляцию их защитников вследствие смещения линии фронта, была непростой. К началу сентября на островах было сооружено более 260 ДОТов и ДЗОТов, установлено около 24 тыс. мин и фугасов и более 140 км проволочных заграждений. Накануне боев за острова гарнизоны их состояли из частей и соединений 8-й армии и флота общей численностью 23 663 человека. Острова Сарема и Муху оборонялись отдельной стрелковой бригадой, батальоном моряков, эстонским стрелковым батальоном, двумя инженерно-строительными батальонами и четырьмя отдельными ротами (всего 18 615 человек); острова Хиума и Вормси — двумя стрелковыми и двумя инженерно-строительными батальонами и подразделениями погранотряда (всего 5048 человек). Защитники островов располагали 142 орудиями береговой, полевой и зенитной артиллерии, 60 минометами, 795 пулеметами. Береговая артиллерия состояла из 17 батарей (всего 54 орудия калибром от 100 до 180 мм). Для отражения десанта имелось восемь торпедных катеров и 12 самолетов-истребителей.

Высадка немецкого десанта началась в 4.00 14 сентября. Первой жертвой стал остров Муху (Моон). За ним последовал Эзель, который был почти полностью захвачен частями 61-й пехотной дивизии к 20 сентября. Защитники отошли на полуостров Сырве (Сворбе), соединявшийся с Эзелем узким перешейком. Начались затяжные позиционные бои. 26 и 28 сентября к подавлению батарей полуострова были привлечены крейсера "Лейпциг" и "Эмден". Бои за Сырве завершились только 5 октября. По немецким данным, в плен сдались 4000 человек.

Финскому броненосцу береговой обороны "Ильмаринен", вышедшему в море для решения наступательных задач во взаимодействии с немецким флотом, не повезло — 18 сентября он подорвался на мине и затонул в течение 7 минут, унеся с собой в холодные волны Балтики 217 человек.

К 12 октября 61-я пехотная дивизия перегруппировалась и высадилась на острове Даго. Бои на этом острове продолжались до 21 октября. В плен, по немецким данным, сдались 3388 человек.

Тем самым в решающий момент сражения за Ленинград в сентябре 1941 г. 61-я пехотная дивизия была задействована на второстепенном направлении. Бои стоили дивизии 2850 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В

сражение за Тихвин 61-я пехотная дивизия вступит, почти утратив свой наступательный потенциал.

Итоги и уроки. Лейтмотивом в оценках сражения за Ленинград будет звучать фраза "не успели". Быстро преодолев большую часть расстояния от Ленинграда до границы СССР в первый месяц войны, далее немецкие войска постоянно снижали темпы своего продвижения. Время и силы терялись в преодолении обороны Лужского рубежа и обороны на ближних подступах к Ленинграду, много сил было затрачено на отражение фланговых ударов свежесформированными соединениями. Все это привело к тому, что группе армий "Север" не хватило буквально нескольких дней до того, как выделенные в подчинение группы армий танковые и авиационные соединения потребовались на московском направлении.

Стабилизация фронта под Ленинградом не сулила ни той, ни другой стороне ничего хорошего. В крайне неблагоприятной для активных боевых действий местности были задействованы сильные и хорошо подготовленные соединения. Помимо высвобождения сил захват Ленинграда отдал бы в руки немецкого командования крупный порт, позволивший существенно облегчить снабжение немецких войск в северном и центральных секторах советско-германского фронта. В свою очередь, оказавшийся в кольце блокады 2,5-миллионный город вынуждал советское командование проводить деблокирующие наступательные операции, несмотря на труднодоступную местность и сложности снабжения.

Потери войск Северного (с 23 августа 1941 г. Ленинградского) и Северо-Западного фронтов в Ленинградской оборонительной операции были относительно невелики по масштабам 1941 г. Безвозвратные потери составили 214 078 человек, санитарные — 130 848 человек. Лужский "котел" был для немцев наименее результативным, принесшим большие потери при совершенно не впечатляющем списке трофеев.

Круг второй. Киев — крупнейшее окружение в истории войн

Увертюра. Отражение штурма КиУР. В ночь на 7 августа на направление главного удара наступавших на Киев немецких войск была переброшена 5-я воздушно-десантная бригада полковника А. И. Родимцева. Проведенная бригадой контратака позволила на какое-то время стабилизировать положение. Но все это были лишь полумеры. Десантники не имели боевого опыта и

тяжелого оружия, и противопоставить немецкой пехоте они могли только высокий боевой дух. Катастрофического развития ситуации под Киевом советскому командованию удалось избежать только вводом в бой свежесформированных дивизий. В состав войск 37-й армии передавались 284-я стрелковая дивизия полковника Г. П. Панкова и 295-я стрелковая дивизия полковника И. Д. Андрюкова. Уже вечером 8 августа, в день ввода в бой бригады А. И. Родимцева, было выгружено два эшелона 284-й стрелковой дивизии. Прибытие 284-й дивизии позволило 11 августа провести результативную контратаку в районе Мышеловки. 12—14 августа были освобождены Тарасовка, Новоселки, Чабаны и Пирогово. При этом были деблокированы ДОТы КиУРа, которые в течение почти недели вели бой в окружении. К 16 августа положение было полностью восстановлено, и обстановка под Киевом стабилизировалась.

Планы сторон. Основным руководящим документом, с которым командование Юго-Западного направления вступило в сражение за Киев, была директива Ставки ВГК № 001084 от 19 августа 1941 г. В ней давалась следующая оценка обстановки:

"1. Противник сосредоточил превосходные (так в документе, правильнее — "превосходящие". — А. И.) силы на Украине, имея целью овладеть Киевом и Одессой, занять всю Правобережную Украину и нанести отдельные поражения нашим войскам.

Упорно обороняющиеся наши части заставили противника понести тяжелые потери под Киевом, Каневом, Черкассами и Одессой. Киев и Одессу, а также Днепропетровск и Херсон противник взять не мог.

Создавая из Правобережной Украины плацдарм для дальнейшего наступления, противник, по-видимому, поведет его:

а) в обход Киева с севера и юга с целью овладения Киевом и выхода в район Чернигов — Конотоп — Пирятин — Черкассы;

б) в направлении Кременчуг, Полтава, Харьков;

в) с фронта Кременчуг, Николаев на восток для захвата Донбасса и Северного Кавказа;

г) на Крым и Одессу"{24}.

Если судить по этому документу, то советское командование предполагало охват Киева с севера и юга, но со сравнительно небольшим замахом "клещей".

Основные действия немцев согласно этому документу расценивались Ставкой как направленные на решение задачи разгрома экономики СССР.
Задачей Юго-Западного фронта было:
"Обороняясь за р. Днепр по восточному его берегу от (иск.) Лоева до Переволочной, во что бы то ни стало удержать за собой Киев и прочно прикрыть направления на Чернигов, Конотоп и Харьков. При занятии новой оборонительной линии выделить в резерв фронта не менее 8 стр. дивизий"{25}.

Задачей Южного фронта было:
"Обороняясь по восточному берегу р. Днепр от Переволочной до устья и на тет-де-понах у Днепропетровска, Херсона, Берислава, не допустить противника на восточный берег р. Днепр и прочно прикрыть Днепропетровск, Запорожье и Херсон. Во фронтовом резерве иметь не менее пяти стр. дивизий"{26}.

Если советское командование уверенно приняло решение удерживать в полосе Юго-Западного и Южного фронтов рубеж Днепра, то руководство Третьего рейха все еще колебалось относительно тех задач, которые нужно решить до наступления холодов. 18 августа командование сухопутными войсками представило на рассмотрение А. Гитлера свои предложения о дальнейшем ведении операций. Исходными тезисами, на которых строился план ОКХ, были следующие:
"Группировка сил вражеской армии позволяет сделать вывод, что в настоящее время после разгрома ее сил перед фронтом группы армий "Юг" и в условиях намечающегося успеха войск группы армий "Север" основная масса живой силы противника находится перед фронтом группы армий "Центр". Судя по этому, русские, по всей видимости, рассматривают наступление группы армий "Центр" в направлении Москвы как главную угрозу. Они используют все силы и средства (сосредоточение войск, оборонительные работы), чтобы наверняка остановить это наступление. Нельзя предполагать, что противник существенно ослабит свои силы перед фронтом группы армий "Центр" в пользу создания новых группировок перед фронтом группы армий "Юг" или "Север". Скорее возможна другая вероятность, что он попытается ввиду недостатка сил, который постепенно становится все более ощутимым, отвести назад далеко выступающие вперед фланговые группировки и вновь создать сплошной оборонительный фронт на возможно короткой линии. Об этом свидетельствует

попытка отвода войск под Гомелем. Пока еще невозможно определить, отведет ли он вслед за этим на восток за Днепр также и 5-ю Красную армию"{27}.

Мы видим, что отвод советских войск с рубежа Днепра представлялся более чем желательным событием.
Основным фактором, значение которого подчеркивалось особо, было время:
"Для продолжения операций группы армий "Центр", учитывая метеорологические условия, мы располагаем лишь сентябрем и октябрем"{28}.

Также предполагалось, что группы армий "Юг" и "Север" смогут своими силами без посторонней помощи выполнить поставленные перед ними задачи{29}. Задачи эти предусматривали ведение в полосе группы армий "Юг" действий сковывающего характера силами пехотных соединений:
"Группа армий "Юг" планирует начать 23 августа силами 6-й армии наступление против 5-й Красной армии. В случае если 5-я Красная армия к этому моменту будет занимать свое нынешнее положение и не отойдет, то можно рассчитывать, что части 6-й армии, поворачивающие на восток, к началу сентября выйдут к Днепру севернее Киева. Таким образом, в первых числах сентября (предположительно 5.9) на фронте 17-й армии будет форсирован Днепр, если не удастся захватить плацдармы раньше. Тем самым активизируются действия группы армий "Юг" восточнее Днепра. Таким образом, наступление группы армий "Центр" в целом совпадет по времени с наступлением группы армий "Юг". Этот факт дает ту выгоду, что действующие перед группой армий "Юг" и "Север" вражеские силы окажутся скованными и будет затруднена переброска войск противника против внутреннего фланга той или другой группы армий"{30}.

Однако Гитлер не согласился с предложенным ОКХ вариантом. Основным руководящим документом для германской армии стал приказ А. Гитлера от 21.8.1941 г., о котором Ф. Гальдер сказал: "Эта директива имеет решающее значение для всей Восточной кампании"{31}. Суть директивы состояла в следующем:
"1. Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками.

2. На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Гомель, Почеп, должна быть незамедлительно использована для проведения операции смежными флангами групп армий "Юг" и "Центр" по сходящимся направлениям. Целью этой операции должно являться не только вытеснение за Днепр 5-й русской армии частным наступлением 6-й армии, но и полное уничтожение противника, прежде чем его войска сумеют отойти на рубеж Десна — Конотоп — Сула. Тем самым войскам группы армий "Юг" будет обеспечена возможность выйти в район восточнее среднего течения Днепра и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, продолжать наступление в направлении Ростов, Харьков.
3. От группы армий "Центр" требуется, чтобы она, не считаясь с планами последующих операций, бросила на проведение вышеупомянутой операции такое количество сил, которое обеспечило бы выполнение задачи по уничтожению 5-й русской армии и в то же время позволяло группе армий отражать атаки противника на центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил.
4. Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы"{32}.

Было намечено ударами по флангам окружить и разгромить войска Юго-Западного фронта. На оперативном уровне операция являла собой классические "канны" со сковывающей группировкой в центре и двумя ударными кулаками на флангах. Через всю директиву проглядывает полемика А. Гитлера с вариантом ОКХ. Говоря о необходимости уничтожения 5-й армии, А. Гитлер фактически сомневается в возможностях группы армий "Юг" "без посторонней помощи" решить задачу эффективного сковывания правого крыла Юго-Западного фронта.
Поэтому вместо частной операции армии Рейхенау против правого крыла войск Юго-Западного фронта предполагалось предпринять наступление главных сил 2-й танковой группы, 2-й армии (из группы "Центр") в направлении с севера на юг. Ось наступления пролегала через Конотоп на Ромны, с дальнейшим

развитием наступления через Чернигов, Нежин на Пирятин и через Чернигов на Киев.

Точно так же ставилась под сомнение возможность "без посторонней помощи" сделать что-либо существенное силами 17-й армии. Против левого крыла войск Юго-Западного фронта намечалось провести наступление главных сил 1-й танковой группы с юга на север в основном направлении через Кременчуг — Миргород на Ромны с развитием наступления от Кременчуга на Пирятин и от Кременчуга вдоль северного (левого) берега Днепра на Киев. Внешний фронт окружения должен был быть образован продвижением пехотных соединений 17-й армии от Кременчуга на Полтаву и Красноград.

Особенностью спланированной немецким командованием операции была разница в сроках начала наступления северной и южной ударных группировок. Северная должна была начать наступление на 5—10 суток раньше южной. Это было обусловлено необходимостью рокировать подвижные соединения 1-й танковой группы с правого крыла группы армий "Юг". Проще говоря, танковые дивизии Эвальда фон Клейста еще предстояло перебросить с днепропетровского плацдарма и других углов фронта, в которые они были загнаны в августе месяце.

Одновременно против войск Южного фронта немцы намечали осуществить наступательную операцию с Каховского (Бериславского) плацдарма главными силами 11-й немецкой армии, XXXXIX горно-егерского корпуса 17-й армии и соединений румынской армии. Основными операционными направлениями были: Каховка — Мелитополь и Каховка — крымские перешейки. Причины выбора этих направлений вполне очевидны (см. вышеприведенную директиву А. Гитлера). Правда, командование группы армий "Юг" проигнорировало слова фюрера о подвижных соединениях и содействовать 11-й армии должен был только горно-егерский корпус Кюблера.

В 20-х числах августа о принятых, как выражался Гальдер, "в стратосфере" решениях были поставлены в известность непосредственные исполнители разработанных планов. Наибольшее неудовольствие приказ о повороте на юг вызвал у командующего 2-й танковой группой Гейнца Гудериана:

"23 августа я был вызван в штаб группы армий "Центр" на совещание, в котором принимал участие начальник Генерального штаба сухопутных войск. Он сообщил нам, что Гитлер решил наступать в первую очередь не на Ленинград и не на Москву, а на Украину и Крым. Для нас было очевидно, что начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер сам глубоко

потрясен тем, что его план развития наступления на Москву потерпел крах. Мы долго совещались по вопросу о том, что можно было сделать, чтобы Гитлер все же изменил свое "окончательное решение". Мы все были глубоко уверены в том, что планируемое Гитлером наступление на Киев неизбежно приведет к зимней кампании со всеми ее трудностями, которую ОКХ хотело избежать, имея на это все основания"{33}.

Гудериану было, конечно, легко рассуждать о продолжении наступления на Москву — растянутый фланг ударной группировки защищать пришлось бы не ему, а 2-й армии Вейхса. Более чем полумиллионная группировка Юго-Западного фронта на правом фланге битвы за Москву могла стать весомым фактором в пользу советской стороны. Командование РККА уже продемонстрировало свой наступательный, агрессивный характер и тем самым заставило противника потратить время на поворот на юг.

Советское командование решило оборонять выступ, образовавшийся в результате успешного наступления группы армий "Центр". Обороняемый войсками Юго-Западного фронта рубеж Днепра и Десны выдавался вперед на запад, охваченный с севера 2-й армией Вейхса и 2-й танковой группой Гудериана. С юга над войсками Юго-Западного фронта нависала пехота на кременчугском плацдарме. Сама по себе оборона выступов не является чем-либо крамольным. Немецкое командование успешно обороняло Демьянский выступ (который с остальными войсками группы армий "Север" соединял узкий Рамушевский коридор) зимой 1941—1942 гг. "Краеугольным камнем" Восточного фронта стал Ржевский выступ, вокруг которого почти год шли упорные бои. Советское командование в 1943 г. удержало Курский выступ. Одним словом, наличие выступа в сторону противника еще не является однозначным побудительным мотивом к отступлению. Киевская позиция имела неоспоримые преимущества, благоприятствовавшие ее удержанию. Фронт обороны опирался на крупную водную преграду, позволявшую до предела растягивать обороняющие ее соединения. Узловым пунктом позиции являлся хорошо укрепленный город — Киев. Киевская цитадель также являлась своего рода магнитом, притягивавшим немецкие дивизии. Тем самым частично решалась одна из ключевых задач обороны — определение вероятных планов противника и точек сосредоточения его усилий. Растянув фронт по Днепру и приняв бой на укреплениях Киева, советское командование могло развернуть крупные силы на фланги для отражения ударов, стремящихся окружить и

разгромить войска Юго-Западного фронта. Таким образом, перед нами вполне осознанное (опасность окружения прямым текстом прописана в директиве Ставки ВГК № 001084) решение принять бой и выиграть время. Политический аспект удержания Киева имел в этих условиях весомое, но все же вторичное значение.

Время выигрывать требовалось для накопления резервов, создание паритета по одновременно находящимся на фронте соединениям. Когда немецкое командование столкнулось с второочередными соединениями Красной армии, были достаточно точно расставлены все точки над "i". Ф. Гальдер уже 11 августа писал:

"Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину"{34}.

В данном случае число 360 обозначает не общее число соединений на фронте, а количество номерков дивизий. Подобная ситуация заставляла задуматься о стратегии всей кампании. Первоначальная задача уничтожения РККА в больших и малых "котлах" значительно усложнялась. Теперь это надо было делать быстрее, чем на фронт поступали новые соединения. Альтернативой этому было перенацеливание вермахта на разрушение экономики, транспорта СССР. Симметричный ответ — формирование собственных второочередных соединений — немецким командованием однозначно отвергался, так как сохранялась надежда на выигрыш кампании до наступления холодов.

За два месяца боев РККА добилась важного со стратегической точки зрения результата — смены стратегии "Барбароссы". Активными действиями на флангах советско-германского фронта, прежде всего на Украине, удалось заставить немецкое командование укрепиться в своем желании временно перенести центр тяжести операций с московского направления на фланги

фронта. В ближней перспективе это означало наступление периода тяжелых испытаний для Юго-Западного и Северо-Западного направлений. В дальней перспективе это давало надежду на срыв немецкого плана кампании.

"Быстрый Гейнц" поворачивает на юг. Скрепя сердце командующий 2-й танковой группой начал наступление на юг. Состояние подчиненных ему войск он позднее обрисовал следующим образом:

"Положение танковой группы на 25 августа было следующим. 24-й танковый корпус: 10-я мотодивизия прошла через Холмы и Авдеевку, 3-я танковая дивизия — через Костобобр и Новгород-Северский; 4-я танковая дивизия получила задачу очистить от противника западный берег р. Судость и, сменившись частями 47-го танкового корпуса, двигаться за 3-й танковой дивизией. 47-й танковый корпус: 17-я танковая дивизия получила задачу переправиться у Почепа на левый берег р. Судость и наступать в направлении на Трубчевск, после чего переправиться на левый берег Десны и наступать вдоль реки на юго-запад с задачей содействовать 24-му танковому корпусу при форсировании р. Десны. Все остальные силы корпуса только еще выступили в этот день из района Рославля"{35}.

Имея в авангарде 10-ю моторизованную, 3-ю и 4-ю танковые дивизии XXIV моторизованного армейского корпуса под командованием генерала танковых войск Г. фон Швеппенбурга, 2-я танковая группа успешно продвигалась в южном направлении. Прикрытие левого фланга наступления осуществлялось 17-й и 18-й танковыми дивизиями, 29-й мотодивизией XXXXVII моторизованного армейского корпуса генерала танковых войск Й. Лемельзена. Правый фланг прикрывала моторизованная дивизия СС "Райх".

На острие наступления 2-й танковой группы находились советские 40-я и 21-я армии. 40-я армия построила оборону на фронте Глухов — Чеплеевка и далее по Десне. Согласно задаче, поставленной командующим фронтом, 40-я армия имела два направления для прикрытия: Кролевец — Ворожба и Кролевец — Конотоп. В директиве № 00332 командующий Юго-Западным фронтом требовал от командарма 40-й "прочного прикрытия правого крыла фронта от ударов противника с севера". Таким образом, центр тяжести усилий 40-й армии сосредоточивался на прикрытии южного и в крайнем случае юго-западного направления, то есть направления на Ромны или на Прилуки. 21-я армия, которая уже подверглась удару с запада главных сил 2-й армии Вейхса, находилась в стадии отхода. Прикрытие фланга танковой группы

предполагалось осуществлять коротким ударом по войскам 3-й армии в районе Трубчевска, с последующим сдерживающим сопротивлением.

С оперативной точки зрения, начав наступление на юго-восток, 2-я танковая группа перешла в состояние, характерное для глубокого прорыва. Моторизованные армейские корпуса группы оторвались от пехотных дивизий и растянулись на сравнительно широком фронте. Подчиненные Гудериану соединения были разбросаны в глубину и по фронту на огромном протяжении (около 200 километров). Тем самым создалась обстановка, на которой строились контрудары 5-й и 26-й армий во второй половине июля 1941 г. и смоленское сражение в июле 1941 года. Появилась возможность атаковать растянутые на широком фронте подвижные соединения ударами пехоты и танков. Этим шансом не преминула воспользоваться советская сторона.

"Мы должны разгромить Гудериана". Для парирования продвижения крупного механизированного объединения противника на юг советским командованием была применена стратегия "иглоукалывания" — нажима на фланг, ослабляющего прорыв противника вперед. Бесплодность попыток ловить непредсказуемо перемещающееся острие танкового клина была уже продемонстрирована в июне и июле 1941 г., где в роли ловцов выступали мехкорпуса. В августе-сентябре 1941 г. механизированных корпусов в Красной армии не было, и возможность перехвата танкового клина преимущественно стрелковыми соединениями была тем более призрачной.

Советским командованием была разработана наступательная операция, которая впоследствии получила название Рославльско-Новозыбковской. Задачи операции и армий Брянского фронта были определены директивой ВГК № 001428 от 30 августа 1941 г.:

"Войскам Брянского фронта перейти в наступление и, нанося удар в направлениях Рославля — Стародуба, уничтожить группировку противника в районе Почеп, Трубчевск — Новгород-Северский — Новозыбков. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Кричев — Пропойск и к 15 сентября выйти на фронт Петровичи — Климовичи — Белая Дубрава — Гута-Корецкая — Новозыбков — Щорс, для чего:

а) 50-й армии, оставив 217-ю, 279-ю, 258-ю и 190-ю стр. дивизии на обороняемых ими рубежах, 3 сентября перейти в наступление и ударом четырех сд с танками с фронта Вязовск — Верешовский на Пеклину — Новый Крупец и далее на Рославль совместно с 43-й армией Резервного фронта уничтожить группировку противника в районе Жуковка — Дубровка; в

дальнейшем овладеть районом Рославля и к 13 сентября выйти на фронт Петровичи — Климовичи;
б) 3-й армии ударом не менее двух стр. дивизий, усиленных танками, наносить удар с фронта Липки — Витовка — Семцы на Стародуб — Новозыбков, совместно с 13-й армией разгромить подвижную группировку противника в районе Стародуб — Новгород-Северский — Трубчевск. К 15 сентября армии выйти на фронт (иск.) Климовичи — Бел[ая] Дубрава;
в) 13-й армии в составе пяти дивизий с танками продолжать наступление и, нанося удар в общем направлении на Железный Мост — Семеновка, совместно с 3-й армией уничтожить новгород-северскую группировку противника. К 15 сентября армии выйти на фронт (иск.) Бел[ая] Дубрава — Гута-Корецкая;
г) 21-й армии, упорно обороняясь на своем левом фланге, продолжать наступление, нанося удар с фронта Корюковка — Перелюб — Нов[ые] Боровичи в направлении Семеновка — Стародуб, и совместно с 13-й армией уничтожить противника в районе Семеновка — Стародуб — Новгород-Северский"{36}.

Если наложить эти задачи на карту, то замысел операции представляет собой наступление по сходящимся направлениям с соединением подвижной группы 13-й армии с 21-й армией в районе Стародуба. Всего на фронте протяжением свыше 250 километров действовали три группировки. 50-я армия генерал-майора М. П. Петрова должна была наступать в лесистом районе на рославльском направлении. Вторая, наиболее сильная группировка была создана в составе 3-й армии генерал-майора Я. Г. Крейзера. Она включала шесть стрелковых дивизий и подвижную группу генерал-майора А. Н. Ермакова в составе 4-й кавалерийской дивизии, 108-й танковой дивизии и 141-й танковой бригады. Задачей 3-й армии было наступление в направлении Трубчевск — Стародуб. Наконец, третья ударная группировка 13-й армии генерал-майора А. М. Городнянского (в составе трех стрелковых дивизий и двух кавалерийских дивизий) должна была наступать в направлении на Новгород-Северский.
Действия ударной группировки 50-й армии непосредственного значения для событий на стыке Юго-Западного и Брянского фронтов не имели. Направление удара армии было нацелено на взаимодействие с 43-й армией Резервного фронта. Задачей максимум было локальное окружение немецких войск, которое могло вынудить развернуть танковые соединения Гудериана на выручку окруженных. Однако наступление, начавшееся 2.9, уже 4.9 было

приостановлено, не дав существенных результатов. Ударной группировке Резервного фронта повезло меньше — она была срезана под основание ударом немецкой 10-й танковой дивизии и окружена. Это, впрочем, облегчило задачу остальных армий Брянского фронта, Гудериану этой дивизии не хватало: "Прорыв глубиной до 10 км, осуществленный русскими на участке 23-й пехотной дивизии южнее Ельни, вызвал необходимость использования 10-й танковой дивизии для нанесения здесь фронтальной контратаки"{37}. До 10.9 50-я армия имела незначительные боевые столкновения преимущественно оборонительного характера.

Наиболее трудными (и важными с точки зрения общего замысла) были бои, проходившие в полосе 3-й армии на всем фронте от Почепа до Трубчевска. Наступление ударных группировок 3-й и 13-й армий должно было начаться с утра 3 сентября. Однако наступление XXXXVII моторизованного корпуса южнее Почепа и XXIV моторизованного корпуса в районе Стародуба спутало все карты. Фактически наступление армий Я. Г. Крейзера и А. М. Городнянского было сорвано, не успев начаться. Ударную группу пришлось ввести в бой ранее запланированного срока, а 108-я танковая дивизия была застигнута ударом немцев на марше в район сосредоточения. Во второй половине дня 30 августа дивизия была атакована наступающей от Почепа на Трубчевск 17-й танковой дивизией немцев. Потери 108-й танковой дивизии за вечер 30 августа составили 1 танк КВ, 3 танка Т-34, 5 танков Т-40. Ударами с воздуха было выбито 50% артиллерии. 31 августа к западу от Трубчевска развернулось танковое сражение, в котором участвовало с обеих сторон до 300 танков.

За день 108-я танковая дивизия потеряла 1 танк КВ, 11 танков Т-34, 8 танков Т-40. К 1 сентября 108-я танковая дивизия была окружена и последующие бои вела в окружении. В течение дня дивизия вела тяжелый оборонительный бой, потеряв 4 Т-40 и 7 Т-34, авиацией было уничтожено 5 орудий. Самым страшным врагом танков была артиллерия, а самым страшным врагом артиллерии стала авиация. Оснащению советских дивизий сильным противотанковым артиллерийским полком немцы противопоставили массированные удары с воздуха по позициям орудий. Не причиняя заметного вреда танкам, авиабомбы были смертельно опасны для расчетов орудий. Выбивая орудия, противник прокладывал себе дорогу к уничтожению танков в дуэли с собственными противотанковыми пушками и танками. 2 сентября бои продолжились, 108-я танковая дивизия, находясь в окружении, продолжила оборонительный бой. В этот день было подбито 6 танков Т-34 (из них три

сгорело) и 2 орудия. 3 сентября интенсивность боев снизилась, потери составили всего два 76,2-мм орудия. В ночь с 3 на 4.9.41 г. вследствие исхода боеприпасов и горючего в частях дивизии было решено идти на прорыв. К этому моменту 108-я танковая дивизия насчитывала 2 танка КВ, 8 танков Т-34, 6 танков Т-40, 10 бронеавтомобилей, 7 орудий, батальон мотопехоты. Лидировал прорыв передовой отряд в составе стрелковой роты, взвода танков Т-34, двух 76-мм орудий. За ним одной колонной следовали главные силы — впереди танки, затем пехота, артиллерия, бронемашины, танки Т-40 и для прикрытия треть стрелковой роты. Танки с мотопехотой прошли оборону немцев беспрепятственно. Второй эшелон (артиллерия, автотранспорт с ранеными, пулеметы, минометы и две стрелковые роты прикрытия) был встречен огнем, но энергичным наступлением противник был отброшен. Потери дивизии в ходе прорыва были сравнительно небольшими — 3 бронемашины, 4 танка Т-40, 20 человек убитыми и ранеными. 4 сентября немцы настигли отходящую дивизию, уничтожили отставший транспорт с ранеными, часть орудий и их средства тяги. В походе через Брянский лес вследствие отсутствия горючего и неисправностей оставлено четыре танка Т-40, один Т-34 и две бронемашины. Дивизия вышла в составе: 17 боевых машин (2 танка КВ, 7 Т-34, 2 Т-40, 3 БА-10, 3 БА-20), 3 76-мм орудия, 8 зенитных орудий и 1200 человек личного состава. Полностью сохранены все тылы дивизии.

Суммарные потери 108-й танковой дивизии в ходе танковых боев в районе Трубчевска составили: 500 человек убитыми и ранеными; 3 танка КВ, 20 танков Т-34, 30 танков Т-40, 10 бронеавтомобилей; 30 орудий; 60 транспортных машин.

Как мы видим, вместо прорыва и рывка по тылам наступающей танковой группы 108-я танковая дивизия была вынуждена вести тяжелые оборонительные бои, вскоре выродившиеся в окружение и прорыв из него.

Прекращение наступления 3-й армии позволило Г. Гудериану 7 сентября снять 17-ю танковую дивизию и 29-ю моторизованную дивизию с этого направления и перебросить их против 13-й армии Брянского фронта и частично против 40-й армии Юго-Западного фронта. Оставшаяся против 3-й армии 18-я танковая дивизия немцев вела сдерживающие бои и постепенно отходила на запад за р. Судость.

13-я армия Брянского фронта начала наступление согласно плану, 3 сентября, в направлении на Новгород-Северский, имея против себя части XXXXVIII и

частично XXIV моторизованных корпусов — 29-ю моторизованную дивизию, 3-ю танковую дивизию, моторизованный полк "Великая Германия".

К 7 сентября войскам 13-й армии удалось оттеснить противостоящие немецкие части за Десну почти на всем фронте за исключением района Новгород-Северский. Однако 8 сентября в район Шостка начали прибывать рокированные с фронта 13-й армии части 17-й танковой дивизии. Сопротивление противника возросло, а наступательные возможности 13-й армии не увеличились. 9 сентября наступление продолжалось.

Соответственно, потери 141-й танковой бригады 3-й армии составили: 80 человек убитыми и ранеными; 1 танк КВ, 4 танка Т-34, 19 танков БТ.

В итоге боев с 2 по 10.9 войска Брянского фронта силами 3-й и 13-й армий слегка потеснили противника, достигнув рек Судость и Десна.

Не добилось сколь-нибудь заметных результатов и левое крыло наступления Брянского фронта. Дестабилизирующим фактором в действиях армии был нажим со стороны тягучих пехотных соединений 2-й армии Вейхса. Уже с 31 августа войска левого фланга этой армии (23-й и 66-й стрелковые корпуса) ощущали непрерывный нажим наступающих с запада четырех немецких дивизий 2-й армии. Войска правого фланга (67-й стрелковый корпус) 2 сентября попали под фланговый удар немецкой моторизованной дивизии СС "Райх", 1-й кавалерийской дивизии и начали отход. 4 сентября, когда в полосе 3-й и 13-й армий начались упорные наступательные бои, войска 21-й армии уже отступали на юг. Сам замысел операции Брянского фронта терял всякий смысл. Не решив ни одну из поставленных Ставкой задач, фронт А. И. Еременко тем не менее оказал существенное влияние на обстановку на правом крыле Юго-Западного фронта. Уже 31 августа Ф. Гальдер констатировал:

"Гудериан производил передвижения своих войск непосредственно перед фронтом противника параллельно ему, и это привело к тому, что противник, естественно, атаковал его восточный фланг. Кроме того, причиной такого положения является и то, что его части, продвинувшиеся далеко на восток, оторвались от войск 2-й армии, в результате чего образовалась брешь, которую противник и использовал, атаковав Гудериана также и с запада. В силу всего сказанного, наступательная мощь южного крыла войск Гудериана настолько понизилась, что он лишился возможности продолжать наступление"{38}. 2 сентября Гальдер пишет: "2-я танковая группа в ходе своего наступления через Десну своим левым флангом (то есть XXXXVII моторизованным корпусом — А.

И.) настолько вцепилась в противника, что ее наступление на юг приостановилось"{39}.

Объективным результатом усилий А. И. Еременко было то, что 2-я танковая группа двигалась на юг в основном силами XXIV моторизованного корпуса. Это снижало темпы и уменьшало глубину наносимого удара.

Сражение за Окуниновский плацдарм. Обострение обстановки на стыке с соседом справа вынудило командование Юго-Западного фронта принять решение на отвод 5-й армии за Днепр. Оперативная директива № 00280 от 19 августа 1941 г. гласила:

"1. Противник угрожает флангу ЮЗФ со стороны Гомель.

2. Приказываю: 5 А начать отход за р. Днепр. Отход совершать ночными переходами с расчетом занятия нового оборонительного рубежа по р. Днепр и р. Десна к утру 25.8.41"{40}.

При организации отхода 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса было принято два решения, которые в сумме привели к захвату немцами важной переправы на Днепре. С одной стороны, при нарезке разграничительных линий — переправа у Окуниново и дорога от Малина через Горностайполь на Окуниново — отдавались распоряжения командира 27-го стрелкового корпуса. С другой стороны, 27-й стрелковый корпус передавался в 37-ю армию. Передача корпуса в 37-ю армию привела к тяготению отхода частей П. Д. Артеменко к Киеву. Но что самое опасное, надобность для него в окуниновской переправе также отпадала, поскольку в полосе армии А. А. Власова имелась к услугам корпуса своя переправа у Сваромье (25 км севернее Киева). Все это привело к слабости стыка между 5-й армией и 27-м стрелковым корпусом в процессе отхода.

Отход войск 5-й армии представлял собой достаточно сложную задачу. Надо было преодолеть две большие реки (Припять и Днепр) при наличии всего двух переправ у Чернобыля и Навозов и железнодорожного моста у Неданичей.

Отходящие войска были разделены на три эшелона в зависимости от используемого транспорта. По железной дороге Овруч — Чернигов перебрасывалась материальная часть 200-й и 135-й стрелковых дивизий, тылы, артиллерия. Вторым эшелоном были автомобильные перевозки. Для этого распоряжением фронта 5-й армии были приданы 900 автомашин. Автотранспортом перевозились 131-я (экс-моторизованная) и 62-я стрелковые

дивизии, воздушно-десантные бригады. Помимо этого собственным автотранспортом перевозились части, находившиеся в подчинении управлений 9-го и 19-го механизированных корпусов. Наконец, остальные силы армии отходили походом, то есть пешим порядком.
Для введения противника в заблуждение было приказано:
"За 2—3 часа до начала отхода произвести огневое нападение, которое периодически повторять до самого начала отхода"{41}.

Отмечая хорошую организацию отхода, нужно отметить, что в условиях сложившейся тогда обстановки отступление 5-й армии было шагом настолько логичным и ожидаемым противником, что никакие меры маскировки не могли обмануть ожидания противника. Филиппи пишет:
"Тем не менее штаб 6-й армии еще 18 августа был проинформирован о том, как оценивает обстановку ОКХ. Командованию армии предлагалось "срочно принять соответствующие меры", чтобы выяснить намерения противника и "перестроить армию таким образом, чтобы в случае отхода 5-й армии красных начать немедленное энергичное преследование". 20 августа штаб 6-й армии доложил, что в течение последней ночи пятью дивизиями проводились разведывательные поиски, и их результаты отнюдь не свидетельствуют об изменении намерений противника. Командующий 6-й армией, возвращавшийся вечером 20 августа с северного участка фронта, также подтвердил, что не мог заметить признаков начавшегося отхода противника"{42}.

Предположения о скором отходе 5-й армии базировались, таким образом, только на логических умозаключениях и интуиции немецких командующих. Франц Гальдер записал в своем дневнике:
"Крайне удивительно, что командующий 6 А (ген. Рейхенау) настолько уверен в отходе противника (5 А), что он уже завтра (22.8) хочет начать преследование"{43}.

Однако с самого начала отход пошел не так, как было запланировано. Первоначальный план отхода указывал:
"С отходом за р. Днепр правый фланг армии загнуть от Навозы на Чернигов" (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №40. М.: Воениздат, 1960. С. 117).

В дополнительном распоряжении от 20 августа М. И. Потапову командующий фронтом указывал, что при выходе армии на Днепр "правый фланг от Навозы на Чернигов не загибать, а занять и прочно оборонять восточный берег р. Днепр от фронта (исключительно) Лоев, Ст. Глыбов"{44}. Тем самым правый фланг армии выносился на 60 километров на северо-запад от Чернигова. Но вскоре оказалось, что отход армий левого фланга Центрального фронта требует именно загнуть правый фланг 5-й армии в районе Чернигова фронтом на север и даже на восток, так как сюда уже начали выходить передовые части 2-й армии Вейхса. Поэтому 135-я стрелковая дивизия, выгрузившаяся 22 августа в районе Бахмач, была срочно выдвинута на реку Десна для поддержки отходящих с севера на юг войск 21-й армии Центрального фронта. При этом западнее Чернигова бездействовали несколько дивизий 31-го стрелкового корпуса. Назначение 5-й армии широкого фронта обороны на Днепре привело к напрасному распылению сил и, во-первых, затруднило парирование возникшего на левом фланге армии кризиса, а во-вторых, создало предпосылки для окружения выдвинувшихся северо-восточнее Чернигова соединений 31-го стрелкового корпуса.

23 августа 98-я, 111-я, 113-я пехотные дивизии легко прорвали слабую арьергардную завесу на стыке 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса. В образовавшийся прорыв устремилась передовая боевая группа 11-й танковой дивизии. Танки и мотопехота дивизии устремились по дороге через Кухары прямо на Окуниново. Мост через Днепр в районе Горностайполя (немцы употребляют именно это название) охранялся сводными подразделениями стрелков, понтонеров в составе 182 человек и 18 зенитными пушками. Печкинский мост был минирован, кроме того, в это время у Окуниново переправлялся полк 171-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса. Обычно в таких случаях немцы прибегали к услугам спецназа из "Учебного полка 800", известного больше как "Бранденбург". Спецназовцы переодевались в советскую форму, имитировали отход разрозненных частей и использовали другие приемы для обмана охраны важных объектов.

В результате мост был захвачен, и мотопехота 11-й танковой дивизии образовала сильную предмостную позицию. Полк 171-й стрелковой дивизии был просто отброшен от переправы на север и влился затем в состав 5-й армии. В бою за переправу был ранен командир 11-й танковой дивизии Гюнтер Ангерн, сменивший 15 августа убывшего в Африку Людвига Крювеля.

Тем временем передовой отряд 11-й танковой дивизии попытался развить успех далее. От Окуниново на восток, на переправу через Десну и Остёр была выдвинута разведгруппа. Но здесь немцам удача не улыбнулась. Мост охранялся только ротой НКВД с двумя станковыми пулеметами и зенитной батареей, но в район Остёра был направлен отряд Пинской флотилии под командованием майора В. Н. Добржинского в составе канонерской лодки "Смольный" и сторожевого корабля "Пушкин". Огнем кораблей флотилии немецкая разведка была отбита, и мост через Десну успели взорвать. В дальнейшем оборону района Остёра взяли на себя 212-я воздушно-десантная бригада, 205-й артиллерийский полк и бойцы запасного полка и частей НКВД.

Переправа главных сил 5-й армии, 31-го и 15-го стрелковых корпусов прошла у Чернобыля и Навозов без приключений. 31-й стрелковый корпус (193-я, 195-я, 200-я стрелковые дивизии) занимал оборону по восточному берегу Днепра, фронтом на запад и частично на север. 15-й стрелковый корпус (62-я, 45-я и 135-я стрелковые дивизии) выдвигался на рубеж севернее и восточнее Чернигова фронтом на северо-восток, принимая на себя отходящие части 3-й армии Центрального фронта. 25 августа переправа 5-й армии на восточный берег Днепра закончилась.

Штаб Юго-Западного фронта для парирования окуниновского кризиса вечером 24 августа приказал направить в состав остёрской группы сводный стрелковый полк 146-й стрелковой дивизии (2000 человек), который к утру 25 августа предписывалось на автомашинах переформируемой в стрелковую 7-й мотодивизии перебросить в район Остёра. Учитывая, что на 21 августа общая численность 146-й стрелковой дивизии составляла вместе с тыловыми частям 2814 человек, можно сказать, что на остерское направление эта дивизия рокировалась практически целиком.

У захваченного немцами плацдарма события развивались по традиционному в таких случаях сценарию. Используя момент внезапности и промахи частей и подразделений РККА, немецкие войска завладевали клочком земли, который потом упорно оборонялся. Поскольку захватывался действительно стратегически и оперативно важный пункт, советские войска были вынуждены большими силами пытаться отбить его. Причем атаки следовали вне зависимости от желания или нежелания их проводить. Плацдарм на восточном берегу Днепра, прорыв "линии Сталина" разрушали саму идею обороны, вынуждая прикладывать титанические усилия для восстановления положения. Тревожное положение на окуниновской переправе стало известно штабу

фронта. И А. А. Власову, и М. И. Потапову М. П. Кирпоносом была поставлена задача уничтожить противника и вернуть переправу. Командарм 37-й бросил в бой 27-й стрелковый корпус, командарм 5-й собрал против Окуниново тактическую группу, объединенную управлением 22-го механизированного корпуса. В состав группы входили 19-я и 41-я танковые дивизии, 228-я, 131-я и 124-я стрелковые дивизии, усиленные дивизионом 458-го артиллерийского полка и 589-м артиллерийским полком.

Против переправы у Окуниново были брошены авиация и Пинская флотилия. Из состава флотилии для удара по переправе были выделены канонерские лодки "Димитров", "Каганович", "Верный" и монитор "Смоленск" (бывший польский "Краков"), которые заняли позиции для обстрела Печкинского моста. Для речной флотилии бои в районе Горностайполя стали ее звездным часом. Канонерской лодке "Верный" удалось артиллерийским огнем поджечь мост. Разрушение моста привело к разделению 11-й танковой дивизии на две части. Одна отбивала атаки на восточном берегу Днепра, другая бездействовала на западном:

"Собственно пехота еще смогла пройти мост через Днепр, и даже смогла продвинуться вперед еще на 30 км к востоку от реки, однако танковые подразделения пройти не смогли, так как этот важный мост через Днепр был разрушен русскими канонерскими лодками и самолетами и горит. Поэтому мы остаемся на западном берегу Днепра и ждем дальнейших приказов" (G.W.Schrodek. Op. Cit. S. 169).

Корабли флотилии также препятствовали наведению новых переправ. 25 августа монитор "Смоленск" и канонерская лодка "Верный" при попытке немцев организовать понтонную переправу в районе Сухолучья уничтожили значительную часть переправочного парка противника. Этот эпизод подтверждается немецкими источниками:

"русские канонерские лодки — упомянутые выше мониторы, которые в начавшуюся наводку моста пришли сюда и провели прекрасный фейерверк" (Ibidem).

В ответ немецким командованием был брошен в бой самый страшный враг кораблей 40-х годов — авиация. Канонерская лодка "Верный" была повреждена ударом с воздуха и затонула с частью экипажа.

Бои в районе Окуниново носили упорный характер с обеих сторон. С нашей стороны действовали части 228-й стрелковой дивизии, 22-го механизированного корпуса, 124-й стрелковой дивизии, 215-й стрелковой дивизии, части 27-го стрелкового корпуса и другие. Против частей 11-й танковой дивизии на обоих берегах Днепра также активно работала авиация:
"Все больше встречается советских истребителей с реактивными снарядами, которые впервые появились у Днепра и сильно усложнили жизнь. Эти твари, которые появлялись целыми роями, летели так низко, что только в самый последний момент их можно было увидеть. При первых налетах этих новых самолетов наших зенитчиков утешал лишь тот факт, что при попадании в крылья самолета было видно, как взрывались реактивные снаряды. Вскоре мы получше узнали этих птичек с их адскими снарядами и были начеку при их появлении. Как вскоре выяснилось, ракеты были быстрее обычных бомб. Были установлены посты оповещения против этих подарочков сверху. Но все-таки мы не могли полностью избавиться от этой опасности" (Ibid).

Если судить по имеющимся на сегодняшний день сведениям, роль "адских тварей" выполняли истребители 36-й авиадивизии ПВО.
Чтобы избежать развития наступления немцев с Окуниновского плацдарма для обороны восточного берега Десны, у Остёра был создан так называемый "Остерский отряд". В его состав были включены 212-я воздушно-десантная бригада, 30-й и 31-й понтонные батальоны, дивизион 208-го артиллерийского полка и 205-го артиллерийского полка. Позднее в состав остерской группы была переброшена 146-я стрелковая дивизия на автомашинах, оставшихся от переформирования 7-й дивизии из моторизованной в стрелковую.
С 27 августа остерский отряд, 22-й механизированный корпус, 228-я и 124-я стрелковые дивизии из состава 5-й армии были переданы в 37-ю армию, на которую и была возложена задача ликвидации окуниновского плацдарма и обороны Десны у Остёра.
Выход танковых и пехотных соединений немцев к Днепру вскоре поставил под угрозу уничтожения отряд Пинской флотилии, прикрывавший переправы 5-й армии. Тревожный сигнал прозвучал, когда 29 августа прорвавшаяся в Домантово группа танков атаковала и уничтожила минный заградитель "Пина", сторожевые корабли "Водопьянов" и "Рулевой", тральщики № 1 и № 2. Это заставило командование фронта отдать приказ на прорыв отряда Пинской

флотилии к Киеву. А. А. Власову и М. И. Потапову предписывалось обеспечивать прохождение кораблей флотилии в полосах своих армий:
"Командующий фронтом приказал частям 5-й и 37-й армий в пределах своих границ обеспечить огнем артиллерии, минометов и станковых пулеметов прохождение кораблей путем подавления огневых средств противника, могущих вести огонь по кораблям"{45}.

В ночь на 31.08 корабли двумя группами начали прорыв. Но стрелковые части, промахи которых ликвидировали 24—25 августа речные мониторы, не смогли защитить корабли флотилии от огня немецких войск. В результате боя с артиллерией и танками противника канонерская лодка "Трудовой" затонула, сторожевые катера № 1 и № 5 сгорели, монитор "Бобруйск", получив прямое попадание, сел на мель и был взорван экипажем, монитор "Житомир" сел на мель и был разрушен артиллерийским огнем. В Киев прорвались только монитор "Витебск", два бронекатера и сторожевой катер №2.
Положение 37-й, 26-й и 38-й армий в конце августа. Основной задачей 37-й армии с 24 августа была борьба за Окуниновский плацдарм. На фронте Киевского УР наступило затишье. В состав армии вошел 27-й стрелковый корпус (87-я, 171-я стрелковые и 28-я горностелковая дивизии), из состава армии в резерв фронта убыли 1-й и 2-й воздушно-десантные корпуса; из 64-го стрелкового корпуса в состав армии А. А. Власова рокировалась 146-я стрелковая дивизия.
В полосе 26-й армии на восточном берегу Днепра также наступило затишье; кроме действий разведки с обеих сторон, других событий до конца августа не произошло.
Иное положение было в полосе 38-й армии. Черкасский плацдарм в ночь на 22 августа был оставлен нашими войсками. Два моста и важные объекты городской промышленности были взорваны. Группа островов в районе черкасской поймы Днепра, в частности остров Кролевец, явилась объектом упорной борьбы за их овладение как с нашей, так и с немецкой стороны.
Своими настойчивыми атаками в районе Черкасс противник рассеивал внимание советской стороны. Боевые действия в районе Черкасс выглядели как подготовка форсирования главными силами и тем самым отвлекали внимание от левого фланга 38-й армии, Кременчугского плацдарма, где вскоре была предпринята масштабная операция по форсированию.

Подготовка подвижных резервов. Поскольку точки, в которых немецкие войска будут форсировать Днепр, еще не были выявлены, командующий Юго-Западного направления распорядился создать две подвижные группы, способные быстро переместиться на угрожаемый участок. Боеспособные танковые и моторизованные соединения на тот момент в составе войск двух фронтов отсутствовали, и поэтому ядром каждой из подвижных групп стал кавалерийский корпус. Директива С. М. Буденного выглядела следующим образом:

"Для противодействия попыткам противника форсировать Днепр на участке Кременчуг — Переволочная — Днепропетровск — Запорожье — приказываю:

1. Командующему Южным фронтом 2 к[авалерийский] к[орпус] ночными переходами к утру 28.8 с. г. сосредоточить в районе Михайловка, Московка, ст. Кирпошино — Копани — Зеленый Гай (все пункты 20—40 км восточнее Запорожья). Задача корпуса — быть готовым во взаимодействии с 11-й танковой дивизией и авиацией отразить любые попытки противника форсировать Днепр на участке Днепропетровск — Запорожье. Командующему фронтом предусмотреть усиление 2 к[авалерийского] к[орпуса] еще одной кав. дивизией из числа вновь сформированных.

2. Командующему Юго-Западным фронтом 5 к[авалерийский] к[орпус] в составе 3, 14, 34 к[авалерийских] д[ивизий] ночными переходами к утру 28.8 сосредоточить в районе Соколки — Царичанка — Маячка — Кобеляки (все пункты 50—80 км восточнее Кременчуг).

3 к[авалерийскую] д[ивизию] [в] новый район перебросить по ж. д. Задача кавкорпуса — быть готовым во взаимодействии с 47-й танковой дивизией и авиацией отразить любые попытки противника форсировать Днепр на участке Кременчуг — Переволочная — Днепропетровск. [С] Выходом [в] район сосредоточения 5 кк поступает в мое непосредственное подчинение. Особое внимание обратить на соблюдение маскировки при передвижении"{46}.

Эти меры предосторожности оказались вскоре весьма кстати.

Образование Кременчугского плацдарма. Настойчивыми атаками в районе Черкасс немецкие войска создали впечатление готовящегося форсирования главными силами. Все внимание командования 38-й армии было приковано к борьбе за группу островов в районе черкасской поймы Днепра, в частности острова Кролевец.

Решение форсировать Днепр в районе Кременчуга было принято 27 августа. Во всяком случае, в этот день об этом было доложено в ОКХ:
"27 августа командующий группой армий доложил, что намерен, захватив плацдарм в районе Кременчуга, нанести 17-й армией удар через Лубны на северо-запад с целью вступить во взаимодействие с 6-й и 2-й армиями, а 1-й танковой группой наступать между реками Ворскла и Псел на соединение со 2-й танковой группой"{47}.

Положение войск 38-й армии к моменту принятия немецким командованием решения о захвате плацдарма на восточном берегу Днепра было следующим. Вдоль берега реки располагались позиции 116-й стрелковой дивизии, 212-й моторизованной дивизии (переформируемой в стрелковую), 37-й кавалерийской дивизии полковника Г. М. Ротенберга, 297-й стрелковой дивизии полковника Г. А. Афанасьева и 300-й стрелковой дивизии полковника П. И. Кузнецова. В армейском резерве за правым флангом на черкасском направлении находились 97-я, 196-я стрелковые дивизии полковника Ф. В. Мальцева и генерал-майора К. Е. Куликова. За левым флангом, на кременчугском направлении, резервов не было. Сюда, в район Кобеляки, в первых числах сентября ожидалось прибытие из РГК 304-й стрелковой дивизии.
На намеченном к форсированию участке оборонялась 300-я стрелковая дивизия. Соединение занимало фронт протяженностью 54 километра. Инженерное оборудование полосы обороны составляли 57 ДЗОТов, 21 площадка для станковых пулеметов, 10 — для минометов, 442 стрелковых окопа и 2 км противотанкового рва.
Перед началом форсирования Днепра в районе Кременчуга в полосе LII армейского корпуса генерала пехоты фон Бризена были сконцентрированы инженерные средства. Первую задачу — захват плацдарма — решили с помощью 902-й команды штурмовых лодок с 73 лодками.
Первый плацдарм немецкие войска наметили захватить в районе правобережного села Дериевка, севернее которого на Днепре была группа островов, расположенных невдалеке от левого берега. Острова эти оборонялись небольшими подразделениями численностью до роты без средств усиления, то есть вооруженные только стрелковым оружием. Один из островов был атакован в ночь на 30 августа 60 штурмовыми лодками с 10—15 пехотинцами 100-й легкопехотной дивизии на каждой. Десятки мощных

прожекторов с правого берега осветили остров. Атака штурмовых подразделений поддерживалась артиллерийским огнем с правого берега реки, который прикрывал высадку десанта и одновременно препятствовал переброске подкреплений 300-й стрелковой дивизии в помощь оборонявшейся у Дериевки роте. С островов захват плацдарма на восточном берегу Днепра уже был делом техники.

Оценка обстановки и планов противника командованием ЮЗФ. Когда одна из сторон конфликта сознательно или вынужденно выбирает оборону, то для нее постоянным действующим фактором становится неопределенность действий противника. Самое сложное в изучении исторических событий — абстрагироваться от нашего апостериорного знания последующих событий. Мы знаем, что произошло в сентябре 1941 г. А непосредственные участники событий в начале сентября 1941 г. об этом еще не знали. Они могли лишь угадывать контуры будущих событий. И это угадывание могло быть далеко не всегда успешным. Немцы владели инициативой и могли делать ходы, которые не ожидала советская сторона. И ходы эти могли иметь катастрофические последствия.

Для понимания оценки советским командованием группировки немецких войск и дальнейших планов немецкого командования обратимся к разведывательной сводке Разведуправления Генштаба Красной армии от 1.9.1941 г. Нас интересуют прежде всего выводы из этой сводки. Планы противника, действующего против Брянского фронта, оценивались так:

"Противник, сдерживая наступление наших частей в районе Почеп, продолжает подтягивать моточасти 47-го и 21-го а[рмейских] к[орпусов] в направлении на Чернигов и Новгород-Северский"{48}.

В отношении Юго-Западного фронта наиболее опасной считалась группировка, действующая на северном фланге фронта:

"1) Противник силами до трех п[ехотных] д[ивизий], продолжая наступление на Чернигов, угрожает флангу и тылу наших правофланговых частей Юго-Западного фронта;

2) нужно ожидать активных действий Горностай-польской и Дымерской группировок в составе 98, 111, 113 п[ехотных] д[ивизий] и 11 т[анковой] д[ивизии]"{49}.

Относительно Южного фронта в разведсводке было сказано следующее:

"Противник, продолжая упорные бои за удержание и расширение плацдармов на левом берегу р. Днепр в районах: Ломовка (Днепропетровск) и Каховка, производит сосредоточение войск на никопольском и бериславском направлениях"{50}.

Строго говоря, эти данные отражают обстановку с некоторым опозданием. Поэтому для полноты картины необходимо привести выводы Разведывательного управления Генштаба, данные в сводке также за 2 сентября (по состоянию на 1 сентября). Предполагалось, что на Брянском фронте "противник сосредоточивает мотомехчасти, пехоту и артиллерию на рославльском направлении для наступления, по-видимому, на Брянск"{51}. То есть окончательно направление действий 2-й танковой группы пока определено не было — не исключается наступление на Брянск, то есть на восток. На Юго-Западном фронте выделены три наиболее опасных направления:
"1) Противник развивает наступление в направлении Конотоп, Бахмач и Чернигов с целью выхода на коммуникации нашей киевской группировки войск;
2) на козелецком направлении противник в прежней группировке, удерживая захваченный плацдарм в районе Окуниново, продолжает сосредоточение своих сил в районе Страхолесье — Горностайполь — Дымер с целью перехода в наступление;
3) противник, удерживая захваченный плацдарм в районе Дериевка, продолжает подтягивать к району переправы новые части"{52}.

Если сравнить этот текст с предыдущим документом, то мы видим появление пункта "3", в котором обращается внимание на новые части на Кременчугском плацдарме. Но вместе с тем оценка предполагаемой глубины охвата Юго-Западного фронта неглубока. Согласно разведсводке, предполагается охват только правого крыла фронта в районе Киева.
Как намного более серьезное оценивается положение Южного фронта:
"1) Противник продолжает с большими усилиями удерживать переправу у Ломовка (Днепропетровск) и, усилив каховскую группировку до двух п[ехотных] д[ивизий], поддержанных танками и бронемашинами, развивает наступление в направлении Перекоп;

2) продолжается сосредоточение мотомехчастей противника в район Никополь — Берислав и подготовка переправ через р. Днепр в районах Днепродзержинск и Никополь"{53}.

Еще более яркую картину мы увидим, если спустимся на шажок ниже и посмотрим оценку обстановки в штабе Юго-Западного направления.

Видение обстановки штабом Юго-Западного направления представлено в табл. 1.

Таблица 1. Группировка сил противника на Юго-Западном направлении к 1.9.41 г.

Против какой армии	На каком участке, направлении	№№ дивизий	Резерв	Всего
40-я армия	Бахмач, Конотоп	3-я танковая дивизия, 10-я моторизованная дивизия, 1-я кавалерийская дивизия, 45-я и 293-я пехотные дивизии	4-я и 7-я{~1} танковые дивизии	7 дивизий
5-я армия	Черниговское	17-я, 31-я, 112-я, 134-я, 260-я пехотные дивизии	62-я, 79-я, 56-я, 231-я пехотные дивизии	16 дивизий
	Остер-козелецкое	111-я и 113-я пехотные дивизии, 11-я танковая дивизия, 98-я пехотная дивизия	262-я, 298-я, 183-я пехотные дивизии	
37-я армия	Дыморовское	44-я, 168-я пехотные дивизии	296-я пехотная дивизия	
	Киевское	71-я, 95-я, 99-я, 299-я пехотные дивизии	75-я пехотная дивизия	
26-я армия	Ржищев, Каневское	294-я, 132-я, 94-я пехотные дивизии	7-я, 9-я, 69-я пехотные дивизии	6 дивизий
38-я армия	Черкасское	57-я, 24-я,		

		297-я пехотные дивизии, 1-я и 4-я горно-егерские дивизии		
	Кременчугское	257-я, 101-я, 18-я пехотные дивизии		
Против ЮЗФ в целом		2 танковые дивизии, 1 моторизованная дивизия, 1 кавалерийская дивизия, 26 пехотных дивизий	2 танковые дивизии, 13 пехотных дивизий	45 дивизий
6-я армия	Днепропетровское	13-я и 14-я танковые дивизии, 5-я{~2} и 60-я моторизованные дивизии, итальянская дивизия	87-я, 97-я, 295-я пехотные дивизии, 125-я моторизованная дивизия{~3}	9 дивизий
12-я армия	Запорожское	9-я танковая дивизия, 25-я моторизованная дивизия		2 дивизии
18-я армия	Никопольское	76-я, 239-я пехотные дивизии, 5-я, 8-я кав. бригады, 1-я кав. дивизия, 1-я, 2-я и 4-я горные бригады	6-я румынская пехотная дивизия	7 дивизий
9-я армия	Каховское	46-я, 170-я и 198-я пехотные дивизии, 16-я танковая дивизия, 22-я пехотная дивизия		9 дивизий
	Херсонское	50-я, 72-я и 73-я пехотные дивизии, 1 моторизованная дивизия		

Приморский сектор{~4}		1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я, 15-я, 21-я пехотные дивизии, гв. дивизия, пограничная дивизия, моторизованная дивизия, кавалерийская дивизия	9-я, 10-я, 17-я и 35-я пехотные дивизии, 8-я пехотная дивизия	19 дивизий
Итого против Южного фронта		4 танковых дивизии, 3 кавалерийских дивизии, 5 моторизованных дивизий, 23 пехотных дивизии	10 дивизий	46 дивизий
Всего		Немецких 6 танковых дивизий, 4 моторизованных дивизии, 1 кавалерийская дивизия, 35 пехотных дивизий Румынских и венгерских 3 кавалерийских дивизии, 2 моторизованных дивизии, 14 пехотных дивизий 6 пехотных дивизий	2 танковых дивизии, 17 пехотных дивизий	

Таблица составлена по данным Справки разведывательного отдела штаба Главного командования Юго-Западного направления о группировке противника к 1 сентября 1941 г.{54}.

{~1} — точнее, 17-я танковая дивизия.

{~2} — имеется в виду моторизованная дивизия СС "Викинг".

{~3} — 125-й моторизованной дивизии в составе войск ГА "Юг" на тот момент не было, речь идет о 125-й пехотной дивизии.

{~4} — бурную фантазию разведывательного отдела Приморской армии не хочется даже комментировать.

Если не считать явно завышенного количества дивизий, противостоящих Приморской армии, реальная обстановка на 1 сентября в целом соответствует приведенной таблице. В расположении сил противника просматривается группировка эшелона развития успеха, то есть танковых и моторизованных дивизий против Южного фронта в районе Днепропетровска и Запорожья.

Чтобы понять всю сложность оценки обстановки и возможных направлений ударов немецких войск, нужно также составить реестр захваченных немцами плацдармов на восточном берегу Днепра и на Десне.

Плацдарм у Шостки был захвачен 3-й и 4-й танковыми дивизиями 2-й танковой группы Гейнца Гудериана. Эти дивизии были нацелены от Шостки на юг против правого фланга 40-й армии.

Плацдарм у Короп (известный также как переправа у Оболонье) также был захвачен частями 2-й танковой группы. Он имел тактические удобства, определившиеся топографическими свойствами местности в углу долин при слиянии двух рек Сейм и Десна. С востока плацдарм мог быть атакован силами 40-й армии, что она неоднократно пыталась сделать. В свою очередь, 10-я моторизованная дивизия немцев, расположившаяся на этом плацдарме, угрожала левому флангу 40-й армии и правому флангу 21-й армии.

Предмостные позиции у Вибли обеспечивали немцам вклинение в стыке 21-й и 5-й армий и развитие фланговых ударов в тыл 5-й и 21-й армиям. Было бы вполне логично предположить, что с этого плацдарма может начаться наступление в тыл 5-й армии. 1 сентября о существовании этого плацдарма в штабе фронта еще не было известно: немцы пока переправили один полк и наводили переправу для остальных частей 260-й пехотной дивизии. Но вскоре известие об этой переправе на Десне стало шоком для руководства фронтом и вызвало беспокойство даже в Генеральном штабе.

Плацдарм у Окуниново на Днепре обеспечивал немцам развитие наступления в двух направлениях: на север против 5-й армии и на юг против 37-й армии у Киева. Этот плацдарм был опасен наличием на нем 11-й танковой дивизии, одного из самых опасных танковых соединений группы армий "Юг". Ближайшей целью действий для развития наступления с этого плацдарма немцы наметили удар во фланг и тыл 5-й армии в направлении на Чернигов. На плацдарме имелась переправа, пригодная для всех родов войск. Но сами немцы относились к окуниновской переправе достаточно скептически:

"Немецкий плацдарм на Днепре в районе Горностайполя был расположен в оперативном отношении довольно выгодно, но он лишь в огранниченной мере мог решить вопрос форсирования реки у Киева. Ибо дорожные условия в Припятской области (на Горностайполь, например, вела всего одна пригодная для движения дорога, проложенная по гатям) и недостаток мостового имущества допускали лишь весьма медленный темп сосредоточения сил и их снабжения в целях подготовки и проведения крупной операции, базирующейся на плацдарм, который к тому же требовал дальнейшего расширения. И, наконец, р. Десна, которую еще предстояло форсировать, являлась значительным препятствием как с тактической, так и с технической точек зрения. Поэтому было далеко не ясно, удастся ли 6-й армии после форсирования Днепра и Десны, располагая лишь собственными силами, своевременно добиться оперативного успеха в рамках всего наступления"{55}.

Наши военачальники всех этих тонкостей, конечно, не знали и с беспокойством смотрели на сосредоточение немецких войск, в том числе танковой дивизии, в непосредственной близости от Киева. К тому же советская разведка не смогла вскрыть убытие с плацдарма 11-й танковой дивизии. И в разведывательной сводке на 5 сентября, и в аналогичном документе, датированном 8 сентября, дивизия Людвига Крювеля продолжает числиться в остерской группе немецких войск. В реальности 11-я танковая дивизия завершила свою деятельность в полосе Юго-Западного фронта. "Мавр сделал свое дело, мавр может уходить!" — дивизия была выведена на отдых.

Предмостная позиция у Кременчуга на Днепре была самым свежим из созданных немецкими войсками плацдармов на восточном берегу Днепра. Она была захвачена только 31 августа, практически одновременно с плацдармом у Вибли. Вскоре кременчугской позиции было суждено стать плацдармом, с которого началось наступление 1-й танковой группы и 17-й армии в тыл Юго-Западного фронта. На 1 сентября здесь была готова паромная переправа, пригодная для всех родов войск. Большие удобства для развития наступления немцев в северном направлении создавало наличие полосы местности в междуречье рек Ворскла и Псел, обеспечивающих защиту флангов ударной группировки.

Плацдарм у Днепропетровска был 1 сентября 1941 г. сосредоточением подвижных соединений III моторизованного корпуса Э. фон Маккензена. После Окуниново это был единственный плацдарм, на котором были сосредоточены

немецкие танковые дивизии. На плацдарме имелась в готовности переправа, пригодная для всех родов войск.

Плацдарм под Каховкой (проходящий по немецким источникам как плацдарм у Берислава) был сосредоточением усилий соединений 11-й и 17-й армий. Он находился в полосе Южного фронта, но существование Каховского плацдарма учитывалось в расчетах и предположениях командования фронтов о дальнейших действиях противника.

Каховский плацдарм создали соединения XXX армейского корпуса 11-й армии (в частности 46-я, 170-я и 22-я пехотные дивизии). К началу сентября к Бериславу подтянулись части XXXXIX горно-егерского корпуса 17-й армии. Плацдарм предназначался для развития наступательных действий главных сил немецкой 11-й армии против стыка советских 18-й и 9-й армий в целях обеспечения исходного положения для действий в Крыму. На плацдарме имелась переправа (наплавной мост длиной 430 метров и грузоподъемностью 8 тонн), пригодная для пехоты и артиллерии.

Как мы видим, плацдармов было много, и каждый из них был по-своему перспективен. Задача разведки Юго-Западного направления по выявлению плацдарма, с которого последуют главные удары и глубина этих ударов, была, прямо скажем, нетривиальной. При этом язык не поворачивается назвать работу разведки плохой — местоположение немецких соединений было определено в целом верно.

Состав и положение армий Юго-Западного фронта на 1.09.

40-я армия. 40-я армия на 1 сентября 1941 г. насчитывала 31 950 человек, 248 орудий, 1 тяжелый, 14 средних, 40 легких танков и 69 бронемашин и танкеток. Боевой состав армии был следующим: 293-я стрелковая дивизия, полк НКВД, 10-я танковая дивизия, 2-й воздушно-десантный корпус (три бригады), 3-й воздушно-десантный корпус (три бригады) и 135-я стрелковая дивизия. Армия генерал-лейтенанта В. М. Кузнецова оборонялась на двух направлениях. Фронтом на север на линии Дубовичи — Короп оборонялись 293-я стрелковая дивизия и стрелковый полк НКВД. Противником наших частей на этом участке были 3-я и 4-я танковые дивизии немцев, моторизованный полк "Великая Германия". Фронтом на запад на линии Короп, Конотоп оборонялись 3-й воздушно-десантный корпус и 10-я танковая дивизия. Последняя имела всего 16 танков, но по июльскому штату получила достаточно сильный артиллерийский кулак в лице 48 орудий 76,2-мм и 122-мм гаубиц. Противостоял правому крылу армии фланговый заслон наступления XXIV

моторизованного корпуса — 10-я моторизованная дивизия. Наконец, 135-я стрелковая дивизия занимала оборону на широком фронте по рекам Сейм и Десна от Батурина до Максаки. 3-й воздушно-десантный корпус размещался в полосе армии в районе Конотопа, но пока числился во фронтовом резерве.

Средством качественного усиления обороны армии была 5-я истребительная противотанковая бригада, насчитывавшая на тот момент 40 76,2-мм орудий.

Общее положение 40-й армии штабом фронта оценивалось так: "Армия ведет бой на окружение группы противника в районе Короп в условиях возможного обхода ев правого фланга в направлении Глухов".

21-я армия. Формально армия была подчинена Брянскому фронту, но реально она была интегрирована в оперативное построение Юго-Западного фронта. Поэтому, перечисляя армии фронта с севера на юг, мы волей-неволей натыкаемся между 40-й и 5-й армиями на это объединение. Своеобразие обстановки и положения 21-й армии вынуждает нас не только описать ее состояние, но и уделить ей больше внимания, чем другим армиям фронта. Этим мы не сильно погрешим против истины, 21-я армия вошла в состав Юго-Западного фронта уже 6 сентября.

21-я армия Брянского фронта состояла из трех стрелковых корпусов (67-го, 28-го и 66-го) и одной кавалерийской группы (32-й, 43-й, 47-й кавалерийских дивизий). Армия насчитывала 79 575 человек, 499 орудий, 8 легких танков и 15 бронемашин и танкеток.

67-й стрелковый корпус (24-я, 42-я и 277-я стрелковые дивизии), развернувшись на линии Оболонье — Рейментаровка — Жадово — Семеновка фронтом на восток, вел наступательные бои против частей и подразделений 2-й танковой группы немцев, успешно продвигаясь на своих флангах в районе Оболонье и Семеновка.

28-й стрелковый корпус (187-я, 219-я, 117-я стрелковые дивизии) занимал оборону в центре боевого порядка армии фронтом на северо-запад на линии Орликовка — Тихоновичи — Щорс, примыкая правым флангом (187-я стрелковая дивизия) у Орликовки к частям 277-й стрелковой дивизии 67-го стрелкового корпуса и левым флангом у Щорса к частям 55-й стрелковой дивизии 66-го стрелкового корпуса. Против 28-го стрелкового корпуса наступали части 1-й кавалерийской дивизии, 45-й и 112-й пехотных дивизий немцев.

66-й стрелковый корпус (55-я, 232-я и 75-я стрелковые дивизии) оборонялся на фронте Щорс — Борки, имея против себя части 1-й кавалерийской дивизии, 131-й, 260-й пехотных дивизий.

Кавалерийская группа (32-я, 43-я и 47-я кавалерийские дивизии) состояла в армейском резерве и располагалась в районе Крюковка — Лосева. Также в резерв была выведена 266-я стрелковая дивизия, находившаяся на доукомплектовании.

Руководящим документом для войск Брянского фронта на тот момент была директива Ставки ВГК от 30.8. за № 001428 на проведение наступательной операции на рославльско-стародубском направлении. О ней мы уже говорили выше. Армия В. М. Кузнецова должна была наступать на правый фланг 2-й танковой группы с целью соединения с подвижной группой 3-й армии Я. Г. Крейзера.

5-я армия. Армия М. И. Потапова после отхода и окуниновской неудачи вновь оказалась в состоянии глубокого кризиса, которое соединения 5-й армии не испытывали со времен Приграничного сражения. Фронт армии перевернулся по сравнению с боями июля и августа на 180 градусов. Теперь армия оборонялась фронтом на север и на запад, в условиях глубокого охвата ее флангов. По своему боевому составу эта армия занимала второе место среди прочих армий Юго-Западного фронта (619 стволов, 95 785 человек). Основными чертами оперативной обстановки в полосе армии М. И. Потапова были следующие неприятные факты. Во-первых, немцы сделали традиционный для своей техники ведения войны ход, вклинившись на стыках армии с соседями. В результате этого непосредственное соприкосновение с 21-й армией на 1 сентября отсутствовало. Силами 260-й пехотной дивизии на левом берегу Десны была создана предмостная позиция в районе Борки — Лопатино — Вибли. Переправившись через основное русло Десны, немцы получали предмостную позицию, плотно прикрытую справа и впереди рукавом реки, имеющей начертание дуги с вершиной на юг. То же самое наблюдалось и на левом фланге. На стыке с 37-й армией А. А. Власова LI армейский корпус угрожал прорывом с Окуниновского плацдарма. Таким образом, как и в 21-й армии, стыки и фланги 5-й армии находились под угрозой. Во-вторых, нельзя не отметить нерационального использования сил армии. 31-й стрелковый корпус (193-я, 195-я стрелковые и 215-я экс-моторизованная дивизии) занимал оборону главными силами (195-я, 215-я дивизии) по восточному берегу Днепра фронтом на запад по линии Любеч — Мнево — Сорокошичи. Фронтом на север

по линии Кулевичи — Любеч оборонялась 193-я стрелковая дивизия. По существу все три дивизии этого корпуса бездействовали, так как против них немецких войск фактически не было, кроме части сил 17-й пехотной дивизии и части сил 79-й пехотной дивизии. Это может объясняться неверной оценкой разведкой положения противника в полосе 31-го стрелкового корпуса. Еще одно объяснение — повторение М. И. Потаповым характерной для него ошибки с перераспределением плотности войск сообразно угрозам со стороны противника. Как мы помним, аналогичная ситуация наблюдалась в случае 15-го стрелкового корпуса в боях у новой и старой границы.

В остальном построение 5-й армии нареканий не вызывает. 15-й стрелковый корпус (62-я, 45-я, 200-я стрелковые дивизии, 1-й воздушно-десантный корпус (две бригады), остатки 9-го механизированного корпуса, 1-я противотанковая бригада) оборонялся фронтом на север по линии Лопатино — Халявин — Довжик, имея против себя 260-ю, 134-ю и 17-ю пехотные дивизии немцев. Главной задачей корпуса было не допустить прорыва противника к району Чернигова, поэтому резервы корпуса и армии были сосредоточены в районе Чернигова (1-й воздушно-десантный корпус, 9-й механизированный корпус, 1-я противотанковая артиллерийская бригада). Больше в резерве командующего армией резервов не было. Войска, оборонявшиеся на Окуниновском плацдарме (22-й механизированный корпус, 228-я стрелковая и 131-я экс-моторизованная дивизии), были 30.8 изъяты из состава 5-й армии и переданы в состав 37-й армии.

37-я армия обороняла полосу протяжением по фронту около 200 км. Важнейшим объектом обороны считался город Киев с прилегающим к нему районом. Киевский район являлся единственным для нас плацдармом на правобережье Днепра. Благодаря своему особому политическому и стратегическому значению район Киева привлекал особое внимание Ставки ВГК. От 37-й армии и всего Юго-Западного фронта требовалось сосредоточить основные усилия на обороне Киева, на борьбе с немецкими войсками, наступающими на Киевский УР с фронта, то есть с запада; поэтому, естественно, главные силы 37-й армии были сосредоточены на плацдарме и нацелены фронтом на запад.

Для борьбы с противником у Окуниново действовала группа войск 37-й армии в составе 27-го стрелкового корпуса (228-я стрелковая дивизия, 22-й механизированный корпус, 87-я 124-я, 131-я, 176-я стрелковые дивизии, 28-я горнострелковая дивизия).

Командование фронтом и армией, видимо, считало возможным в скором времени ликвидировать Окуниновский плацдарм, поэтому соединения 27-го стрелкового корпуса, расположенные вблизи него, имели ежедневно повторяющуюся в приказах задачу "ликвидировать немецкую группировку на Окуниновском плацдарме".

Для обороны моста через Десну у Остёра был создан отряд в составе двух батальонов пехоты, понтонного батальона, артполка и двух рот легких танков. Против 27-го стрелкового корпуса действовало пять пехотных дивизий немцев.

Войска Киевского укрепленного района (175-я, 206-я, 147-я, 284-я, 295-я стрелковые дивизии) оборонялись в системе долговременных сооружений УР, имея против себя части семи пехотных дивизий немцев, группирующихся главными силами против южного (левого) фаса позиций УР. Силу обороны УР составляли (с учетом 28-й горнострелковой дивизии) 6 стрелковых дивизий, 609 орудий и минометов; протяжение фронта — 70 км.

64-й стрелковый корпус (165-я стрелковая дивизия и находящаяся на переформировании 146-я стрелковая дивизия) оборонялся по левому (восточному) берегу Днепра от Бортничи до Андруши, имея против себя части 95-й, 294-й и 132-й пехотных дивизий немцев.

С 19 августа попытки взять Киев штурмом прекратились. Как со стороны советских войск, так и со стороны немцев в полосе Киевского УР и 64-го стрелкового корпуса боевых действий, кроме артиллерийской перестрелки, не предпринималось.

В подчинении А. А. Власова вновь оказалась мощная военная сила фронта. В боях июня-июля он руководил самым сильным механизированным корпусом Киевского особого военного округа. Теперь в его руках оказались 108 759 человек и 1116 орудий и минометов самой многочисленной армии Юго-Западного фронта.

26-я армия (159-я, 227-я, 289-я, 264-я, 41-я, 301-я, 199-я стрелковые дивизии) занимала оборону по левому (восточному) берегу Днепра от Андруши до Чапаевки, имея в первом эшелоне четыре дивизии на фронте протяжением около 80 километров. Фронт 20 километров на дивизию на крупном водном рубеже давал хорошую плотность обороны и обеспечивал устойчивость положения армии Ф. Я. Костенко. Помимо этого, и в глубине построения армии находились еще четыре дивизии (7-я, 41-я, 301-я, 199-я стрелковые). Еще одна дивизия — 304-я стрелковая — находилась на формировании, числилась в распоряжении фронта и предназначалась для 38-й армии. Центр тяжести

операций войск Юго-Западного направления сместился из полосы армии Ф. Я. Костенко, и она решала исключительно оборонительные задачи, одновременно поставляя переформируемые соединения на опасные участки фронта.

Против войск армии действовали части 132-й, 94-й и 68-й пехотных дивизий. Как с нашей стороны, так и со стороны немцев боевая деятельность с 16 августа в полосе армии выражалась в поисках разведчиков и перестрелках тактического значения.

38-я армия, которую 27 августа принял от Д. И. Рябышева генерал-майор танковых войск Н. В. Фекленко, составляла левое крыло Юго-Западного фронта. Построение армии делилось на спокойный и проблемный участок. С одной стороны, 38-я армия занимала оборону по левому берегу Днепра от Чапаевки до устья реки Ворскла силами 116-й и 297-й стрелковых, переформированной из мотострелковой 212-й стрелковой дивизии и 37-й кавалерийской дивизии. С другой стороны, армия Н. В. Фекленко вела упорные оборонительные бои с переправившимся на участке Кременчуг — Кишеньки противником силами 300-й стрелковой дивизии и 5-го кавалерийского корпуса (3-я, 14-я и 34-я кавалерийские дивизии). 34-я кавалерийская дивизия была из вновь сформированных легких рейдовых кавалерийских дивизий. Тогда ее возглавлял молодой полковник А. А. Гречко, впоследствии известный военный и политический деятель брежневской эпохи, 5-й кавалерийский корпус, являвшийся подвижным резервом в полосе Юго-Западного фронта, находился с 28 августа в подчинении Главкома Юго-Западного направления. Подчинение корпуса непосредственно С. М. Буденному сохранилось и в первый день боев, когда 3-я и 34-я кавалерийские дивизии нанесли контрудар на левом фланге 38-й армии. Кавалерийский корпус Ф. В. Камкова был передан в подчинение Н. В. Фекленко на следующий день, 2 сентября.

Протяжение фронта обороны и боевых действий составляло около 180 километров. В резерве армии находились в стадии переформирования 97-я и 196-я стрелковые дивизии. Общую численность соединений армии составляли шесть стрелковых дивизий, четыре кавалерийские дивизии, 77 069 человек, 503 орудия и миномета. В первой линии оборонялись четыре стрелковые и четыре кавалерийские дивизии, что давало плотность 45 километров на дивизию (кавалерийские дивизии свою полосу обороны не получали).

Против этих сил немцы имели развернутыми двенадцать пехотных дивизий (десять в боевой линии и две в резерве); это были главные силы 17-й немецкой армии и подходившие авангарды дивизий 1-й танковой группы.

Непосредственно на Кременчугском плацдарме против 300-й стрелковой дивизии, трех кавалерийских дивизий 5-го кавалерийского корпуса (эквивалентным полутора стрелковым дивизиям) и 47-й танковой дивизии (34 танка) немцы имели части четырех дивизий (125-й пехотной, 101-й, 100-й и 97-й легкопехотных), 2 сентября к ним присоединилась еще одна, 76-я пехотная. Это давало им почти двойное превосходство. На удалении 100 километров от плацдарма на расстоянии одних суток хода находились главные силы 1-й танковой группы немцев (13-я, 14-я, 16-я и 9-я танковые дивизии, 16-я и 25-я моторизованные дивизии), которые уже имели предварительное распоряжение на сосредоточение к району Александрия (40 км юго-западнее Кременчуга).

В период с 28 августа по 1 сентября главное содержание боев 38-й армии составляла борьба небольшими отрядами против немецких отрядов, пытающихся просочиться и обосноваться на многочисленных островах, имевшихся на Днепре. Так, большое беспокойство штабу армии причиняли назойливые попытки немецких отрядов обосноваться на острове Кролевец у Черкасс, на островах в районе Кременчуга. Важной задачей, которая была в явном виде отражена в боевом распоряжении штаба 38-й армии от 28 августа, был захват пленных "в целях установления группировки пр-ка и нумерации частей его"{56}. Для приказа такого уровня это требование нехарактерно, но отражает беспокойство штаба армии о неопределенности ситуации. Захватом пленных советское командование стремилось вскрыть отсутствие или, наоборот, наличие концентрации немецких войск в полосе 38-й армии для броска через Днепр.

Вплоть до 1.9 боевые распоряжения и донесения 38-й армии переполнены указаниями на значение островов на Днепре. Даже 1.9, когда положение в районе Кременчуга становилось угрожающим, оперсводка № 056 оценивает действия на главном направлении в полосе 300-й стрелковой дивизии как обычную оборону, а на правом фланге (в районе Черкасс) как "ведение боя за остров Кролевец". Это дает основание предполагать, что действия противника в районе Кременчуга первоначально оценивались как сковывающий, отвлекающий удар.

В своих распоряжениях на 2.9 командарм 38-й ставит задачей войскам:

"Командиру 297-й с[трелковой] д[ивизии] уничтожить переправившиеся части противника, прочно обеспечить северный берег... чтобы никакие случайности

не нарушили систему обороны...". И далее: "...Особое внимание обратить на район Кременчуга и остров южнее Градижска...".

Командирам 116-й и 212-й стрелковых дивизий в боевом распоряжении № 0090 от 1.9 было указано:
"Частям на достигнутом рубеже окопаться и с рассветом 2.9 начать наступление с целью окончательного уничтожения противника на острове Кролевец"{57}.

Таким образом, 1 сентября в штабе 38-й армии данные разведки не были еще настолько убедительными, чтобы считать положение на фронте угрожающим, и в особенности на левом фланге в районе Кременчуга и прилегающего к нему немецкого плацдарма. Можно полагать, что немцам удалось отвлечь внимание 38-й армии от главной опасности, то есть от своего главного удара в районе Кременчуга.
Днепровский отряд Пинской флотилии действовал под прикрытием Киевского УР по Днепру, поддерживая войска 37-й и 26-й армий.
Роль фронтовых резервов выполняли находившиеся на доукомплектовании 304-я, 7-я, 81-я стрелковые дивизии. Последние две переформировывались из моторизованных дивизий.
Достаточно характерным документом, иллюстрирующим оценку обстановки на стыке Юго-Западного и Брянского фронтов, является директива начальника Генштаба от 29.8.:
"КОМАНДУЮЩЕМУ ЮГО-ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ, Копия: ГЛАВКОМУ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ.
На фронте 40-й и на правом фланге 5-й армии противник, действуя по стыкам и незанятым промежуткам между соединениями, стремится дезорганизовать части и управление ими и, пользуясь неорганизованностью действий наших частей, занять Чернигов, перерезать ж.-д. линию Льгов — Бахмач и тем самым дезорганизовать тыл и управление основных сил фронта. Немедленно организуйте управление северным крылом фронта и взаимодействие правого крыла ЮЗФ с 21-й армией. Совместными усилиями ЮЗФ и 21-й армии восстановить положение и ликвидировать угрозу Чернигову и ж.-д. линии Бахмач — Ворожба. Ни при каких условиях нельзя допускать захвата Чернигова и Бахмача противником.
Б. ШАПОШНИКОВ.
№ 001413 29 августа 1941 г. 19 часов 05 мин"{58}.

Если судить по этой директиве, на тот момент угрозы тылу Юго-Западного фронта оценивались как локальные и неглубокие.

Одновременно Верховное командование пока отвергало предложения командования Юго-Западного направления по переподчинению армий сообразно изменившейся обстановке. В ответ на вышеприведенную просьбу командующего Юго-Западного фронта о необходимости разрядки ненормального положения, создавшегося на стыке армий М. П. Кирпоноса и Брянского фронта, командующий фронтом в связи с этими обстоятельствами просил подчинить ему 21-ю армию. Начальник Генерального штаба в ответ на эту просьбу рекомендовал обратить внимание на правый фланг фронта:

"Верховный главнокомандующий приказал подтвердить, что 21-я армия передана в состав Юго-Западного фронта не будет.

С захватом противником Вибли создается явная угроза Чернигову и стыку фронтов.

Немедленно сообщите о ваших мероприятиях на этом направлении. Чернигов должен быть удержан за нами во что бы то ни стало. Б. Шапошников"{59}.

Ставка ВГК вежливо, но твердо указала на свое нежелание перераспределять армии между Брянским и Юго-Западным фронтами и не менее твердо указывала на угрозу правому флангу Юго-Западного фронта в районе Чернигова. С одной стороны, нельзя не признать разумность требований Б. М. Шапошникова. Прорыв 2-й танковой группы на 1 сентября был еще отдаленной перспективой. Напротив, создание плацдарма у Вибли угрожало выходом на коммуникации 5-й армии, правый фланг которой все еще цеплялся за восточный край Припятской области и рубеж Днепра. Эта угроза была на тот момент куда реальнее и опаснее. Пренебрежение этой опасностью могло привести к обвалу фронта задолго до выхода в тыл танков Гудериана. Именно поэтому маленькая деревушка Вибли фигурирует в качестве пункта, требующего неусыпного внимания штаба Юго-Западного фронта.

Итак, на 1 сентября сущность действий войск Юго-Западного фронта состояла в том, чтобы упорной обороной по Десне и Днепру задержать наступление немецких войск группы "Юг" на Украине. Стратегическое значение этого плана, по-видимому, состояло в том, чтобы как можно дольше задержать развитие немецкого наступления для выигрыша времени, необходимого для накопления сил в общестратегическом масштабе. Действительно, отказ от борьбы за Киев

означал высвобождение немецких войск для удара на Москву. Советское командование на тот момент считало себя в силах остановить разбросанные по разным стратегическим направлениям силы немцев. Одной из вводных, позволявших сделать такой вывод, было, судя по всему, нацеливание танковых соединений на Южный фронт, проходящее по всем разведывательным сводкам Юго-Западного направления. Это вызывало логичное предположение о нацеленности подвижных соединений группы армий "Юг" на Донбасс и Крым. Также существовала уверенность в том, что войска Брянского фронта сумеют осуществить контрудар против танковой группы Гудериана и если не разгромят ее, то свяжут перед своим фронтом крупные силы моторизованных корпусов 2-й танковой группы. Оставшиеся на острие наступления дивизии предполагалось сдержать на рубеже Десны силами 21-й, 40-й армий.

Элемент внезапности, таким образом, сопутствовал немецкому наступлению. Форма и силы спланированных командованием групп армий "Юг" и "Центр" оставались невскрытыми, и никаких мер по противодействию опасности охвата и окружения всего Юго-Западного фронта пока не предпринималось.

Ход боевых действий с 1 по 10 сентября. Боевые действия в первую декаду сентября характеризовались нарастанием угрозы на флангах Юго-Западного фронта.

40-я армия. Войска 40-й армии с 1 сентября завязали бои на всем своем фронте. 4 сентября немцы, сосредоточив на узком фронте силы 3-й и 4-й танковых дивизий, ударом на Кролевец прорвали оборону 293-й стрелковой дивизии. Войска 40-й армии отступили с упорными боями правым флангом через Глухов на восток и главными силами на р. Сейм. Выдвинутый из района Конотоп для обороны железнодорожного моста через р. Сейм (15 км севернее Конотопа) 3-й воздушно-десантный корпус не смог удержаться, и немцы, 7.9 захватив мост, приступили к переправе танков 3-й и 4-й танковых дивизий для удара на Бахмач и Конотоп. Вновь прибывшая 5 сентября 227-я стрелковая дивизия заняла оборону в районе Конотопа, пытаясь вместе с 5-й противотанковой артиллерийской бригадой воспрепятствовать распространению противника в этом районе.

9 сентября 3-я танковая дивизия Вальтера Моделя прорвалась на юг и 10 сентября захватила Ромны. 4-я танковая дивизия и 10-я моторизованная дивизия того же моторизованного корпуса были остановлены контратаками наших войск на фронте Бахмач — Конотоп. Тем временем на северном участке 40-й армии немцы подтянули в район Глухов части 17-й танковой дивизии, а

затем моторизованный полк "Великая Германия". Несмотря на то что в бой были брошены все резервы, в том числе отряд курсантов Харьковского военного училища (так называемый отряд Чеснова), наши войска на северном участке 40-й армии тоже отошли на линию Городище — Путивль.

293-я стрелковая дивизия с 28-м мотострелковым полком НКВД и 5-й противотанковой артиллерийской бригадой отошли за р. Сейм и заняли оборону на фронте Путивль, Конотоп. 2-й воздушно-десантный корпус и 227-я стрелковая дивизия оборонялись в районе Конотопа. Части 3-го воздушно-десантного корпуса и 10-й танковой дивизии отходили в армейский резерв.

Задача, поставленная командующим фронтом, и решение командарма 40-й заключались в намерении продолжать упорную оборону занимаемого рубежа и в проведении контрударов на своих флангах, в первую очередь на левом фланге, в тыл прорвавшейся к Ромнам 3-й танковой дивизии.

Авиационная поддержка 40-й армии выразилась в периодических ударах части авиации резервной авиагруппы Брянского фронта по району Шостка — Воронеж — Глухов. С 9 сентября начались авиационные удары части сил ВВС Юго-Западного фронта по району Конотоп, Бахмач.

21-я армия. От Брянского фронта к Юго-Западному. Особенностью боевых действий армии был постепенный ввод в ее полосе пехотных соединений немцев на фоне наступательной задачи против подвижных соединений 2-й танковой группы. Уже 31 августа, до официального начала наступательных действий войск А. И. Еременко по "разгрому подлеца Гудериана", левое крыло армии (23-й и 66-й стрелковые корпуса) ощущало непрерывный нажим наступающих с запада четырех немецких дивизий 2-й армии. В то же время войска правого крыла (67-й стрелковый корпус) 2 сентября попали под фланговый удар немецкой мотодивизии "Райх" и 1-й кавдивизии и начали откатываться назад. Однако в оперсводках штаба Брянского фронта вплоть до 3.9 положение 67-го стрелкового корпуса армии В. М. Кузнецова расценивалось как наступление "на соединение с 13-й армией". 4 сентября, когда в полосе 3-й и 13-й армий начались упорные наступательные бои, войска 21-й армии уже отступали на юг.

5 сентября командующий 21-й армией, не имея связи с командующим Брянским фронтом и видя отход соседа слева (5-й армии), принял решение на отвод войск в общем направлении на юг, на Десну. До 4 сентября 21-я армия медленно оттеснялась на юг. С получением приказа на отход, 6 сентября, отход превратился в бегство. Серьезно дестабилизировал обстановку в полосе армии

захват моторизованной дивизией СС "Райх" железнодорожного моста у Макошино. Это сразу же привело к тому, что на северном берегу реки остались отрезанными три бронепоезда. Ряд наших подразделений и даже частей также не могли переправиться и остались на северном берегу Десны. Захват переправы у Макошино обозначил угрозу тылу армии. В этих условиях отход стал бегством с потерей вооружения.

6 сентября, когда уже обозначились результаты наступления Брянского фронта, 21-я армия была включена в состав Юго-Западного фронта и получила задачу прочно оборонять Десну. К исходу 7 сентября войска 21-й армии отошли за Десну на фронте Бахмач — Макошино, Салтыкова Девица. В этот день состояние армии характеризовалось так:

"Части армии понесли большие потери в людях и материальной части (в отдельных дивизиях потери доходят до 40%)"{60}.

8 и 9 сентября войска 21-й армии пытались сбить противника с плацдарма у Макошино, занятого авангардами мотодивизии "Райх", но в это время состоялся прорыв 3-й и 4-й танковых дивизий немцев на фронте Конотоп — Бахмач и обнаружилась новая угроза правому флангу армии в районе Бахмач. Распоряжением командарма 21-й сюда была переброшена кавгруппа (остатки трех кавалерийских дивизий), 214-й воздушно-десантная бригада, а затем и 55-я стрелковая дивизия в район Григоровка (15 км южнее Бахмач). Авиационная поддержка 21-й армии из ВВС ЮЗФ началась с 9 сентября. В этот день по району Бахмач нанесла удар 19-я авиадивизия (32 самолетовылета). 10.9 переправу у Макошино бомбила эта же дивизия (21 самолетовылет).

К 10 сентября войска 21-й армии занимали фронт обороны Бахмач — Борзна — Вержеевка, имея против себя: с фронта — части моторизованной дивизии СС "Райх", на правом фланге — части 4-й танковой дивизии и на левом фланге — переправляющиеся части 2-й армии немцев, глубоко вклинившиеся в стыке с 5-й армией.

Окружение 5-й армии. Командование фронта и даже Генеральный штаб не зря обращали внимание М. И. Потапова на плацдарм у Вибли. С появлением этого элемента в построении войск 5-й армии появилась реальная угроза охвата обеих флангов. Правый фланг (62-я стрелковая дивизия 15-го стрелкового корпуса) примыкал к Десне, у Лопатино Промежуток протяжением около 10 км между левофланговой 75-й стрелковой дивизией соседней 21-й армии и 62-й стрелковой дивизией 5-й армии был занят 260-й пехотной дивизией,

захватившей предмостную позицию у Вибли. На левом фланге 5-й армии находилась 215-я стрелковая дивизия, численность которой составляла около стрелкового полка, примыкавшая в районе Сорокошичи к 228-й стрелковой дивизии, отошедшей в окуниновскую группу 37-й армии. При этом центр 5-й армии был вынесен далеко вперед на Днепр, не имея против себя противника. 45-я, 200-я и 193-я стрелковые дивизии занимали 50-километровый промежуток между Черниговом и Днепром фронтом на север. Цеплявшиеся за Припятскую область 193-я и 195-я стрелковые дивизии даже не имели перед собой противника. Армейский резерв (части 9-го механизированного корпуса, 1-й воздушно-десантный корпус, 1-я противотанковая артиллерийская бригада) был сконцентрирован вблизи Чернигова. Захват этого города и развитие наступления на юг привело бы к глубокому охвату большей части 5-й армии.

Понимая особенности обстановки, М. И. Потапов все свое внимание и энергию сосредоточил на управлении войсками, действующими на черниговском направлении. С 1 по 6 сентября бои в полосе 5-й армии характеризовались упорным стремлением выбить 260-ю пехотную дивизию противника в районе Вибли. Но все попытки ликвидировать плацдарм окончились неудачей:

"В течение 6 дней русские тщетно пытались отбросить нашу дивизию снова за Десну. Наши неутомимые [143] саперы смогли за 48 часов восстановить мост на Десне, так что снабжение боеприпасами и продовольствием вновь открылось. Истребители, "Штуки" и САУ "Штурмгешюц" так насели на русских, что они отошли в юго-западном направлении"{61}.

Тем временем в 20 километрах восточнее Вибли, в районе Салтыковой Девицы, был образован еще один плацдарм. На левый берег реки началась переправа четырех немецких пехотных дивизий XXXXIII армейского корпуса, нацелившихся в глубокий тыл 5-й армии с северо-востока. Но самое страшное произошло на левом фланге армии, на стыке с окуниновской группой А. А. Власова. 6 сентября началось стремительное продвижение 98-й пехотной дивизии немцев с Окуниновского плацдарма в лесистой местности в междуречье Днепра и Десны. Дивизия была разбита на две боевые группы. Первую составляли 290-й пехотный полк с III дивизионом 198-го артиллерийского полка: Целью этой боевой группы были переправы через Десну. В ходе наступления боевая группа оттеснила 228-ю стрелковую дивизию на рубеж Днепра. Однако переправу у Максима (30 километров на северо-

восток от Окуниново) советской дивизии удалось удержать. Вторая боевая группа состояла из 289-го пехотного полка и II дивизиона 198-го артиллерийского полка. Двигаясь на север, 6 сентября эта группа заняла Сапонову Гуту, тесня слабые подразделения 215-й стрелковой дивизии. Одновременно 262-я пехотная дивизия прорвалась с Окуниновского плацдарма прямо на восток и переправилась через Десну в районе Моровск. Это окончательно разорвало и без того слабый стык 5-й и 37-й армий.

Командарму 5-й было разрешено отвести свои центральные 200-ю, 193-ю и 195-ю стрелковые дивизии на восток, "не далее рубежа Довжик, Мнево". Отход этот состоялся в ночь на 7 сентября. С востока к правому флангу армии подходила 135-я стрелковая дивизия, предназначенная для контрудара у Вибли. Однако эти планы были сломаны. Развернувшись 6 сентября в районе Куликовка, эта дивизия в упорных боях пыталась сдержать переправившиеся у Салтыкова Девица авангарды трех немецких 131-й, 293-й и 112-й пехотных дивизий. Понеся большие потери, 135-я дивизия вынуждена была отходить на юг. Угроза окружения 5-й армии, доселе теоретическая, стала понемногу приобретать реальные черты. Соединения 31-го стрелкового корпуса оказались на западном берегу не переходимой вброд реки Десна, большинство переправ через которую уже находилось в руках немецких войск. Единственной устойчиво работающей переправой был мост, наведенный на южной окраине Чернигова и находившийся в руках 9-го механизированного корпуса. Для парирования кризиса М. И. Потапов вывел в резерв 195-ю стрелковую дивизию с целью нанесения контрудара по 98-й пехотной дивизии.

7 сентября 200-я, 193-я и 195-я стрелковые дивизии отошли на рубеж Довжик — Мнево. Немецкая 17-я пехотная дивизия захватывает Чернигов. М. И. Потапов по приказу командующего фронтом предпринимает еще две попытки активными контрударами отбросить наседающего на флангах противника. 135-й стрелковой дивизии, усиленной полком и воздушно-десантной бригадой, дается приказ "восстановить положение на правом фланге 5 А с выходом на р. Десна". На левом фланге 5-й армии аналогичную задачу получает 195-я стрелковая дивизия для контрудара "в направлении Сорокошичи". Вечером 7 сентября штаб Юго-Западного фронта направляет С. М. Буденному и Б. М. Шапошникову донесение, в котором запрашивает разрешение на отвод 5-й армии за Десну. 8 сентября эта просьба была удовлетворена, и в ночь на 9 сентября войска 5-й армии успевают частью сил отойти за реку. За их спиной смыкаются клещи 282-го полка 98-й пехотной

дивизии и 95-го полка 17-й пехотной дивизии 2-й армии в районе Ковпыты. Одновременно 228-я стрелковая дивизия была выбита с переправы у Максима.
За Десну отошла вся корпусная артиллерия и штаб армии. Остальные части были прижаты к заболоченной пойме Десны. Лучше всего их состояние показывают оперативные сводки Юго-Западного фронта. Утром 10 числа:
"62-я и 45-я стрелковые дивизии, с боями пробиваясь к р. Десна, потеряв всю материальную часть и обозы, что требует проверки, переправляются мелкими группами через р. Десна вплавь в районе Шестовицы [в 10 километрах к юго-востоку от Чернигова]. 215-я, 195-я, 193-я стрелковые дивизии вели бой в районе Смолино — Козероги, пробиваясь к переправам. К 3.00 10.9 части указанных дивизий еще не переправились"{62}.

Реальную помощь прижатым к Десне дивизиям смогли оказать только корабли Пинской флотилии. Черниговский отряд флотилии в составе монитора "Смоленск", трех катеров и взвода морской пехоты днем 10 сентября прорвался в Шестовицы. Огнем кораблей немцы были оттеснены от правого берега, что позволило частям окруженных дивизий выйти к переправе. Ответным огнем был поражен в боевую рубку сторожевой катер № 9. Корабль сгорел. Вечером 10 сентября положение дивизий во фронтовой оперсводке описывалось так:
"45-я и 62-я стрелковые дивизии продолжают отдельными группами при помощи подручных переправочных средств и вплавь переправляться на вост. берег р. Десна. Матчасть артиллерии и трактора подорваны и уничтожены. [...] 193-я, 195-я и 215-я дивизии под командой [146] генерал-майора Несмелова продолжают вести бой в окружении в районе Слабино — Козероги, пробиваясь к переправе на р. Десна"{63}.

11 сентября корабли Пинской флотилии были отправлены на выручку 215-й, 195-й и 193-й стрелковых дивизий с приказом после отхода войск с Десны взорвать корабли. Прикрывая отход 193-й и 195-й стрелковых дивизий, корабли группы вели непрерывный огонь по частям противника на правом берегу Десны. Основной ударной силой был монитор "Смоленск".
В результате боев с окруженными частями 31-го стрелкового корпуса 98-й пехотной дивизией были захвачены в плен 4600 человек, трофеями дивизии стали 58 орудий, 27 противотанковых пушек, 1 зенитная пушка, 147 станковых пулеметов, 34 полевые кухни, трактора, автомашины различных типов. Во

всяком случае, такие данные приводятся в официальной истории соединения{64}.

В лучшем, но все равно не блестящем положении оказались 9-й механизированный корпус, 1-й воздушно-десантный корпус, 1-я противотанковая бригада и 135-я стрелковая дивизия. Эти соединения насчитывали на 10 сентября всего около 1000 активных штыков. Им пришлось с севера прикрывать переправу отходивших войск, сражаясь против наступающих с севера дивизий XXXXIII корпуса.

Днем 10 сентября остатки 5-й армии продолжали отходить на юг вдоль шоссе Чернигов — Киев, стараясь сомкнуть фланги с 37-й армией. К исходу дня войска армии оборонялись на фронте Сулак — Хрещатое — Красиловка — Церковище, имея против себя части пяти немецких пехотных дивизий (293-й, 131-й, 260-й, 134-й, 17-й).

Армия М. И. Потапова к 10 сентября еще не перестала существовать как вооруженная сила. Но она уже не могла противостоять сильной группировке 6-й и 2-й армий (98-я, 262-я, 79-я, 111-я, 56-я, 113-я пехотные дивизии) на стыке 5-й и 37-й армий в районе Остёра. Это не только предвещало добивание уцелевших соединений 5-й армии, но и серьезную угрозу советским войскам у Киева.

Говоря о причинах катастрофы 5-й армии на завершающей фазе боев за припятскую область, необходимо отметить, что основной причиной такого развития событий является недооценка советским командованием подвижности немцев в лесисто-болотистой местности. 98-я пехотная дивизия уже получила опыт боев в таких условиях в июле-августе 1941 г. в районе Малина и Коростеня. Поэтому в прорыве в междуречье Десны и Днепра дивизия добилась значительных результатов, предопределив поражение 31-го стрелкового корпуса.

В итоге 10-дневных боев войска 40-й, 21-й и 5-й армий понесли тяжелые потери, ослабившие на 1/3—1/2 их боевой состав. На всем протяжении правого крыла Юго-Западного фронта (300 км) нарушено было взаимодействие между армиями. Наиболее угрожающее положение для фронта в целом образовалось между 40-й и 21-й армиями, где обозначился прорыв с выходом 3-й танковой дивизии Моделя к Ромнам.

Подводя итог боевым действиям на правом фланге Юго-Западного фронта, можно сказать, что к 10 сентября здесь уже сложилась группировка "канн", характерная для немецкой военной школы периода Второй мировой войны. В

общем случае в операции на окружение участвовали две ударных группировки, каждая из которых делилась на три луча. Два основных, как правило, составленных из подвижных соединений, наступали по сходящимся направлениям. Внешние лучи наступали перпендикулярно фронту для образования внешнего фронта окружения. Наконец, пехотные соединения рассекали получающийся котел пополам, нанося удар по сходящимся направлениям несколько меньших масштабов. В приложении к операции против Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. эта модель имела следующую реализацию. 2-я танковая группа Гудериана имела целью развитие наступления главными силами (3-я, 4-я и 17-я танковые дивизии, моторизованная дивизия СС "Райх", 10-я моторизованная дивизия, 18-я танковая дивизия, 29-я моторизованная дивизия) в направлении Конотоп — Ромны — Лохвица для соединения с 1-й танковой группой Клейста и образования фронта окружения по линии Конотоп — Романы — Лох вица главных сил Юго-Западного фронта. Одновременно предполагалось наступлением основных сил 17-й танковой дивизии, части сил 10-й моторизованной дивизии и моторизованного полка "Великая Германия" оттеснить войска 40-й армии на восток, образуя внешний фронт окружения. Рассечение "котла" пополам должно было осуществляться 2-й армией Вейхса с целью раздробления сил 5-й и 21-й армий и выхода на тылы 37-й армии в районе Яготина. Аналогичную задачу решала ударная группировка 6-й армии Рейхенау (в составе 113-й, 56-й, 111-й и 62-й пехотных дивизий).

38-я армия. Борьба за Кременчугский плацдарм. Непосредственно против немецких войск на Кременчугском плацдарме на 2 сентября оборонялись 300-я стрелковая и 37-я кавалерийская дивизии 38-й армии и переданные в армию Н. В. Фекленко из подчинения командования направления 5-й кавалерийский корпус (3-я, 15-я, 34-я кавалерийские дивизии) и части 47-й танковой дивизии. На остальном фронте армии от Черкасс до Кременчуга занимали оборону 116-я, 297-я и 212-я стрелковые дивизии. В армейском резерве находились 97-я и 196-я стрелковые дивизии (в стадии укомплектования после боев в составе 26-й армии в июле-августе). Соотношение сил в эти дни на плацдарме быстро возрастало в пользу немцев. 2 сентября на плацдарм переправилась 76-я пехотная дивизия, 4 сентября 239-я пехотная дивизия. Первая дивизия переправилась на южном фланге плацдарма, а вторая на северном. То есть плацдарм расширялся не только в глубину, но и в стороны. На плацдарме также были сосредоточены усилия немецких ВВС. Интенсивные

авиационные бомбардировки опустошали и без того редкие боевые порядки пехотинцев 300-й стрелковой дивизии и спешенных кавалеристов корпуса Ф. В. Камкова и дивизии А. А. Гречко.

Командование 17-й немецкой армии и LII корпуса осознавало опасность ситуации — небольшая группа солдат и офицеров на восточном берегу Днепра — и прилагало максимум усилий, чтобы как можно скорее отстроить солидные мосты, по которым можно перебрасывать на плацдарм новые и новые части. Поэтому было принято решение строить 8-тонный мост. "8-тонный" означало массу груза, который он способен удерживать единовременно. Какими средствами строился этот мост, описывает Вернер Гаупт:

"Командиру 700-го саперного полка поручается выполнение этого задания (постройка моста. — А. И.). Ему передаются в подчинение: 1) 902 команда штурмовых лодок с 73 лодками; 2)50, 97, 100, 157, 176, 651, 658 саперные батальоны; 3)4, 8, 9, 13, 16, 97, 99, 100, 111, 125, 176, 209, 298, 2-я рота 410, 2-я рота 60, 537, 539, 602, 610, 612, 630, 639, 660, 667, 672, 995 понтонно-мостовые батальоны; 4) 51, 403 строительные батальоны, 59-я часть Организации Тодта; 5) 551 дорожно-строительный батальон"{65}.

9-й, 13-й, 16-й, 97-й, 99-й, 100-й, 111-й, 125-й, 298-й понтонно-мостовые батальоны были перед началом кампании изъяты из состава пехотных дивизий с теми же номерами и сконцентрированы в руках РГК. Тем самым соединения были оставлены без собственных средств форсирования водных преград. Но при форсировании Днепра эта мера себя оправдала — у командования группы армий появилась возможность собрать большое количество понтонеров, саперов и военных строителей в одном месте. Строительство моста было начато 2 сентября, и хронология постройки переправы для удара на окружение была следующей:

"Саперы быстро налаживают необходимые паромные переправы, чтобы иметь возможность переправить через реку строительные материалы. Мост через северный рукав у Дериевки готов уже вечером 2 сентября. Но тут выясняется, что запасено недостаточно материала для дощатого настила. Дощатый настил, однако, нужен для пересечения полосы песчаных дюн на Улиточном острове. В противном случае машины не смогут перебраться на другую сторону. Но доски доставляются только 4 сентября. И все же командир саперов может вечером этого же дня доложить о сдаче моста длиною в 1253 метра. С началом самого

наступления мост перестраивается 8 сентября в 16-тонный. Саперы справляются с перестройкой за 3 часа 45 минут!" (Ibidem).

Как мы видим, концентрация инженерных средств в руках командования армии позволяла оперативно создавать переправы даже через такую крупную реку, как Днепр.

Одновременно происходило расширение плацдарма в ширину. Левее LII армейского корпуса начал высадку XI армейский корпус армии Штюльпнагеля. 4 сентября по обеим сторонам от Воровсково было осуществлено форсирование Днепра силами 101-й легкопехотной дивизии, 125-й пехотной дивизии и 239-й пехотной дивизии. Вскоре после переправы передовых подразделений и создания плацдарма саперы XI корпуса перебрасывают через реку возле Воровсково 3-тонный наплавной мост. Мост был построен силами подчиненных 617-му саперному полку 73-го, 74-го, 260-го, 257-го, 239-го саперных батальонов, 109-го строительного батальона и 107-й группы Имперской рабочей службы (RAD — ReichsArbeitsDienst — своеобразная организация милитаризованного труда в Третьем рейхе).

За три дня XI армейский корпус прошел от устья Псела до пересечения реки с железной дорогой Кременчуг — Полтава. Уже на 7 сентября командование корпуса приказывает провести форсирование Псела с ходу. 125-я пехотная дивизия сумела захватить железнодорожный мост через реку, взорвать который наши саперы не успели. После форсирования Псела 125-я пехотная дивизия наступает далее на северо-запад, оставляя Кременчуг левее. Сосед слева "дивизии-куницы" (как называли немцы 125-ю дивизию), 239-я пехотная дивизия, вынуждена была переправляться через Псел 7 сентября по построенному саперами мосту, поскольку в ее полосе крупных дорог и мостов не было. Для переправы 239-й дивизии были задействованы собственный 239-й саперный батальон и саперный батальон соседа, то есть 125-й саперный батальон "дивизии — куницы". Ими был построен 8-тонный мост. После форсирования Псела 239-я пехотная дивизия начала фронтальное наступление на город Кременчуг с востока.

Одновременно подтягивала к Кременчугскому плацдарму резервы советская сторона. С 6 сентября на помощь обороняющимся начали поступать дивизии с правого фланга 38-й армии и из 26-й армии. 4.9 в районе Золотоноша была погружена и отправлена 199-я стрелковая дивизия из состава 26-й армии. 5.9 с правого фланга 38-й армии выступила по железной дороге и походом 212-я

стрелковая дивизия. Из состава 26-й армии перевозились по железной дороге 304-я стрелковая дивизия и 81-я стрелковая дивизия из фронтового резерва (Лубны). Кроме того, на Кременчугский плацдарм из фронтового резерва ожидалось прибытие 11-й, 3-й и 142-й танковых бригад и двух-трех артиллерийских полков РГК. Танковые бригады 6 сентября сосредотачивались в районе Полтавы. 3-я и 142-я танковые бригады вечером 7 сентября выступили из района сбора в лесу у Мачухи (15 км юго-западнее Полтавы) и поступили в распоряжение Н. В. Фекленко.

142-ю бригаду осмотрел перед отправкой Н. С. Хрущев. По результатам осмотра С. М. Буденный направил И. В. Сталину телеграмму, в которой недвусмысленно высказал свое неудовольствие состоянием соединения:

"Соединение сформировано путем сбора людей различных частей. На танках КВ и Т-34 50% состава экипажей имеются раньше не водившие эту машину.

Ряд командиров назначены буквально в процессе погрузки.

45% всего состава не бывших в боях. Артиллеристы-зенитчики совершенно не стреляли"{66}.

Руководящим документом действий 38-й армии против Кременчугского плацдарма был частный боевой приказ № 00377 командования Юго-Западного фронта от 6 сентября:

"С утра 8.9.41 перейти в решительное наступление против дериевской группы противника.

Задача: уничтожить противника и восстановить оборону по левому берегу р. Днепр. Ударную группу иметь в составе: 199 с[трелковой] д[ивизии], 47 т[анковой] д[ивизии], 11,3, 142 т[анковых] бр[игад] и частей 5 к[авалерийского] к[орпуса], ведущих бой на фронте Добиневка, Морозы.

Фронт главного удара — Пурубай — Оленичи. Направление удара — Обдушивка — Озеры — Григоро — Бригадировка — Босулы. Одновременно с нанесением главного удара наносить вспомогательные удары переходом в наступление 300 с[трелковой] д[ивизии] в направлении Матвийцы — Ернстовка; 304 с[трелковой] д[ивизии] — в направлении Кобелячок — Митринов. 212 мсд [правильнее "сд" — стрелковая дивизия, 212 дивизия переформировывалась из моторизованной в стрелковую] и часть сил 297 с[трелковой] д[ивизии] наносят удар через р. Псел от Потоки на Дукалины.

Левый фланг ударной группы обеспечивать наступательными действиями частей в направлении Просяниковка, Брачковка.

2. 199 с[трелковой] д[ивизии], 11,3, 142 т[анковым] бр[игадам] к исходу 7.9 сосредоточиться в районе Кобелячок — Ковали — Сухая — Бабичи, в ночь на 8.9 подвести и развернуть на рубеже Пурубай — Оленичи"{67}.

Командование фронтом прямым текстом высказало Н. В. Фекленко свое неудовольствие ходом боевых действий:
"1. Об обстановке на участке Псел — Ворскла до штаба фронта доходят запоздалые, малочленораздельные сведения. Это вызывает тревогу не только за круг вопросов управления, но и за целеустремленность понимания оперативно-тактической сущности обстановки. Предстоит контрудар, которым надо уничтожить под корень все, что прорвалось на левый берег Днепра. Для этого нужно определить пр-ка с точки зрения наиболее уязвимых его мест, кратчайших путей выхода на переправы и наивыгоднейшего взаимодействия главного удара с вспомогательным.
Вы доносите, что пр-к наступает вдоль берега Псел, и просите санкции наносить ему лобовой контрудар вместо предписанного вам удара во фланг. При этом просьбу излагаете одной общей фразой в четыре-пять общих слов.
2. Приказываю не позднее 18.00 сегодня представить мне ваше решение, целеустремленное на осуществление следующего: а) бить пр-ка во фланг; б) кратчайшими путями отрезать его от переправ; в) на второстепенных участках сковать наибольшее количество сил пр-ка; г) сочетанием главного удара с вспомогательным окружить пр-ка и уничтожить; д) сочетать операцию на левом берегу с действиями авиации по уничтожению переправ, разгромом подходящих к переправам резервов и закреплением берега за собой по мере продвижения по нему частей"{68}.

Однако организация контрудара затянулась, и командующий 38-й армией назначил день начала наступления на 9 сентября. Прибывшая танковая бригада была разделена побатальонно для поддержки стрелковых дивизий. Но в ночь с 8 на 9 сентября хлынул дождь, который сделал дороги непроходимыми для колесного транспорта. Плохая погода также исключила действия авиации. Наступление вновь было отложено. При этом противник не дремал, и 8 сентября на левый берег Днепра была переправлена 257-я пехотная дивизия. Дивизия создала фланговую угрозу собранной с такими усилиями ударной группировки с целью наступления под основание немецкого плацдарма.

Такая двойственность положения — наступательные задачи при отсутствии наступательных действий — привела к тому, что центр тяжести усилий командарм 38-й создавал на крайней точке своего левого фланга, на фронте 5-го кавалерийского корпуса. При этом против острия ударной группировки немцев в районе Кременчуга, упорно продвигающейся на север, плотность построения войск армии Н. В. Фекленко была невысокой. Разбросанные веером по дуге фронта неприятельского наступления силы 38-й армии таяли под нажимом сосредоточенных ударов врага и медленно отходили в разных направлениях от плацдарма. 297-я и 212-я стрелковые дивизии, сдерживая наступление 125-й, 239-й и 257-й пехотных дивизий, отходили на северо-запад вдоль левого берега Днепра. Их соседи на другом берегу Псела, 300-я и 199-я стрелковые дивизии отходили на север, обороняясь против немецких 101-й и 100-й легкопехотных и 57-й пехотной дивизий. Наконец, 5-й кавалерийский корпус и 304-я стрелковая дивизия отходили с боями на восток и северо-восток, ведя бои против 97-й легкопехотной и 76-й пехотной дивизий.

С 38-й армией взаимодействовала 15-я авиационная дивизия, вооруженная бомбардировщиками СБ. В период борьбы с 1 по 10.9 в течение четырех дней соединение фактически не участвовало в боях ввиду плохой погоды (5, 8, 10 сентября) и перебазирования (9.9). Следовательно, в дни наиболее напряженной борьбы на Кременчугском плацдарме (8, 9, 10 сентября) наша авиация в боях не участвовала. Если теперь из оставшихся шести дней исключить один день (2.9), отданный для нанесения удара в районе Черкассы, то для борьбы в решающем пункте фронта под Кременчугом на долю авиации было отведено 5 дней. В эти дни 15-я авиадивизия давала в среднем по 100 самолетовылетов в день. Очевидно, что для борьбы с переправляющимися силами восьми пехотных дивизий противника на широком фронте (30 км) этих усилий со стороны авиации было далеко не достаточно. Характерной чертой действий 15-й авиадивизии было производство большинства атак по целям противника, находившимся в непосредственной близости от наших боевых порядков, и весьма малое количество атак по целям на противоположном берегу Днепра, то есть в пунктах, где противник накапливался для переправы. То есть указания командования фронта были попросту проигнорированы.

Несмотря на неудачу в организации контрудара, на кременчугском направлении еще не сложилась наступательная группировка противника, которую можно было бы расценить как серьезную угрозу существованию

фронта. На плацдарме советской разведкой отмечались только пехотные соединения, и это соответствовало реальному положению вещей.

Итоги и уроки. Одним из главных виновников сентябрьских событий под Киевом в 1941 г. обычно называют А. И. Еременко. Не имея иллюзий о полководческих способностях товарища Еременко, автор вынужден в данном случае встать на его защиту. Те задачи, решения которых от него требовали, не были решены с самого начала войны. Разгромить 2-ю танковую группу было задачей на тот момент практически нереальной. И позволю себе предположить, что Верховное командование об этом догадывалось. На что же надеялись в Генеральном штабе Красной армии, планируя Рославльско-Новозыбковскую операцию Брянского фронта?

Постановка подчиненным невыполнимых задач — это один из распространенных управленческих приемов. Частным и потому более очевидным его случаем является назначение заводу невыполнимого плана. Например, заводу предписывается выпустить за год 1000 танков. Производственники выбиваются из сил и ударным трудом выжимают из людей и оборудования 300 танков. Руководство мягко журит заводчан за невыполненный план, невнимательно слушает рассказы о срывах поставок от смежников и неопытность молодых рабочих, раздает несколько грамот за ударный труд и вполне удовлетворяется тремя сотнями танков. Если бы заводу изначально был спущен реальный план на 300 машин, он вряд ли был бы выполнен. В лучшем случае с конвейера сошло бы 200—250 машин. Про остальные были бы рассказаны истории о смежниках и молодых рабочих. По тому же принципу строилась постановка задач и в других областях. Руководство поднимало планку требуемого несколько выше желаемого на самом деле и тем самым обеспечивало достижение результата. В военном деле командующим фронтами, армиями приказывали, если утрировать, "окружить, разгромить и взять Берлин ко вторнику". Но при этом удовлетворялись куда более скромными результатами.

Примерно так же была поставлена задача перед командующим Брянским фронтом. А. И. Еременко должен был не столько разгромить (то есть довести до небоеспособного состояния), сколько создать трудности в продвижении 2-й танковой группы в южном направлении.

Косвенным свидетельством того, что А. И. Еременко были поставлены задачи по "выпуску 1000 танков", являются награды и назначения. 11 сентября 1941 года генерал-лейтенанту А. И. Еременко "за отличное руководство боевыми

действиями на фронте" присвоено воинское звание генерал-полковника. За "проявленные мужество и героизм, организованность при нанесении ударов по противнику" 18 сентября 1941 года 127-я стрелковая дивизия была переименована во 2-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Одним словом, действия Брянского фронта в августе-сентябре 1941 г. ничем не хуже, хотя, впрочем, и не лучше многих других наступлений Красной армии. Рославльско-Новозыбковская операция не решила поставленных сверхзадач, но более-менее удовлетворительно справилась с задачей сковывания части сил 2-й танковой группы.

События конца августа и начала сентября 1941 г. также показали, что для армии XX столетия даже такая крупная река, как Днепр, не является непреодолимой преградой. На протяженном фронте, занимаемом советскими войсками на Днепре, неизбежно удавалось нащупывать слабые места и закреплять плацдармы. Далее все уже было делом техники. Наплавные, сборные мосты в дальнейшем позволяли обеспечивать переброску на захваченный плацдарм пехотных и танковых дивизий. Главный плацдарм операции двух групп армий был немецким командованием создан именно по этому принципу. В сравнительно пустынной местности был захвачен плацдарм, который затем был расширен до такой степени, что на нем поместилось два армейских корпуса. После этого, как мы увидим в следующей главе, на этот плацдарм были переброшены танковые дивизии (напомню, что в немецкой танковой дивизии было около батальона танков, 2500 автомашин различных типов, артиллерия, тягачи, мотоциклы). То есть в удобном с тактической точки зрения месте был создан плацдарм и к нему с нуля была построена коммуникация, способная пропустить крупную массу механизированных войск и обеспечить их снабжение в ударе в глубину. Самым же главным выводом, который мы должны сделать из событий первой декады сентября, является констатация печального факта — советскому командованию не удалось вскрыть действительные планы противника. И что еще важнее — это было практически нереально сделать в той обстановке. Группировка подвижных войск на Кременчугском плацдарме к 10 августа не сложилась ни в разведсводках штаба фронта и направления, ни в реальности. Только в разведсводке № 72 штаба Юго-Западного фронта от 5 сентября мы находим рыхлые контуры догадок о планах противника:

"В районе Кременчуг противник форсировал р. Днепр крупными силами (3—4 пд). Для развития успеха в северном направлении противник, по-видимому,

будет перебазировать силы с других участков. Нужно также ожидать переброски на данный участок мотомехчастей с юга"{69}. "Нужно ожидать" это только предположения, которые, как говорится, к делу не подошьешь. И до 11 сентября объективных данных, свидетельствующих о рокировке на Кременчугский плацдарм подвижных соединений, не было. Южная "клешня" классических "канн" пока существовала только в совершенно секретных приказах немецкого командования. Концепция ведения боевых действий Юго-Западным направлением строилась на предположении, что предстоит отражать удар только одной танковой группы.

Окружение армий ЮЗФ и бои в окружении. 10—26 сентября.

Основным средством обмена информацией и принятия решений в последние две недели существования Юго-Западного фронта были переговоры между штабом фронта и Верховным командованием.

Тексты этих переговоров неоднократно цитировались в различных изданиях. Попробуем посмотреть на них глазами человека, у которого нет информации о последующих событиях. Забудем на секунду, что произошло 10—26 сентября 1941 г., ведь этого не могли знать командующие и начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников. Участники переговоров достаточно четко формулируют свое видение обстановки и вытекающие из этого видения решения. Попробуем же ответить на вопрос: "Соответствовало ли понимание обстановки принимаемым решениям и не присутствовали ли какие-то другие факторы, мешающие правильным решениям?"

Переговоры Б. М. Шапошникова и М. П. Кирпоноса. В ночь на 11 сентября (в 1 ч. 15 м. до 2 ч. 07 м.) состоялись переговоры командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-полковника М. П. Кирпоноса с начальником Генерального штаба маршалом Б. М. Шапошниковым.

Переговоры эти являются ключом к оценке обстановки советским командованием и во многом определили дальнейшее развитие событий.

У аппарата Кирпонос, Бурмистенко, Тупиков.

"Здравствуйте, товарищ маршал!"

Шапошников:

"Здравствуйте, тов. Кирпонос, Бурмистенко и тов. Тупиков.

Вашу телеграмму о занятии противником Ромны, и поэтому о необходимости скорейшего отхода, Ставка Главнокомандования получила. Однако из тех

данных, которые имеются в Ставке о занятии Ромны противником, а именно [что] авиационной разведкой был обнаружен в 13.25 и в 14.25 подход двух колонн автомашин с танками и скопление танков и автомашин у деревни Житное к северу от Ромны. Судя по длине колонн, здесь небольшие части, примерно не более тридцати-сорока танков. По непроверенным данным, из Сумы якобы в 16.00 10.9 в Ромны высажен с восьми машин десант. Одна из этих машин якобы была уничтожена нашей авиацией. По-видимому, часть подвижных войск противника просочилась между Бахмачом и Конотопом. Все эти данные не дают еще оснований для принятия того коренного решения, о котором Вы просите, а именно — об отходе всем фронтом на восток. Нет сомнения, что занятие Ромны может создать известное паническое настроение, но я уверен, что Военный совет фронта далек от этого и сумеет справиться с эпизодом у Ромны.

Операция отхода всем фронтом не простая вещь, а очень сложное и деликатное дело. Помимо того, что всякий отход понижает до некоторой степени боеспособность частей, в этой войне при отходе противник вклинивается между отходящими частями своими механизированными группами и заставляет пехотные части принимать бой в невыгодных условиях, а именно, когда артиллерия находится на колесах, а не в боевом положении. Мы это видели на примере отхода 5-й армии за Днепр и переправы противника у Окуниново и, наконец, на отходе всего Южного фронта за Днепр.

Ставка Верховного главнокомандования считает, что необходимо продолжать драться на тех позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта, так как это предусмотрено нашими уставами. Я уже вчера 10.9 говорил с Вами относительно того, что через три дня Еременко начинает операцию по закрытию прорыва к северу от Конотопа и что второй конный корпус Верховным главнокомандующим от Днепропетровска направлен на Путивль. Таким образом, необходимо Вам в течение трех дней ликвидировать передовые части противника у Ромны. Для чего, я считаю, Вы сможете две дивизии с противотанковой артиллерией взять от Черкасской армии и быстро перебросить их на Лохвица навстречу мотомехчастям противника. И, наконец, самое существенное — это громить его авиацией. Я уже отдал приказание товарищу Еременко всей массой авиации резерва Верховного главнокомандования обрушиться на 3-ю и 4-ю танковые дивизии, оперирующие в районе Бахмач — Конотоп — Ромны. Местность здесь открытая, и противник легко уязвим для нашей авиации.

Таким образом, Ставка Верховного главнокомандования считает, что сейчас ближайшей задачей Военного Совета Юго-Западного фронта будет разгром противника, пытающегося выдвинуться из района Бахмач, Конотоп на юг. У меня — все".

Кирпонос:
"1) Военный совет заверяет Ставку в том, что он далек от панических настроений, не болел этим никогда и не болеет.
2) Создавшееся положение на участке Юго-Западного фронта, как я уже докладывал, характеризуется не только выходом сегодня противника в район Ромны — Гайворон, но и взломом обороны в районе Чернигов — Окуниново. 5-я армия ведет тяжелые бои в окруженииии, как я уже докладывал Вам, тов. маршал, понимая всю важность, которую играет в общем деле наш Юго-Западный фронт, все время стремимся к тому, чтобы не дать возможности противнику достигнуть здесь какого-либо успеха. Но, к сожалению, все возможности, которыми мог самостоятельно располагать Военный совет фронта, исчерпаны и оказались недостаточными в условиях сложившейся обстановки.
3) Я полагаю, что взять что-либо еще от Костенко (26-я армия. — А. И.) нельзя, так как он занимает 150-километровый фронт и если сейчас взять от него еще две дивизии, то оставшееся число дивизий будет занимать фронт обороны не менее 30 километров на каждую. Кроме того, последнее время, по данным нашей авиаразведки, установлена подача пополнения противником из глубины железнодорожными эшелонами на станцию Мироновка. Если учесть все это и учесть состояние, вследствие непрерывных дождей, порчи дорог, то в случае форсирования противником реки Днепр в районе Ржищев, Канев вряд ли Костенко сможет воспрепятствовать этому. Таким образом, в этих условиях я и Военный совет в целом полагаем, что у нас имеется единственная возможность, откуда мы могли бы еще взять силы и средства для уничтожения группы противника, стремящейся выйти с направления Козелец на Киев и с направления Бахмач, Конотоп на глубокий тыл фронта, — ею является КИУР.
Вот смысл наших предложений Ставке при условии отсутствия подачи нам резервов.
Прошу Ваших указаний. У меня все".

Шапошников:

"Вы и так в КиУРе оставляете только четыре дивизии, больше оттуда снимать нельзя. Я считаю, что с правого берега Днепра западнее Остер можно вывести еще одну дивизию, 87-ю или 41-ю с[трелковую] д[ивизию]. Что же касается армии Костенко, то, имея в своем составе 8 стрелковых дивизий за рекой Днепром, смело можно растянуть дивизию на 25—30 километров. Затем у Вас должна восстанавливаться 81-я м[оторизованная] д[ивизия], в каком она виде сейчас? Иначе Ваш правый фланг нам придется укреплять и приходится на более или менее пассивных участках растягивать свои силы. Правда, в пятой армии у Потапова три дивизии из окружения пробиваются с переправами через реки, если они действуют организованно, то им это вполне удастся. Лишь бы только не бросали автоматику и артиллерию. Нельзя ли у [164] противника разрушить все же переправу через Днепр да и через Десну и тем остановить его движение. У меня все".

Кирпонос:
"1. 41-я с[трелковая] д[ивизия] выведена и сегодня принимала участие в боях за Козелец.
2. Два полка 81-й с[трелковой] д[ивизии] уже отправлены на кременчугское направление для усиления действующей там нашей группы войск по уничтожению противника.
Таким образом, по Вашему указанию можно рассчитывать лишь на две с[трелковые] д[ивизии] из армии Костенко.
Авиации поставлена задача на уничтожение переправ противника. Однако пока это положительных результатов не дало.
Если Ставка считает наши предложения не совсем правильными и приказывает выполнить только что данные Вами указания, Военный совет фронта принимает это к исполнению".

Шапошников:
"1. Ставка Верховного главнокомандования считает Ваше предложение пока преждевременным.
2. Что же касается средств для парирования вылазок противника на Вашем правом фланге, то я предложил Вам свой вариант решения. Может быть, Вы найдете иной выход для укрепления Вашего правого фланга".

Кирпонос:

"Кроме предложенного Вами, если наше предложение о КиУРе отпадает, другого выхода нет. У меня все".
Шапошников: "О КиУРе можно говорить только в связи с общим решением, а общее решение преждевременно. Пока все.
До свидания"{70}.

Сегодня мы знаем, что Ромны стали тем пунктом, от которого подчиненная Г. Гудериану 3-я танковая дивизия Вальтера Моделя прошла несколько километров и соединилась с 9-й танковой дивизией фон Хубицки из 1-й танковой группы. А 10 сентября мы вполне можем понять маршала Шапошникова — в Ромны вышел лишь сравнительно небольшой передовой отряд немецких танковых соединений. Выявленные авиацией силы, положа руку на сердце, вполне правдоподобны, боевая группа танковой дивизии вполне могла состоять из 30—40 танков. С точки зрения общей обстановки выход такой группки к Ромнам не давал немецкому командованию устойчивой перспективы окружения войск Юго-Западного фронта. Путь от Ромн на соединение с пехотой (а других сил на плацдармах на Днепре пока не отмечалось) был еще очень длинным.
В ту же ночь на 11 сентября содержание этих переговоров стало известным главкому Юго-Западного направления. Утром 11 сентября маршал Буденный сделал следующее представление в Ставку ВГК.
"Из Полтавы 11.9.41 8.15 Верховному главнокомандующему товарищу Сталину.
Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж.
Начальник Генштаба КА маршал тов. Шапошников от имени Ставки Верховного главнокомандования в ответе на это предложение дал указание вывести из 26-й армии две стрелковые дивизии и использовать их для ликвидации прорвавшегося противника из района Бахмач, Конотоп. Одновременно тов. Шапошников указал, что Ставка Верховного командования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным. Со своей стороны полагаю, что к данному времени полностью обозначились замыслы противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта с направления Новгород-Северский и Кременчуг.
Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу войск [в копии телеграммы пропуск]... Юго-Западном фронте сделать не в состоянии.

Если Ставка Главного командования в свою очередь не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим.
Мероприятие, которое должен провести Военный совет фронта в виде выдвижения двух дивизий из 26-й армии, может являться только средством обеспечения.
К тому же 26-я армия становится крайне обессиленной: на 150 км фронта остаются 3 с[трелковых] д[ивизии]. Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь потерю войск и огромного количества матчасти.
В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы и средства безусловно помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению противника.
Буденный, Хрущев, Покровский"{71}.

Следовательно, Военный совет Юго-Западного направления, согласившись с решением командующего Юго-Западным фронтом, настаивал на отходе войск Юго-Западного фронта и, в крайнем случае, на отходе с Киевского плацдарма. Альтернативой этому решению С. М. Буденному виделось создание "сильной группы войск". Как мы увидим позднее, попытка создать такую группу была предпринята Верховным командованием.
В этот же день состоялись экстренные переговоры Сталина и Кирпоноса в присутствии Шапошникова, Тимошенко, Бурмистенко и Тупикова. Приводим выдержки из копии записи переговоров.
Сталин:
"Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной Вам реки мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то Вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичев и Новоград-Волынск у Вас был более серьезный рубеж — р. Днепр и, несмотря на это, при отводе войск потеряли две армии, и отвод превратился в бегство, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь, это первое.
А потом второе... в данной обстановке на восточном берегу предлагаемый Вами отвод войск будет означать окружение наших войск.
Ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что Вы заранее подготовите отчаянные атаки на конотопскую группу противника во

взаимодействии с Брянским фронтом, повторяю, без этих условий Ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут создать катастрофу.
Выход может быть следующий.
Немедля перегруппировать силы хотя бы за счет КИУРа и других войск и повести отчаянные атаки на Конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко.
Немедленно организовать оборонительный рубеж на р. Псел, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и запад и отведя 5—6 дивизий на этот рубеж.
После всего этого начать эвакуацию Киева.
Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути сопротивления".

Кирпонос:
"...У нас мысли об отводе войск не было до получения предложения об отводе войск на восток с указанием рубежей..."

Сталин:
"Предложение об отводе войск с Юго-Западного фронта исходят от Вас и от Буденного... Передаю выдержки из шифровки Буденного от 11-го числа...
Как видите, Шапошников против отвода частей, а Главком за отвод, так же как Юго-Западный фронт стоял за немедленный отвод частей.
О мерах организации кулака против Конотопской группы противника и подготовке оборонительной линии на известном рубеже информируйте нас систематически... Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки..."{72}

Как мы видим, И. В. Сталин в тактичной форме высказывал опасения о том, что получение приказа на отвод приведет к хаотичному бегству. В условиях такого панического бегства наступающий с севера противник может замкнуть кольцо окружения.
По итогам переговоров и переписки были приняты следующие решения:
а) от должности главкома Юго-Западного направления был отстранен маршал С. М. Буденный, а вместо него 12 сентября 1941 г. был назначен маршал С. К. Тимошенко;

б) из Резерва Ставки ВГК были направлены две танковые бригады и 100-я стрелковая дивизия с расчетом прибытия и выгрузки их к 15.9;
в) из Южного в Юго-Западный фронт был рокирован 2-й кавалерийский корпус П. А. Белова с расчетом сосредоточения к 15.9 в район Зеньков — Верхние Сорочинцы; в) из 26-й армии были выделены две стрелковые дивизии (289-я и 7-я) с подчинением их штабу Юго-Западного фронта с целью переброски этих соединений в район Пирятина — Прилуки.
Смена главкомов Юго-Западного направления произошла в самый критический момент обстановки Юго-Западного фронта и вряд ли может служить положительным примером для организации управления войсками в подобной обстановке. Но в данном случае Ставка ВГК предпочла сменить командующего, выступающего против упорной обороны Киевского плацдарма в условиях угрозы окружения.
Итак, Ставка ВГК не разрешила войскам Юго-Западного фронта отход, и в первую очередь отход 37-й и 26-й армий. Теоретически семь-восемь дивизий этих армий через 4—5 суток (к 15.9) смогли бы выйти на линию Прилуки, Пирятин, Лубны. Однако это означало отрыв этих армий от обеспечивающего разреженное построение войск рубежа Днепра. Находящиеся в соприкосновении с 37-й армией немецкие дивизии могли начать преследование и создать для армий А. А. Власова и Ф. Я. Костенко критическую обстановку без помощи танков.
На Кременчугский плацдарм прибывают танки. В то время, как в переговорах командующих решалась судьба Юго-Западного фронта, немецкая сторона сделала "ход конем", который опрокинул все расчеты Ставки ВГК и командования Юго-Западного фронта. Еще 9 сентября командир саперов XI армейского корпуса получил приказ начать предварительные работы для постройки 16-тонного моста в районе Кременчуга. Для этой цели командование 17-й армии решает разобрать старый корпусной мост возле Воровсково. Командование XI армейского корпуса приказывает 10 сентября полковнику фон Альфену:
"617-й саперный полк демонтирует, начиная с 15.30, прежний военный мост и переносит его, усилив до 16 тонн, в Кременчуг"{73}.

Саперные батальоны 73-й и 74-й, 107-я группа Имперской рабочей службы и 18-й мостовой отряд начинают работы в установленное время и ударными темпами заканчивают их 11 сентября к 12.00. Немецкое командование

получает 16-тонный мост длиной в 2000 метров в Кременчуге, пригодный для всех родов войск.

Пока саперы XI корпуса под проливным дождем строили 16-тонный мост, к создаваемой переправе формированным маршем двигались танковые соединения. Вот как описывает марш история 16-й танковой дивизии:

"Со всех сторон вливались части дивизии в маршевую колонну, движущуюся с полным напряжением сил к Днепру. Офицер и нижний чин сменяли друг друга у рычагов управления. У Павлиша, к югу от Кременчуга, дивизия переправилась через реку по 700-метровому понтонному мосту. Это был Днепр, широкий и величественный. Русские самолеты пытались снова и снова бомбардировать переправу. На маленьком предмостном плацдарме сосредоточилась дивизия на рассвете 12 сентября, имея соседом справа 9-ю танковую дивизию. Ее задачей было запереть главную трассу, ведшую из образующегося котла на восток. Это была трасса Лубны — Полтава — Харьков"{74}.

Как мы видим, немецкие танковые дивизии совершили форсированный марш своим ходом буквально в последний момент перед наступлением. XXXXVIII моторизованный корпус получает приказ на переправу 11 сентября. Циклопических размеров махина танков, автомашин, тягачей с орудиями на прицепе переправляется через длинный мост во тьме ночи и под проливным дождем. За короткое время на другой берег Днепра переправились 9-я, 13-я, 16-я танковые дивизии, 16-я и 25-я моторизованные дивизии. Одновременно XIV моторизованный корпус переходит Днепр у Дериевки силами 14-й танковой, 60-й моторизованной и 198-й пехотной дивизий. Буквально за один-два дня обстановка радикально изменилась. Ни сидящие над картами и у аппарата БОДО командующие армиями и фронтами, ни простые солдаты, вглядывавшиеся сквозь пелену дождя в позиции противника, не знали, что их уже разделили на живых и мертвых. Они не слышали звуков, которые должны были леденить их сердце, — урчания двигателей и лязга гусениц машин с крестами на бортах и скрипа соединений наплавного моста. От стоящих на левом берегу Днепра основных сил 1-й танковой группы их отделяли десятки, а то и сотни километров! В очередной раз предположения, на которых строило свою стратегию советское командование, рассыпались как карточный домик. Самое страшное в оборонительной операции, это когда противник начинает вести себя совсем не так, как мы предполагаем. Именно такой случай

бесповоротно переломил обстановку в пользу немецкого командования во второй декаде сентября 1941 г.

Боевые действия войск Юго-Западного фронта 11—12 сентября. 40-я армия (отряд Чеснова, 293-я стрелковая дивизия, 3-й воздушно-десантный корпус, 227-я стрелковая дивизия, остатки 2-го воздушно-десантного корпуса и 10-й танковой дивизии) оборонялась на два фронта: на севере по р. Сейм и на западе по линии Конотоп и южнее против частей прикрытия 1-й танковой группы немцев (части 10-й моторизованной дивизии). К исходу 12.9 40-я армия занимала фронт по р. Сейм от Веселого через Путивль — Гвинтовое и далее к югу до Чернечи. 10-я танковая дивизия оставалась в Блотнице. Армия оказалась в большом отрыве от основных сил Юго-Западного фронта.

21-я армия (67-й, 28-й и 66-й стрелковые корпуса) в течение 11—13.9 пыталась обороной и контратаками задержаться на Десне. Но выдвижение частей XXIV моторизованного корпуса в лице 4-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС "Райх" и охват этими частями правого фланга армии не давали возможности остановиться для закрепления. Армия В. М. Кузнецова оказалась в этот момент меж двух огней. Если справа основной угрозой были танковые и моторизованные соединения Гудериана, то на левом фланге положению наших войск угрожала пехота 2-й армии. Вклиниваясь силами 134-й и 293-й пехотных дивизий в районе Нежина в стыке между 21-й и 5-й армиями, левое крыло армии Вейхса создавало угрозу окружения 21-й армии. Поэтому к исходу 12.9 войска армии отходили с боями на линию Григоровка — Хвастовцы — Нежин.

5-я армия, охваченная с флангов и тыла сильными отрядами противника, уже не представляла собой силы, способной к серьезному сопротивлению. К исходу 13.9 штаб 5-й армии собрал небольшие силы и пытался пристроить их к левому флангу 21-й армии, надеясь задержаться на линии Нежин — Носовка — Козелец, но это не удалось и пришлось отходить дальше на юг и юго-восток.

37-я армия в результате выхода противника в район Козелец и отхода 5-й армии оказалась в положении охвата справа, однако войска армии в упорных боях пока сдерживали наступление 62-й, 111-й, 56-й и 113-й пехотных дивизий 6-й армии Рейхенау на фронте Козелец, Остер, Тарасовичи. А. А. Власов снял с позиций в Киевском УРе 147-ю стрелковую дивизию с задачей парировать угрозу в тылу и выдвинул эту дивизию на фронт Нов. Басань — Дымерка. Против войск 37-й армии, расположенных в Киевском УР, находились

в готовности к наступлению 44-я, 296-я, 299-я, 75-я, 95-я и 99-я пехотные дивизии 6-й армии Вальтера Рейхенау.

26-я армия силами оставшихся частей 301-й, 159-й, 264-й, 196-й, 116-й и 97-й стрелковых дивизий занимала оборонительные позиции на Днепре, выделив в распоряжение командующего фронтом 7-ю и 289-ю стрелковые дивизии. Соединения эти подходили в район Прилук и Пирятина. Одновременно левый фланг и тыл 26-й армии в результате выдвижения крупных сил 17-й немецкой армии от Кременчуга на р. Суда оказался под непосредственной угрозой охвата и обхода.

Наиболее значительные изменения произошли в положении 38-й армии. До 11 сентября войска армии Н. В. Фекленко стремились контратаками сбросить главные силы 17-й армии Штюльпнагеля с плацдарма, но это им не удалось. С утра 12 сентября началось наступление немецких войск с Кременчугского плацдарма. Не дав своим подчиненным и дня отдыха после напряженных маршей и переправы по шаткому понтонному мосту, Эвальд фон Клейст бросил их навстречу Гудериану. 16-я танковая дивизия уже в первый день наступления вышла на оперативный простор:

"После сильной артиллерийской подготовки пехота XI корпуса двинулась в атаку. В 9.00 танки двинулись вперед тремя эшелонами: I батальон, II батальон и 2-я танковая рота, с I батальоном 79-го полка на броне; ей следовал II батальон 79-го полка на броне и 64-й полк из боевой группы Вагнера. Обогнав пехоту, 16-я дивизия опрокинула застигнутого врасплох противника и его артиллерию и взяла под контроль линию снабжения неприятеля. [...] Сопротивление неприятеля было слабым. В первой половине дня 12 сентября танковый полк и I батальон 79-го полка с I дивизионом 16-го артиллерийского полка достигли Семеновки и в сумерках Карпихи. Здесь боевая группа заняла круговую оборону. 60 км было позади. 64-й полк занял оборону у Ярошей"{75}.

Семеновка — это населенный пункт на полдороге от Кременчуга до Лубн.

Таким образом, к исходу 12 сентября не только были охвачены фланги Юго-Западного фронта, но образовалась реальная угроза обхода с тыла основных сил фронта. В вечерней оперсводке штаба Юго-Западного фронта данные о прорыве немцев были весьма расплывчатые:

"297-я стрелковая дивизия. В 14.00 противник прорвал фронт дивизии 15 танками в направлении Песчаное — Доновка — Погребы и к 16.00 достиг Бабичевка. Новых данных о положении на фронте дивизии не поступало"{76}.

Бабичевка находилась в 25 км северо-западнее Кременчуга. Поскольку немецкие танки и мотопехота вышли на оперативный простор, информация об их продвижении поступала уже не от войск, а от местных гарнизонов:
"По донесению коменданта станции Ромодан со стороны Кременчуг к ст. Весёлый Подол подходили танки противника" (там же).

Информацию от тыловых служб командование привычно делило на десять, и действительно достоверным сведениям о появлении передового отряда дивизии Хубе в Семеновке (севернее станции Весёлый Подол) не было придано значения.
Подходившую к району Прилуки 7-ю стрелковую дивизию и к району Пирятина 289-ю стрелковую дивизию командующий фронтом намеревался вначале использовать для контрудара в направлении на Ромны, но затем решил занять этими дивизиями район Прилуки и Пирятина для обороны и прикрытия тыла всего Юго-Западного фронта. Решение о пассивном использовании двух дивизий было очевидно слабым и лишало окруженные войска надежды прорвать фронт окружения. В первые дни созданный передовыми частями немецких танковых дивизий заслон был еще достаточно рыхлый.
Одним из средств парирования кризиса советское командование выбрало перенос направления удара Брянского фронта. Ставка ВГК 12 сентября в директиве за № 00198, адресованной командующему Брянским фронтом, требовала от него:
"Самым срочным и решительным образом покончить с группировкой противника в районе Шостка, Глухов, Путивль, Конотоп и соединиться с войсками ЮЗФ, для чего разрешается приостановить наступление на Рославльском направлении...
Операцию начать 14 сентября. Желательно закончить эту операцию и полностью ликвидировать прорыв между Брянским и Юго-Западным фронтами не позднее 18 сентября..." {77}

Директива эта была подписана маршалом Шапошниковым. Как видно из ее содержания, Ставка все еще верила в возможность удержания ситуации под контролем ударами по флангам 2-й танковой группы.

В ночь на 13 сентября состоялись переговоры нового главкома Юго-Западного направления маршала Тимошенко с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым.

Тимошенко:

"Ознакомился с обстановкой, переговорил с Кирпоносом и Бурмистенко, дал указания в соответствии с вчерашними указаниями Ставки. Обстановка складывается к худшему. К исходу дня противник группой танков прорвался у Кременчуга в направлении Глобино — Семеновка и угрожает захвату Хорол. Снимаем две танковые бригады с левого фланга 38-й армии и перебрасываем в районе Решетиловка для действия в юго-западном направлении. С севера, по данным Юго-Западного фронта, группа танков и мотопехоты со стороны Ромны проникла в район Лохвица — Кирпонос подчинил Кузнецову кав[алерийскую] группу и усиливает эту группу двумя переброшенными стрелковыми дивизиями с задачей ударить в направлении М. Самбур. Второй кавкорпус сегодня ночью переходит в район Диканька — Трухановка (35 км севернее Полтавы), имеется в виду, в случае остроты момента, действовать в направлении Лохвица. Предполагаем кав[алерийский] корпус усилить танками, за счет ремонтируемых в Харькове. Вхожу в курс дела и в указанный срок командование принимаю, но Семен Михайлович еще указаний не получил. Просьба передать. Пока все".

Шапошников:

"Развитие действий танковых частей с Кременчугского плацдарма можно было ожидать. По имеющимся сведениям, отсюда должна действовать группа Клейста, по-видимому, для соединения с Ромненской группой, поэтому необходимо бомбить переправы и плацдармы на северном берегу Днепра в районе Кременчуг и восточнее, а равно и скопления подходящих частей Клейста на правом берегу Днепра. 12.9 в 14.55 Кирпонос на Ваше имя передал следующую телеграмму: "В район Ромны противник продолжает накапливать силы. До подхода 289-й с[трелковой] д[ивизии] и 7-й мсд [мотострелковой дивизии, переформируемая в стрелковую 7-я моторизованная дивизия постоянно называется в документах по-старому] я лично ничего не могу ему противопоставить в этом районе. Прошу одну из т[анковых] бр[игад] подчинить

мне для использования ее на ромненском направлении". По этой телеграмме Верховный главнокомандующий указал — одну из бригад подчинить Кирпоносу для использования ее на ромненском направлении. Не знаю, известна ли Вам эта телеграмма и какое решение Вы по ней приняли".

Тимошенко:
"Телеграмма Кирпоноса получена. Решение Вам передано сейчас. Кавкорпус усиливается танковой бригадой и действует, как просил Кирпонос. Две танковые бригады из района Решетиловка действуют в южной группировке, то есть Кременчугской. Все".

Шапошников:
"Ясно. Я считал, что у Вас только две бригады. Приказ сейчас будет передаваться. Все. До свидания. Б. Шапошников"{78}.

В переговорах видно запоздалое сожаление: "Развитие действий танковых частей с Кременчугского плацдарма можно было ожидать". Однако вместе с сожалением пока не пришло решение о порядке действий в изменившейся обстановке. Советское командование продолжало действовать по инерции. Видимо, существовала уверенность в том, что войска Юго-Западного фронта смогут продержаться до подхода резервов ВГК. К тому моменту они уже действительно начали поступать. В районе Лебедина и Ахтырка началась выгрузка 100-й стрелковой дивизии и двух танковых бригад (1-й и 129-й), насчитывавших около 100 танков. 2-й кавалерийский корпус 13.9 находился на ночлеге в районе Диканька, Милорадово и готовился к дальнейшему переходу в район Зенькова.
13 сентября немецкое наступление продолжилось. 9-я танковая дивизия фон Хубицки продвигалась на Лохвицу на соединение с 3-й танковой дивизией Вальтера Моделя. 16-й танковая дивизия повела наступление на Лубны. Встретив ожесточенное сопротивление в Лубнах, командир 16-й танковой дивизии генерал Хубе решил не торопить события и закрепиться на левом берегу реки, образуя внутренний фронт окружения.
Вечером 13 сентября (по некоторым данным, уже ночью 14 сентября) начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В. И. Тупиков отправил в Генеральный штаб и главкому Юго-Западного направления рутинную оперсводку, которую завершил фразой, ставшей вскоре крылатой:

"Положение войск фронта осложняется нарастающими темпами:
а) Прорвавшемуся на Ромны, Лохвица и на Северный Подол, Хорол противнику пока, кроме местных гарнизонных и истребительных отрядов, ничто не противопоставлено, и продвижение идет без сопротивления. Выбрасываемые на это направление 279-я и 7-я дивизии будут только 14.9, и то лишь с оборонительными задачами — воспрепятствовать обороной узлов Пирятин и Прилуки удару по неприкрытым тылам войск фронта.
б) Фронт обороны Кузнецова взломан окончательно, и армия фактически перешла к подвижной обороне.
в) Армия Потапова также не может стабилизировать фронт и ведет подвижную оборону.
В стык с 37-й армией прорвался на Кобыжчу противник.
г) 37-я армия сопротивляется более устойчиво, но и у нее обстановка нарастает не в ее пользу.
д) Началось перемешивание тылов 5-й и 21-й армий. Сейчас линия фронта идет: Гайворон — Вердер — Ивангород — Сиволож — Евлашовка — Веркиевка — Григорьевка — Адамовка — Кобыжча — Даневка — Валевачи и далее по Десне и Днепру. [179]
е) Войска 21-й армии и 5-й армии, будучи не в состоянии сдержать противника, отходят на стык войск 37-й и 26-й армий.

Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней"{79}.
Несколько позднее практически идентичный текст уже был отправлен за подписями всего Военного совета Юго-Западного фронта. Только отсутствовала фраза о катастрофе, пункты "а)" и "б)" шли в одном абзаце, соответственно перечисление сдвинулось вверх и освободившийся пункт "е)" был занят конструктивным предложением: "е) По-прежнему считаю наиболее целесообразным выходом из сложившейся обстановки немедленный вывод войск из КИУР и за этот счет укрепление фронта Кузнецова — Потапова, переход в наступление Бахмач — Кролевец, [в] последующем — общий выход [скорее всего пропущено "из окружения". — А. И.]. Чтобы это оказалось посильным, необходимо помочь авиацией и переходом к активным действиям на глуховском направлении Брянского фронта"{80}.
Донесение В. И. Туликова вызвало следующую реакцию в Генштабе:
"Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения

исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21 А) и Потапова (5 А) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания тов. Сталина, данные Вам 11.9.
Шапошников" {81}.

Начальник штаба Юго-Западного фронта на самом деле высказал прямым текстом то, о чем все подумали, но промолчали. Однако офицер столь высокого ранга не мог себе позволить эмоциональной оценки, тем более в официальном документе. Осмысленное предложение во второй версии документа выглядит более уместным. Угроза окружения уже стала реальностью, и требовалось не бросаться словами, а искать выход из положения. Итак, в расположении фронта начинался хаос. Одним из самых распространенных источников паники и дезорганизации в таких условиях являются невооруженные, но многочисленные учреждения тыла. 13—14 сентября начали появляться грозные признаки хаоса в тылу. Огромные массы войсковых, армейских и фронтовых транспортов, автомобильных и конных, госпиталей и лазаретов начали метаться; вначале они хлынули с юга на север и с севера на юг, а затем все устремились к району Пирятина, где и образовалась непроходимая толчея, явившаяся мишенью для немецких бомбардировщиков. По воспоминаниям очевидцев, машины шли к Пирятину в пять рядов. В отличие от приграничного сражения, никто уже не бросался в поле или лес при налетах бомбардировщиков. Движение прекращалось лишь для того, чтобы сбросить в кювет машины, в которых убиты водители или потерявшие способность к передвижению. Масса машин от горизонта до горизонта на дороге в Пирятин стала одним из кругов ада, через который пришлось пройти многим солдатам и офицерам Юго-Западного фронта.
В воскресенье 14 сентября после проливных дождей предыдущих дней установилась удивительно ясная и солнечная погода. В 18.20 минут у Лохвицы встретились передовые отряды 3-й танковой дивизии 2-й танковой группы и 9-й танковой дивизии 1-й танковой группы. В тот же день 16-я танковая дивизия захватила Лубны и изготовилась к обороне на внутреннем фронте котла:
"Дивизия изготовилась к обороне на плацдарме, в Осовце и Тернах. 2-я саперная рота 16-го саперного батальона под командованием обер-лейтенанта

Риншена вошла в соприкосновение с подошедшей с севера разведгруппой 5-й танковой дивизии [так в оригинале, правильнее "3-й танковой дивизии"]. Острие танковой группы Гудериана ("Г") встретилось с острием танковой группы Кляйста ("К") за спиной 50 красных дивизий. Большое кольцо окружения под Киевом было замкнуто. И снова стояла 16-я танковая дивизия, как у Монастырища, на восточном краю котла лицом на запад, снова должна была быть готова к тяжелым боям с прорывающимися на восток русскими. Впереди снова были тяжелые дни"{82}.

Как мы видим, историограф 16-й танковой дивизии оспаривает у соединения фон Хубицки "честь" замыкания "котла". Но интереснее другое — немцы ожидали с первых же дней окружения наступательных действий со стороны советских войск. Солдаты и офицеры вспоминали удар у Оратова и Животова, которым И. Н. Музыченко ответил на угрозу окружения. Но М. П. Кирпонос не оправдал их ожидания.

С 14 сентября, в связи с соединением немецких танковых дивизий в Лохвице, проводная связь между штабами Юго-Западного фронта и Юго-Западного направления была нарушена. Штаб Юго-Западного фронта в ночь на 15 сентября из Прилук переместился в район Пирятина (в Верхояровку). Командование фронта продолжало настаивать на выводе войск из Киевского УРа, послав в 4 утра 15 сентября по радио следующую телеграмму:

"Москва, товарищу СТАЛИНУ Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУРа со стороны Козелец, противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9 находился в 40 км от Киева. Кирпонос, Бурмистенко, Рыков"{83}.

С 17 ч. 40 м. до 19 ч. 00 м. 15.9 состоялись очередные переговоры начальника Генштаба маршала Шапошникова с маршалом Тимошенко, содержание которых определило в значительной степени основной характер дальнейших действий войск Юго-Западного фронта на ближайшие дни:

"Новое в обстановке, — сказал маршал Тимошенко, — активность кременчугской группировки противника, которая развивает свои действия в северном и северо-восточном направлениях, отбрасывая ослабленные части 38-й армии"{84}.

Последние распоряжения командующего Юго-Западного фронта о выдвижении 7-й и 289-й стрелковых дивизий в район Прилуки, Пирятин для занятия обороны главком ЮЗН характеризовал как "недостаточно решительные и пассивные намерения":
"Из его (Кирпоноса. — А.И.) сообщений не видно решительных мероприятий, выраженных в перегруппировке с задачей удара, хотя бы в направлении Ромны, где противник в сравнении с южной группировкой является на сегодняшний день слабее. [...] Кирпонос не совсем ясно представляет себе задачу уже потому, что он просится со своим командным пунктом в Киев..."{85}

Маршал Шапошников в своем ответе вначале дал такую оценку вышеприведенной телеграмме командующего Юго-Западного фронта:
"Считаю, что мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армии". Затем он согласился с оценкой маршала Тимошенко мероприятий М. П. Кирпоноса о выдвижении двух дивизий для обороны в районе Пирятина как "занятие позиций пассивного сопротивления... вместо того, чтобы наносить удары ромненской или Хорольской группе противника"{86}.

Как мы видим, и противник в лице сидящих в окопах пехотинцев дивизии Хубе, и командование в лице Б. М. Шапошникова и С. К. Тимошенко ожидало одного и того же — удара с целью выхода из окружения. Но М. П. Кирпонос даже не пытался его организовать.
На вопрос маршала Шапошникова о том, какие последние указания даны командующему Юго-Западного фронта, маршал Тимошенко ответил:
"Удержание обороны с отходом за р. Днепр в случае такой надобности; высвобождение части сил для парирования ударов. [...] Организовать оборону непосредственно на подступах Киева, основные силы имея на восточном берегу".

Начальник Генерального штаба далее просил главкома Юго-Западного направления подтвердить эти указания еще раз командующему Юго-Западного фронта, что и было обещано сделать через полковника И. Х. Баграмяна, начальника оперативного отдела штаба фронта, находящегося в момент переговоров в штабе главкома Юго-Западного направления в Ахтырке.

Полковник Баграмян 16 сентября на самолете из Ахтырки вылетел в Прилуки с поручением маршала Тимошенко. И. Х. Баграмян впоследствии так описал это поручение:

"Доложите, товарищ Баграмян, генералу Кирпоносу, что в создавшейся обстановке Военный совет Юго-Западного направления единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считает организованный отход. Передайте командующему фронтом мое устное приказание: оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача — при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псел. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлениях на Ромны и Лубны, а не ждет, пока мы его вытащим из кольца"{87}.

Решение это так резко отличалось от последних указаний маршала Тимошенко, данных генералу Кирпоносу, что сообщение, сделанное полковником Баграмяном генералу Кирпоносу в устной форме, возбудило сомнение у Кирпоноса:

"У генерала Кирпоноса мы застали Бурмистенко и Рыкова. Я доложил о распоряжении главкома. Кирпонос долго сидел задумавшись.

— Михаил Петрович, — не выдержал Тупиков, — это приказание настолько соответствует обстановке, что нет никакого основания для колебаний. Разрешите заготовить распоряжение войскам?

— Вы привезли письменное распоряжение на отход? — не отвечая ему, спросил меня командующий.

— Нет, маршал приказал передать устно. Кирпонос, насупив густые брови, зашагал по комнате. Потом сказал: — Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный. — И хлопнул ладонью по столу: — Все! На этом закончим.

Наступило молчание. Тупиков хотел что-то сказать, но Кирпонос перебил его: — Василий Иванович! Подготовьте радиограмму в Ставку. Сообщите о распоряжении главкома и запросите, как поступить нам."

Вечером 17 сентября в Москву была отправлена радиограмма следующего содержания:

"Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача — вывод армий фронта на реку Псел с разгромом подвижных групп противника в направлениях на Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева.

Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псел и разрешают взять из Киевского УР только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псел правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укрепленный район, Киев и реку Днепр. Срочно просим Ваших указаний"{88}.

Ставка только 18 сентября дала подтверждение, но было уже поздно.

Боевые действия Юго-Западного фронта в условиях окружения. Заключительный эпизод сражения начался в обстановке глубокого обхода и выхода в тылы фронта главных сил 1-й и 2-й танковых групп. Войска Юго-Западного фронта, несмотря на появление признаков беспорядка и дезорганизации управления, пока еще сохраняли в себе небольшие силы для того, чтобы оказывать сопротивление противнику. Чем же располагали окруженные? Материальная обеспеченность войск, как видно из донесений командующего Юго-Западного фронта от 17 сентября, характеризовалась следующими показателями.

Согласно отчетности Юго-Западный фронт в эти дни имел на складах и в войсках: винтовочных патронов — 4,5 боекомплекта; 82-мм мин — 3,5 боекомплекта; 107, 120-мм мин — 0,6 боекомплекта; пушечных снарядов 45, 122-мм — 4 боекомплекта; 76-мм полковой и дивизионной артиллерии, 122, 152-мм, 37 и 76-мм зенитных — 2 боекомплекта.

Горюче-смазочных материалов фронт имел для наземных войск на 2—4 суток, для ВВС — на 14 дней. Однако если учесть, что уже с 15 сентября части противника вышли на тылы войск ЮЗФ, то эти данные не отвечали истинному состоянию обеспеченности войск.

С 16 по 20 сентября произошло расчленение войск фронта на различные группы (очаги) ввиду вклинения на различных направлениях сильных группировок противника.

Основных очагов, где стихийно скопились наши войска, к 20 сентября образовалось шесть.

Очаг № 1 — из остатков 26-й армии в районе 20—30 км к северо-востоку от Золотоноша; этот очаг, постепенно сокращаясь, держался до 24 сентября, пытаясь пробиться на восток в районе Оржица.

Очаг № 2 — из остатков 37-й и 26-й армий в районе 40—50 км к юго-востоку от Киева; этот очаг также держался до 23.9.

Два очага № 3 и № 4 — из остатков 5-й, 21-й армий, это была так называемая "Пирятинская группа", которая вела борьбу до 23.9 в районе 20—30 км к юго-востоку и востоку от Пирятина, в непосредственной близости от кольца окружения.

Очаг № 5 — из остатков 37-й армии в 10—15 км к северо-востоку от Киева, продержавшийся до 21.9.

Очаг № 6 — остатки 37-й армии в районе Яготина, сумевшей организованно продержаться в кольце немецкого окружения до 24—26 сентября.

Такова общая картина заключительного эпизода сражения под Киевом в отношении действий войск 21-й, 5-й, 37-й и 26-й армий, оказавшихся в окружении.

Наиболее управляемым организмом оказалась группа войск 26-й армии Ф. Я. Костенко, сохранявшая длительное время устойчивость, предпринимавшая организованные попытки выйти из окружения. В немецких источниках эту группу связывают с названием населенного пункта Оржица, который они называли "Оршица". На втором месте стоит группа войск 37-й армии А. А. Власова. Немцы связывают бои с этой группой с Яготиным. Остатки прочих армий (21-й, 5-й), сохраняли организованность недолгое время, устойчивого сопротивления противнику не смогли оказать, и поэтому их действия заключались в попытках выйти из окружения разрозненными группами. Часть личного состава штаба Юго-Западного фронта, штабов 21-й и 5-й армий выходила отдельными группами, состоявшими из офицеров и присоединившихся солдат.

Громоздкий аппарат штаба Юго-Западного фронта, оказавшийся в районе Пирятина, штабы двух армий, сгрудившиеся в этом же районе, самые различные тыловые учреждения, бесчисленные автоколонны, закупорившие дороги, вся эта масса людей и техники, не прикрытая от противника, стала метаться в районе Пирятина в поисках переправы через р. Удай.

17 сентября командующий фронтом отдал приказ армиям на выход из окружения, предписав такой порядок действий:

— 21-я армия должна была наносить удар в общем направлении на Ромны навстречу удару 2-го кавалерийского корпуса, предпринимаемому с востока;
— 5-я армия — упорно задерживаясь на промежуточных рубежах в целях обеспечения отхода частей 21-й армии, нанести вспомогательный удар в направлении Лохвица;
— 37-я армия — выведя войска из Киевского УР, создав ударную группировку до 2—3 стрелковых дивизий, начать выход из окружения в общем направлении на Яготин, Пирятин за 5-й армией, составляя 2-й эшелон соединений, выходящих из окружения;
— 26-я армия — постепенно отводя свои силы с рубежа Днепра, создать ударную силу до двух стрелковых дивизий и действиями ее с рубежа р. Оржица в направлении на Лубны прорвать кольцо окружения на лубненском направлении.
Приказу этому не суждено было осуществиться, так как к Пирятину с востока уже подошли головные части немцев и открыли огонь. Штаб фронта оказался на линии огня.
Командующий фронтом вызвал к себе командира 289-й стрелковой дивизии, который находился в Пирятине, и поставил ему задачу выходить из окружения в общем направлении на Лохвицу, прикрывая выход из окружения штаба фронта и штаба 5-й армии, которым надлежало построиться в общую колонну, чтобы следовать за штабом 289-й стрелковой дивизии. Колонна двинулась через Пирятин на восток.
С огромными усилиями удалось кое-как пробить образовавшуюся пробку из транспортов на восточной окраине Пирятина и переправить только часть штаба фронта (без охраны) на восточный берег р. Удай. Дальнейшее движение проходило вдоль берега р. Удай через пункты Дейманова, Куринька, Постановка, Городище.
В Городище перед р. Многа колонна была остановлена огнем и танками противника, начался бой. Результатом боя было раздробление колонны штаба фронта и ее прикрытия на мелкие группы и отход этих групп на восток в район Гадяч — Зеньков. Командующий фронтом генерал-полковник Кирпонос с небольшой группой офицеров и солдат вскоре погибли в одной из рощиц в районе Городище — Дрюковщина.
Из состава 5-й армии командарм генерал-майор Потапов попал в плен, начальник штаба 5-й армии генерал-майор Писаревский погиб.

Штаб 21-й армии во главе с командармом генерал-лейтенантом Кузнецовым и другими офицерами вышел из окружения по маршруту Прилуки — Озеряне — Андреевка — Гадяч. Часть штаба фронта под руководством начальника оперотдела полковника Баграмяна также вышла из окружения по маршруту Пирятин — Городище — Сенча — Рашивка — Зеньков.

Оржица. 26-я армия (командарм генерал-лейтенант Костенко) вплоть до 23 сентября поддерживала радиосвязь с главкомом Юго-Западного направления, со Ставкой ВГК и поэтому была ориентирована в обстановке. Свой отход эта армия в составе остатков пяти стрелковых дивизий начала 19 сентября, выдвинув отряд под командой генерал-майора Усенко (часть сил 289-й стрелковой дивизии) с задачей захватить переправы через р. Сула и р. Удай на фронте Оболонь — Лубны — Пирятин. Общий замысел отхода формулировался как "пробиваемся в общем направлении Лубны — Миргород"{89}.

Немцы избрали тактику молота и наковальни. Пехотные дивизии 17-й армии (125-я 239-я, 257-я и 24-я) постепенно отжимали 26-ю армию на занявшие оборону 16-ю танковую и 25-ю моторизованную дивизии. Армия Ф. Я. Костенко, отбиваясь от наседавшего противника, упорно продвигалась на восток в район Оржица к району слияния рек Оржица и Сула.

20 сентября командарм 26-й имел (через Генштаб) указание Главкома Юго-Западного направления С. К. Тимошенко о том, чтобы "удар с целью выхода из окружения наносить не на Миргород, а в общем направлении на Ромны, оставив сильный заслон в сторону Лубны и Миргород"{90}. Генерал Трутко в этот день просил о воздушном подвозе в район Белоусовка и о вывозе раненых, но организовать воздушную транспортировку не удалось.

Дальнейший ход событий 26-й армии можно представить себе из следующих телеграмм штаба армии.

21 сентября 17 ч. 12 мин.

"Армия находится в окружении. С армией окружены все тылы ЮЗФ, неуправляемые, в панике бегущие, забивая все пути внесением в войска хаоса. Все попытки пробиться на восток успеха не имели. Делаем последнее усилие пробиться на фронте Оржица...

Если до утра 29.9 с. г. не будет оказана реальная помощь вспомогательным ударом с востока, возможна катастрофа.

Штарм 26 — Оржица.

Костенко, Колесников, Варенников".

22 сентября 3 ч. 47 мин.
"Связь... потеряна двое суток. 159 сд ведет бои в окружении в Кандыбовка, 196 сд и 164 сд отрезаны и ведут бои в районе Денисовка. Остальные части окружены Оржица. Попытки прорваться оказались безуспешными. В Оржица накопилось большое количество раненых, посадка санитарных самолетов невозможна связи малым кольцом окружения.
22.9. Делаю последнюю попытку выхода из окружения на восток. Прошу ориентировать в обстановке и можно ли ожидать реальной помощи.
Костенко, Колесников, Варенников" {91}.

Попытка прорыва 22 сентября была сравнительно успешной, поскольку острие удара было перенесено на 14 километров к северу от Оржицы вверх по реке. Немцы свидетельствуют:
"Утром 22 сентября XI армейский корпус приблизился с юго-западного направления к Оршицкому участку на расстояние 10 км, все сильнее прижимая русских к линиям 16-й танковой дивизии. Окруженные попытались еще раз вырваться из котла — южнее Остаповки. Их встретил заградительный огонь пушечной батареи. На участке батальона Вота (I батальон 79-го полка) им удалось ближе к вечеру прорваться во второй раз. Вот уже неприятельская кавалерия показалась в тылу боевой группы Вагнера, батареи развернули свои орудия на 180°. Атакующий казачий батальон прошел сквозь расположение штаба батальона Вота; связь с полком оказалась потерянной. [...] На рассвете бои возобновились. Русские держали место прорыва, пропуская через него свои войска. Остаповка была в руках противника. Теперь враг попытался прорваться также южнее Денисовки, переправился через реку, взял Золотучи, пробился на северо-восток до Петриков и ускользнул с частью своих войск на восток. Огонь немецкой артиллерии достиг ураганной силы; стволы всех калибров вели огонь по путям отступления противника. Только в течение 23 и 24 сентября удалось снова закрыть бреши в кольце окружения. Были взяты массы пленных. Напор со стороны противника ослаб. 16-я танковая дивизия приготовилась к обороне по берегу Сулы"{92}.

Но это была еще не последняя попытка генерала Костенко. 23 сентября в 09 ч. 21 мин. он доносил в Генштаб командующему Юго-Западного фронта:
"Положение исключительно тяжелое. С наступлением темноты попытаюсь с остатками прорваться в направлении Оржица — Исковцы — Пески. Громадные

обозы фронта и раненых вынуждены оставить в Оржица, вывезти которых не удалось.
Костенко, Колесников" {93}.

Последняя радиограмма от окруженной группы 26-й армии была принята в 8 ч. 11 мин. 24 сентября по радио в Москве:
"Начальнику Генштаба Красной армии.
Нахожусь Мацковцы. Боевых частей не имею. Продержаться могу не более суток. Будет ли поддержка? Усенко" {94}.

Усенко — генерал-майор, командир 1-го воздушно-десантного корпуса, присоединившийся к войскам 26-й армии и возглавивший один из ее отрядов, погиб в этом окружении.
Впоследствии из руководящего состава 26-й армии вышли из окружения генералы Костенко и Варенников и отдельными группами солдаты во главе с офицерами и сержантами.
Когда сражение завершилось, немцам открылась страшная картина смерти и разрушения:
"На местах прорывов противник оставил полнейший хаос: сотни грузовых и легковых автомобилей были разбросаны на местности. Нередко люди в машинах были застигнуты огнем при попытке их покинуть, и теперь высовывались из дверей сожженные, словно черные мумии. Вокруг автомашин лежали тысячи мертвых, в полях — части женских тел, раздавленных танками, обрывки формы русского генерала, который, очевидно, скрылся в цивильном платье [возможно, именно на участке 16-й танковой дивизии погиб генерал-майор Усенко. — А. И.]. Хотя ночи были уже холодными, теперь, днем, теплое солнце сияло над полем, усеянным трупами, и последние дни казались кошмарным сном. Бои по очистке Киевского котла длились еще до 4 октября"{95}.

Яготин. Соединения армии А. А. Власова находились в самом дальнем углу кольца окружения. Разрешение на оставление Киева было дано Ставкой 17 сентября в 23 ч. 40 мин. Но и без этого особого выбора у защитников КиУРа уже не было. 16 сентября началось наступление четырех пехотных дивизий XXIX армейского корпуса. Одновременно южнее Киева, в районе Ржищева, Днепр форсировали соединения XXXIV армейского корпуса 6-й армии. В ночь

на 19 сентября части 37-й армии отошли на восточный берег Днепра. В 4 часа утра 19 сентября немецкая артиллерия открыла огонь по предмостным укреплениям, которые оборонялись подразделениями 4-й дивизии войск НКВД. Наконец, в 14.20 был взорван Дарницкий мост. Наводницкий мост был облит бензином и смолой и подожжен.

После оставления Киева войска 37-й армии раскололись на две группировки: первая, большая (основные силы армии), отходила в район Борисполь, Переяславль, другая, небольшая, была 21.9 ликвидирована противником в районе 15—20 км к северу от Киева.

Солдаты и командиры армии А. А. Власова оказались в самом тяжелом положении. На их пути отхода вышли через обвалившийся фронт 5-й и 21-й армий пехотные дивизии 2-й армии. Достаточно подробное описание боевых действий с окруженными войсками 37-й армии и Киевского УРа мы находим в истории 45-й пехотной дивизии. Соединение было ветераном боев за Брестскую крепость в июне 1941 г. Двум экс-австрийским соединениям — 44-й и 45-й пехотным дивизиям была поручена грязная работа по удержанию Восточного фронта окружения советских войск, оборонявших Киев.

В подчинении LI армейского корпуса на тот момент находились 44-я, 168-я, 62-я, 298-я, 111-я, 79-я, 134-я и 45-я пехотные дивизии из LI, XVII, XXXIV, XXXV армейских корпусов. То есть под командованием корпусного управления была создана специальная группа для борьбы с образовавшимся кольцом окружения войск 37-й армии.

К 24 сентября кольцо окружения сжалось до диаметра примерно 15 километров в междуречье рек Трубеж и Недра. 168-я пехотная дивизия занимала северо-западную часть котла на рубеже Дерновка — Парышевка — Корнеевка. 62-я пехотная дивизия располагалась вдоль берега реки Трубеж. 44-я и 45-я пехотные дивизии закрывали окруженным путь на восток, первая к северу от железной дороги, вторая южнее. Немецкие войска стремились плотнее сомкнуть кольцо окружения.

В целом бои в районе Яготина оцениваются немецкой стороной как достаточно напряженные. Окруженные советские войска сражались действительно до последней возможности, стремясь нанести наибольший урон сомкнувшему кольцо врагу. К сожалению, в последнее время часто задаются "риторические вопросы": "Почему окруженные не сопротивлялись?" Толпы пленных на фотоснимках и в кадрах немецкой кинохроники — это лишь одна сторона

медали. Вторая сторона — это бои до последнего патрона, отчаянные прорывы, марши на сотни километров без компаса и карты.

Главным результатом мужества и стойкости окруженных, без страха и надежды сражавшихся под Оржицей, Яготиным и Березанью, было сковывание значительных сил 6-й армии Рейхенау и 17-й армии Штюльпнагеля, что позволило восстановить "тонкую красную линию" фронта на востоке от замкнувшегося кольца.

Потери. В сражении под Киевом войска Юго-Западного фронта понесли большие потери, о которых можно судить при сопоставлении боевого и численного состава Юго-Западного фронта на 1.9 с составом на 26.9 при учете, конечно, того, что вышло из окружения около 21 000 человек.

На 1 сентября 1941 г. в армиях имелось: — 21-я армия: 11 стрелковых дивизий, три кавалерийские дивизии; — 5-я армия: 10 стрелковых дивизий, две воздушно-десантные бригады, одна противотанковая артиллерийская бригада; — 37-я армия: 10 стрелковых дивизий; — 26-я армия: 7 стрелковых дивизий.

Всего в составе фронта находилось 38 стрелковых дивизий, 3 кавалерийские дивизии, восемь корпусных управлений, четыре армейских управления, 2 артиллерийские бригады, 29 артиллерийских полков, 2 отдельных артиллерийских дивизиона, 12 отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов.

Личный состав, попавший в окружение, исчислялся в 452 720 человек (без ж.-д. войск).

Артиллерийский парк окруженных частей составляли 1194 полевых орудия (без 21-й армии) и 316 зенитных орудий (опять же без 21-й армии).

Следует отметить, что обычно называемая цифра в 665 тыс. пленных складывается из нескольких операций группы армий "Юг", а не только собственно окружения войск Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. В немецкой терминологии сражение называлось "битвой в бассейне Десны и Днепра". Распределение по операциям показано в табл. 2.

Таблица 2. Распределение пленных и захваченного вооружения между операциями групп армий "Центр" и "Юг" в бассейне Днепра и Десны{~1}

Пленные	Танки	Орудия	ПТ пушки
Группа армий "Юг" "Котел" восточнее Киева 11—26 сентября 1941 г. 1-я танковая группа			
227 719	92	784	115

6-я армия			
212 355	74	697	131
Борьба за Кременчугский плацдарм 31 августа — 11 сентября 1941 г. 17-я армия			
13 400	148	51	1
XI корпус (в "котле" 11—26.09)			
28 405	131	54	--
Плацдарм у Горностайполя(Окунииново) 4—10 сентября 1941 г. 6-я армия			
11 006	6	69	20
Всего по ГА "Юг"			
492 885	451	1655	1121
Группа армий "Центр" Сражение в районе Гомеля			
132 985	301	1121	120
2-я армия и 2-я танковая группа			
39 342	72	242	31
Всего по ГА "Центр"			
172 327	373	1363	151
Всего			
665 212	824	3018	418

{~1} — Percy E. Schramm (Hrsg.) Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940—1941. Teilband 2. Bechtermuentz. S. 661

Хорошо видно, что вклад 2-й танковой группы в киевский "котел" довольно скромный в расчете на число захваченных пленных. Основную работу сделали 6-я армия и 1-я танковая группа.

Деблокировочные действия. 15 сентября главкому Юго-Западного направления было известно о том, что в районе Лебедин — Ахтырка началась выгрузка 100-й стрелковой дивизии и двух танковых бригад. В районе Зеньковка в этот день находился 2-й кавалерийский корпус (две кавалерийские дивизии). Полное сосредоточение этой группы войск могло быть к 19—20 сентября.

Следует заметить, что над деблокирующими действиями командования Юго-Западного направления довлела идея первоначального использования указанных резервов. Когда кавалеристы П. А. Белова и 100-я дивизия И. Н. Руссиянова получали приказ на переброску в полосу Юго-Западного фронта, их предполагалось использовать против прорвавшихся к Ромнам частей 3-й танковой дивизии. Однако обстоятельства изменились, и командование было поставлено перед необходимостью менять спланированные заранее ходы. С оперативной точки зрения контрудар и деблокировочные действия имеют

между собой существенное различие. Контрудар может и не иметь в виду организацию выручки выходящих из окружения, а деблокировочные действия только и организуются ради вывода или выхода из окружения. Для деблокады достаточно раздробить фронт окружения противника, образовать в нем небольшой коридор, чтобы вывести как можно быстрее окруженные войска; контрудар такую специфику действий не предусматривает. Соответственно, и точки нанесения удара с целью деблокировать окруженных или предотвратить окружение различны. Но С. К. Тимошенко по неясным причинам не стал менять первоначальный план контрудара, задуманного еще до того, как дивизии двух танковых групп встретились под Лохвицей. Этими обстоятельствами и объясняется его решение организовать к 20—21 сентября именно наступление (контрудар) в районе Ромны силами 2-го кавалерийского корпуса, двух танковых бригад и 100-й стрелковой дивизии, а не деблокировку окруженных.

Главком Юго-Западного направления решил организовать конно-механизированную группу в составе 2-го кавалерийского корпуса, 100-й стрелковой дивизии, 1-й и 129-й танковых бригад. Командиром группы был назначен генерал-майор П. А. Белов. Ближайшей задачей конно-механизированной группы было овладение Ромнами. С. К. Тимошенко предполагал, видимо, что овладение этим пунктом откроет путь отхода окруженным войскам.

Корпус П. А. Белова должен был начать наступление уже 16—17 сентября, не ожидая подхода танковых бригад и стрелковой дивизии. 16-го числа этот 2-й кавалерийский корпус уже был на подступах к Ромнам, 17 сентября он начал наступать, но оборонявшиеся немецкие части 3-й танковой дивизии упорно сопротивлялись. Обороне в Ромнах благоприятствовали условия местности, немцы имели возможность опереться на рубеж слияния рек Сула и ее притока, реки Б. Ромен. Наконец, 18 сентября в бой включилась 129-я танковая бригада, но наступление успеха опять не имело. 20 сентября подоспела 1-я танковая бригада, но наступление также не имело успеха.

Г. Гудериан в своих мемуарах описывал этот эпизод следующим образом:

"18 сентября сложилась критическая обстановка в районе Ромны. Рано утром на восточном фланге был слышен шум боя, который в течение последующего времени все более усиливался. Свежие силы противника — 9-я кавалерийская дивизия и еще одна дивизия совместно с танками — наступали с востока на Ромны тремя колоннами, подойдя к городу на расстояние 800 м. С высокой башни тюрьмы, расположенной на окраине города, я имел возможность хорошо

наблюдать, как противник наступал, 24-му танковому корпусу было поручено отразить наступление противника. Для выполнения этой задачи корпус имел в своем распоряжении два батальона 10-й мотодивизии и несколько зенитных батарей. Из-за превосходства авиации противника наша воздушная разведка находилась в тяжелом состоянии. Подполковник фон Барсевиш, лично вылетевший на разведку, с трудом ускользнул от русских истребителей. Затем последовал налет авиации противника на Ромны. В конце концов нам все же удалось удержать в своих руках город Ромны и передовой командный пункт"{96}.

Дивизия И. Н. Руссиянова выгрузилась и после 100-километрового марша вступила в бой. С 21 сентября конно-механизированная группа, получившая наконец в свой состав стрелковую дивизию, возобновила упорные атаки в районе Ромны, чередуя оборону с наступлением, хотя атаки эти не имели уже никакой перспективы.

Что могло вообще дать овладение Ромнами? Узел путей в Ромнах нам был не нужен, потому что к Ромнам никто из наших войск не отходил. Мостов и переправ здесь также не было. Оковывание наших сил в районе Ромны было выгодно только для противника, так как отвлекало эти силы от других районов, где могли быть осуществлены деблокировочные действия с реальными шансами на успех.

Наиболее удобным районом для деблокировочных действий могла быть полоса местности на линии Ромны — Гадяч между реками Суда и Хорол. 2-й кавалерийский корпус с двумя свежими танковыми бригадами (100 танков) в этой полосе смог бы причинить немцам больше неприятностей, нежели в позиционных боях под Ромнами. Если бы в этой же полосе смогли участвовать еще две танковые бригады 5-го кавалерийского корпуса, то, очевидно, были бы созданы благоприятные условия для выхода из окружения более значительной группы войск ЮЗФ, нежели та, которая вышла.

Но понимание этого пришло слишком поздно. С. К. Тимошенко наконец организовал новый удар в направлении на Лохвицу только 23 сентября. 2-й кавалерийский корпус должен был выделить для этого 5-ю кавалерийскую дивизию с 1-й танковой бригадой.

Не завершились успехом и деблокировочные действия 5-го кавалерийского корпуса Ф. В. Камкова. Корпус, взятый главкомом С. К. Тимошенко под личное руководство, выдвигался в период 15—19 сентября на фронт Гадяч — Рашивка.

Но выйдя на этот фронт, он ограничился обороной своего расположения; против него действовала на внешнем фронте окружения (протяжением около 100 км) 16-я моторизованная дивизия, а с юга на левый фланг сильно нажимала 101-я легкопехотная дивизия немцев.

Наступательные бои конно-механизированной группы П. А. Белова в районе Ромны продолжались непрерывно вплоть до 23 сентября. 24 сентября 5-я кавалерийская дивизия пыталась повернуть фронт наступления на юг в направлении Лохвицы, но там она встретилась с авангардом 9-й немецкой танковой дивизии и вынуждена была остановиться.

Наша 1-я танковая бригада в этот день приводила себя в порядок. Одновременно со стороны Ромны противник атаковал 100-ю стрелковую дивизию и 9-ю кавалерийскую дивизию, которая стала отходить на восток.

25 сентября уже немцы наступали восточнее Ромны и оттеснили к 26.9 2-й кавалерийский корпус на восток на рубеж Ольшана — Липовая Долина.

Так закончились деблокировочные действия наших войск. К сожалению, как действия командования Юго-Западного фронта по прорыву изнутри кольца, так и действия Юго-Западного направления по прорыву внешнего фронта окружения извне нельзя охарактеризовать с лучшей стороны. М. П. Кирпонос проявил в организации прорыва пассивность и фактически отказался от ударов по внутреннему фронту окружения. С. К. Тимошенко вместо деблокировочных действий предпринял контрудар по Ромнам, замысел которого сложился задолго до окружения войск Юго-Западного фронта и уже не соответствующий обстановке.

Восстановление фронта. После окружения противником основных сил Юго-Западного фронта в распоряжении советского командования для прикрытия белгородского и харьковского направлений имелись войска 40-й и 38-й армий, оказавшихся вне кольца окружения, 2-го и 5-го кавалерийских корпусов и около пяти авиадивизий.

40-я армия в составе отряда Чеснова, 293-й стрелковой дивизии, 3-го воздушно-десантного корпуса, 227-й стрелковой дивизии, остатков 10-й танковой дивизии с 15 по 29.9 удерживала свои позиции по р. Сейм. С целью образования внешнего фронта окружения 20 сентября немцы атаковали центр построения войск 40-й армии, нанося удар силами 17-й танковой дивизии и мотополка "Великая Германия" от Путивля на Бурынь. Фронт на стыке 3-го воздушно-десантного корпуса и 293-й стрелковой дивизии оказался

прорванным, и войска армии начали отходить на рубеж Веселое — Ворожба — Белополье — Терны, закрепившись к 26 сентября на этом рубеже.

В районе Сумы в состав армии начала прибывать и разгружаться 1-я мотострелковая дивизия.

38-я армия в период с 15 по 20.9 после того, как с левого фланга армии убыл 5-й кавалерийский корпус, осталась в составе четырех стрелковых дивизий и потому не могла противостоять напору почти семи пехотных дивизий 17-й немецкой армии и стала отходить, сосредоточивая свои силы для прикрытия района Полтавы. Но так как отход армии проходил в полосе местности, резко поделенной рекой Ворскла на две равные части, естественно, силы армии дробились этой рекой тоже пополам. Командарм 38-й, видимо, затруднялся, направить ли прибывающие из Резерва Главкома 226-ю и 169-ю стрелковые дивизии (из состава 6-й армии Южного фронта) на правый берег р. Ворскла для обороны г. Полтавы или оставить их на левом берегу, так как противник угрожал своим движением на Красноград обойти левый фланг армии.

226-я стрелковая дивизия не успела занять Полтаву, так как противник захватил ее 19 сентября с ходу. В течение 19—20 сентября в районе Полтавы происходили упорные бои. Наши войска стремились выбить немецкие части из Полтавы, но успеха не имели. 20 сентября силами 295-й пехотной дивизии был захвачен Красноград, в котором в этот день, кроме гражданского ополчения, наших войск не было.

38-я армия оставила район Полтавы и стала отходить дальше на восток, выделив часть своих сил для ведения боев в районе Красограда.

Поскольку немецкое командование стремилось как можно быстрее высвободить подвижные соединения для наступления на московском направлении, образовавшаяся брешь на южном фланге советско-германского фронта не была использована для дальнейшего продвижения на восток. Это позволило советской стороне восстановить фронт.

К исходу 26.9 войска Юго-Западного фронта занимали следующее положение: — 40-я армия (отряд Чеснова, 3-й воздушно-десантный корпус, 293-я и 227-я стрелковые дивизии, 1-я мотострелковая дивизия) — занимала оборону на фронте Теткино — Ворожба — Ольшана; — 21-я армия (100-я стрелковая дивизия, 2-й кавалерийский корпус, 1-я и 129-я танковые бригады, остатки 297-й стрелковой дивизии, 5-й кавалерийский корпус, 212-я стрелковая дивизия, 3-я и 142-я танковые бригады) — вела оборонительные бои на фронте Ольшана — Гадяч — Шишаки — Диканька; — 38-я армия (34-я

кавалерийская дивизия, 132-я танковая бригада, 300-я, 226-я, 169-я, 199-я, 304-я стрелковые дивизии, 76-я, 47-я горно-стрелковые дивизии) — вела оборонительные бои на фронте Гавронцы — Н. Кочубеевка — Карловка — Красноград, имея против себя части 100-й, 57-й, 9-й, 68-й, 295-й и 297-й пехотных дивизий.

Главные силы 1-й танковой группы заканчивали перегруппировки для наступления против Южного фронта. Главные силы 6-й армии противника также еще не подошли, так как были заняты ликвидацией котлов окружения. Главные силы 2-й танковой группы и XXXXVIII моторизованный корпус также перемещались в полосу Брянского фронта. Во 2-ю армию с целью дальнейшего использования в битве за Москву были переданы 98-я пехотная дивизия 12 сентября, 262-я пехотная дивизия 27 сентября (вошла в состав 2-й танковой группы). 25 сентября в состав войск группы армий "Центр" была возвращена 293-я пехотная дивизия, 27 сентября за ней последовали 45-я, 134-я пехотные дивизии.

Решение командующего войсками Юго-Западного фронта, как видно по его директиве № 28/оп от 27 сентября, заключалось в переходе всеми армиями к обороне:

"Задача войск фронта — организовать прочную оборону и не допустить прорыва противника на восток".

Самое большое сражение в мировой истории — сражение на окружение завершилось.

Итоги и уроки. У читателей может возникнуть законный вопрос: "Может быть, приказ удерживать Киев был пустым упрямством И. В. Сталина, стремившегося как можно дольше не сдавать столицу Украины во имя политических целей?" На мой взгляд, это всего лишь один из шестидесятиических мифов периода разоблачения "культа личности". Одним из хрестоматийных примеров подобного рода является "Сталин управлял войсками по глобусу". Против версии об удержании Киева любой ценой говорит достаточно характерный эпизод последних дней существования Юго-Западного фронта. В тот же день, когда В. И. Тупиков отправил свое "паническое донесение", командующий М. П. Кирпонос просил разрешение перенести свой командный пункт из Прилуки в Киев, намереваясь стягивать к Киеву все свои войска, чтобы организовать боевые действия в условиях окружения, опираясь на оборону в районе Киева. Ответ начальника Генштаба по этому запросу гласил:

"Без разрешения Главкома ЮЗН КП из Прилуки не переносить. В случае крайней необходимости КП переносить ближе к войскам..."{97}.

С. К. Тимошенко также не дал санкцию на перенос командного пункта фронта в Киев. Если бы основной задачей было маниакальное удержание Киева, то предложение перенести штаб в Киев было бы наверняка поддержано Б. М. Шапошниковым и С. К. Тимошенко. В Киеве и прилегающем к нему районе находились огромные запасы боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия, фуража, и, следовательно, войска, отошедшие к Киеву, получали возможность, базируясь на эти запасы, оказать длительное сопротивление противнику. Приказы удерживать Киев связаны только с одним — стремлением удержать пехотные дивизии 6-й армии на Днепре. Когда Киев был оставлен, эти пехотные дивизии сравнительно быстро переправились на восточный берег реки и приняли активное участие в рассечении и уничтожении остатков 37-й армии. Оставление Киева несколькими днями раньше грозило открытием этого ящика Пандоры с густыми массами людей в униформе фельдграу.

Предвижу возражение: "А как же предложение Г. К. Жукова оставить Киев, за которое он был отправлен из Генштаба руководить Резервным фронтом?" Не следует преувеличивать радикальности предложений Георгия Константиновича. Откроем "Воспоминания и размышления" и послушаем, что же было предложено 29 июля:

"Я не ответил и продолжал: — Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

— А как же Киев? — в упор смотря на меня, спросил И. В. Сталин.

Я понимал, что означали два слова "сдать Киев" для всех советских людей и, конечно, для И. В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственно возможное и правильное, по мнению Генштаба и на мой взгляд, стратегическое решение в сложившейся обстановке.

— Киев придется оставить, — твердо сказал я. Наступило тяжелое молчание..."{98}

Отвод за Днепр означал, во-первых, отвод из Припятской области 5-й армии М. И. Потапова и 27-го стрелкового корпуса, во-вторых, оставление находившихся

на правом берегу укреплений Киевского УРа и сдачу находившихся на правом берегу кварталов города с сохранением позиций в Дарнице. Но не более того. Проблемы защиты от "канн" силами 1-й и 2-й танковых групп предложение Г. К. Жукова решить не могло. Города Бахмач, Ромны, Лохвица, через которые проходил путь танков Гудериана, лежат намного восточнее предложенной Г. К. Жуковым линии отвода войск. Для ликвидации угрозы окружения Юго-Западного фронта в том виде, в котором она материализовалась в сентябре месяце, нужно было отойти с рубежа Днепра за Сулу или Псел.

С оперативной точки зрения у предложения Г. К. Жукова есть как свои плюсы, так и свои существенные минусы. Отвод армии М. И. Потапова и корпуса П. Д. Артёменко высвобождал силы для обороны северного фаса киевского выступа от наступления армии Вейхса. Но вместе с тем такой отход высвобождал и немецкие соединения, которые были вынуждены вести невыгодные в тактическом плане бои в Припятской области. Потеря политического лица со сдачей Киева совершенно не стоит тех преимуществ, которые дает сдача КиУРа и построение обороны строго по рубежу Днепра. Дальнейшие предложения Г. К. Жукова, выдвинутые уже в качестве командующего Резервным фронтом, сводились к удержанию рубежа по реке Днепр и парированию угрозы окружения контрударом во фланг 2-й танковой группы. Этот вариант и был реализован на практике, более того, Г. К. Жуков принял в его осуществлении самое деятельное участие, сковав 43-й армией главные силы XXXXVI моторизованного корпуса немцев.

На что же рассчитывало советское командование, принимая решение об удержании Киева и рубежа Днепра в августе месяце? Уже с первых переговоров между начальником Генерального штаба Красной армии и командующим Юго-Западного фронта видно ледяное спокойствие Б. М. Шапошникова и достаточно нервная реакция на происходящее М. П. Кирпоноса. Прорыв дивизии Вальтера Моделя к Ромнам вызвал настоящую бурю эмоций. Сегодня, более чем 60 лет спустя, мы можем задать вопрос: "А что Ромны?" Если знать, что к Ромнам перебрасывается 100-я стрелковая дивизия, две танковые бригады и 2-й кавалерийский корпус, то вполне можно понять маршала Шапошникова, который достаточно спокойно отреагировал на прорыв немцев к городу. При условии того, что с Кременчугского плацдарма наступает только пехота, сдержать или существенно замедлить продвижение 3-й танковой дивизии XXIV моторизованного корпуса представляется вполне реальным. В худшем случае немцы могли бы выставить против указанных

резервов две танковые и одну моторизованную дивизии, растянувшиеся на большом фронте к северу и югу от Ромны, да и к тому же ведущие борьбу на два фронта. При таком раскладе предотвратить смыкание за спиной армий Юго-Западного фронта наступающей с Кременчугского плацдарма пехоты 17-й армии и подвижных частей Гудериана было вполне достижимой целью. Но 12 сентября выяснилось, что стратегия советского командования строилась на ложном тезисе об использовании подвижных соединений Эвальда фон Клейста против Южного фронта. Танковые и моторизованные соединения, доселе скованные в полосе Южного фронта, были с фантастической скоростью рокированы на Кременчугский плацдарм и без дня отдыха начали наступление на Хорол. Против двух танковых групп Юго-Западный фронт устоять уже не мог.

Главным итогом сражения Юго-Западного фронта был выигрыш времени. Операция "Тайфун" началась в солнечные дни "бабьего лета", но буквально через два-три дня после ее начала пошли дожди и дороги превратились в "направления". Ведение наступления вдоль крупных магистралей делало действия немцев более предсказуемыми и тем самым облегчало задачу обороняющегося. Рокировав резервы с Северо-Западного направления и с Дальнего Востока, советские войска под руководством Г. К. Жукова смогли сначала остановить продвижение немцев, а затем и повернуть его вспять.

Круг третий. На московском направлении. "Тайфун"

Операция "Тайфун". Форма и задачи операции по разгрому советских войск на московском направлении были впервые обозначены в Директиве № 35 Верховного командования вермахта, подписанной Гитлером 6 сентября 1941 г. Советские войска западного направления, названные в Директиве № 35 "группой армий Тимошенко", должны были быть "решительно разгромлены до наступления зимы". Решить эту задачу предполагалось путем "двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах"{99}. Десятью днями спустя, 16 сентября, появилась директива командования группы армий "Центр" о подготовке операции. От общего вида в директиве Гитлера в штабе ГА "Центр" перешли к конкретным задачам для армий на московском направлении:

"4-я и 9-я армии с подчиненными им 4-й и 3-й танковыми группами, которые к моменту наступления должны быть усилены по меньшей мере на один пехотный корпус каждая, приводятся в готовность с таким расчетом, чтобы каждая из армий при помощи сильной ударной группы, состоящей из моторизованных, танковых и пехотных соединений, смогла бы осуществить прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль — Москва и севернее автодороги и уничтожить войска противника, зажатые между внутренними флангами. Для этой цели им придется, прикрывшись с востока, совершить в зависимости от обстановки поворот либо против общей линии Вязьма — Дорогобуж, либо с обеих сторон к Вязьме"{100}.

Задачу в операции получила еще занятая в боях под Киевом 2-я танковая группа. Она должна была "быть сосредоточена в основном в районе Рыльска, Почепа, Новгорода-Северского с целью нанесения удара через линию Орел — Брянск"{101}. По этой же директиве операция получила кодовое наименование "Тайфун" (Taifun). Таким образом, командующий группой армий "Центр" фон Бок принял решение не только наступать на двух главных направлениях, как ранее планировалось Гитлером, но и дополнительно образовать третье направление за счет сил 2-й танковой группы, еще не высвободившихся под Киевом, с целью глубокого продвижения на восток.
После завершения боев под Киевом, 24 сентября 1941 года, состоялось последнее оперативное совещание всех командующих танковых и пехотных армий с участием Браухича и Гальдера, а 26 сентября был издан приказ на наступление. В приказе предусматривалось, что 4-я армия силами приданной ей 4-й танковой группы должна нанести удар по противнику по обеим сторонам шоссе Рославль — Москва, чтобы затем, "наступая крупными силами по шоссе Смоленск — Москва, замкнуть кольцо окружения у Вязьмы". Наступление этой группировки планировалось дополнить действиями 3-й танковой группы, приданной 9-й армии. Ее подвижные соединения должны были выйти к Вязьме восточнее верховьев Днепра и соединиться там с частями 4-й танковой группы. Располагавшиеся между двумя танковыми группами соединения 4-й и 9-й армий должны были сковать противника в районе Ельня — Ярцево и в случае успеха действий перейти в решительное наступление. На южном крыле 2-я армия получила задачу наступать в направлении Сухиничи — Мещовск, обходя Брянске северо-запада. Наступающая из района Глухова 2-я танковая группа должна была выйти на рубеж Орел, Брянск, чтобы во взаимодействии с

войсками 2-й армии окружить и разгромить советские войска в районе Брянска. Предварительно начало наступления было назначено на 28 сентября 1941 года, и оставалось только надеяться, что планы операции и оценка обстановки были правильными и что "последнее решающее сражение кампании" будет выиграно. ОКХ в своих планах исходило из того, что операция "Тайфун", а с ней и вся кампания, завершится до середины ноября.

Немецким командованием была задумана самая грандиозная операция из проводившихся ранее. Никогда ранее на одном операционном направлении не собиралось сразу три танковых группы. Численность личного состава группы армий "Центр" в начале октября составляла 1 929 406 человек. В "Тайфуне" были задействованы три армии и три танковых группы, насчитывавшие в общей сложности 78 дивизий, в том числе 46 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных, 1 кавалерийскую, 6 охранных дивизий и 1 кавалерийскую бригаду СС. На 10 сентября 1941 г. в 14 танковых дивизиях насчитывалось 2304 танка (108 Pz.I, 535 Pz.II, 811 Pz.III, 110 Pz.35(t), 312 Pz.38(t), 280 Pz.IV, 148 командирских). Эта цифра включает общее число танков, включая находившиеся в ремонте. К началу операции часть подсчитанных танков могла быть потеряна, некоторые дивизии получили пополнение. 12 сентября в качестве пополнения были направлены из резерва ОКХ 35 Pz.38(t), 71 Pz.III, 30 Pz.IV. Еще 56 Pz.38(t), 95 Pz.III и 30 Pz.IV поступили в течение сентября и октября{102}. Все это позволяет оценить нацеленный на Москву танковый кулак в 1700—2000 боеготовых машин. В операции приняли участие две свежих танковых дивизии: 2-я (63 Pz.II, 105 Pz.III, 20 Pz.IV и 6 командирских) и 5-я (55 Pz.II, 105 Pz.III, 20 Pz.IV и 6 командирских). Авиационное обеспечение "Тайфуна" осуществлял 2-й воздушный флот под командованием генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга. В его состав входили 2-й и 8-й авиакорпуса и зенитный корпус. Переброской авиасоединений из групп армий "Север" и "Юг" немецкое командование довело к началу операции "Тайфун" количество самолетов 2-го воздушного флота до 1320 машин (720 бомбардировщиков, 420 истребителей, 40 штурмовиков и 140 разведчиков).

"Группой армий Тимошенко" Гитлер назвал войска западного направления, которое длительное время возглавлял маршал С. К. Тимошенко. К началу операции "Тайфун" это название уже не соответствовало действительности. 11 сентября С. К. Тимошенко возглавил Юго-Западное направление, а 16 сентября само Западное направление было расформировано. Вместо этого советские войска на западном направлении объединялись в три фронта. Западный фронт

под командованием генерал-полковника И. С. Конева занимал полосу шириной около 300 км по линии Андреаполь, Ярцево, западнее Ельни. В первом эшелоне оборонялись: 22-я армия генерал-майора В. А. Юшкевича — на осташковском направлении, 29-я армия генерал-лейтенанта И. И. Масленникова — на ржевском, 30-я армия генерал-майора В. А. Хоменко и часть сил 19-й армии генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина — на сычевском, часть сил 19-й армии, 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова — на вяземском направлении. Всего в составе Западного фронта было 30 стрелковых дивизий, 1 стрелковая бригада, 3 кавалерийских дивизии, 28 артиллерийских полков, 2 мотострелковые дивизии, 4 танковых бригады. Танковые войска фронта насчитывали 475 танков (19 КВ, 51 Т-34, 101 БТ, 298 Т-26, 6 Т-37).

Большей частью в тылу Западного фронта, а частично примыкая к его левому флангу, строились войска Резервного фронта. После Ельнинской операции Г. К. Жукова отправили спасать Ленинград, оставив пост командующего Резервным фронтом маршалу С. М. Буденному. Последний, в свою очередь, пошел на этот пост с понижением с должности командующего Юго-Западным направлением, будучи снятым за требование отвести от Киева войска Юго-Западного фронта. Четыре армии (31-я, 32-я, 33-я и 49-я) Резервного фронта занимали ржевско-вяземский оборонительный рубеж позади Западного фронта. Силами 24-й армии генерал-майора К. И. Ракутина фронт прикрывал ельнинское, а 43-й армии генерал-майора П. П. Собенникова — юхновское направления. Общий фронт обороны этих двух армий составлял около 100 км. Средняя укомплектованность дивизии в 24-й армии составляла 7,7 тыс. человек, а в 43-й армии — 9 тыс. человек. Всего в составе Резервного фронта насчитывалось 28 стрелковых, 2 кавалерийских дивизии, 27 артиллерийских полков, 5 танковых бригад. В первом эшелоне Резервного фронта было 6 стрелковых дивизий и 2 танковых бригады в 24-й армии, 4 стрелковых дивизии, 2 танковых бригады в составе 43-й армии. Войска Брянского фронта под командованием генерал-полковника А. И. Еременко занимали фронт 330 км на брянско-калужском и орловско-тульском направлениях. Соответственно, 50-я армия генерал-майора М. П. Петрова прикрывала пути на Киров и Брянск с северо-запада и с запада, 3-я армия генерал-майора Я. Г. Крейзера — трубчевское направление, 13-я армия генерал-майора А. М. Городнянского — севское, а оперативная группа генерал-майора А. Н. Ермакова — курское направления. Всего в составе Брянского фронта насчитывалось 25 стрелковых, 4

кавалерийские дивизии, 16 артиллерийских полков, 1 танковая дивизия, 4 танковых бригады, 4 отдельных танковых батальона. Средняя укомплектованность стрелковой дивизии 50-й армии была 8,5 тыс. человек, 3-й и 13-й армий — 7,5 тыс. человек. Кавалерийские дивизии насчитывали в среднем 1,5—2 тыс. человек. Танковые войска фронта насчитывали 245 танков (22 КВ 83 Т-34, 23 БТ, 57 Т-26, 52 Т-40, 8 Т-50).

Общая численность личного состава войск Западного, Брянского и Резервного фронтов составляла 1250 тыс. человек. Военно-воздушные силы трех фронтов насчитывали 568 самолетов (210 бомбардировщиков, 265 истребителей, 36 штурмовиков, 37 разведчиков). Помимо этих самолетов уже в первые дни сражения в бой были введены 368 бомбардировщиков дальней авиации и 423 истребителя и 9 разведчиков истребительной авиации ПВО Москвы. Таким образом, силы ВВС Красной армии на московском направлении практически не уступали противнику и насчитывали 1368 самолетов против 1320 во 2-м воздушном флоте.

Войска Красной армии на западном направлении, прикрывавшие примерно 1/3 активной части советско-германского фронта, составляли свыше 40% всех сил РККА на фронте от Ладожского озера до Азовского моря. Учитывая отсутствие переставшего существовать в сентябре Юго-Западного фронта, нельзя сделать вывод об однозначном выделении советским командованием западного направления как особо приоритетного. Для сравнения — в составе Ленинградского фронта было 36 стрелковых дивизий, больше чем в любом из трех вышеперечисленных фронтов. В трех армиях Северо-Западного фронта было 18 стрелковых дивизий, а дополнительно в его полосе находились подчиненные Ставке 4-я армия (четыре стрелковых дивизии) и 52-я армия (еще четыре дивизии).

Оперативные планы войск на западном направлении предусматривали ведение обороны практически по всему фронту. Приказы на оборону в той или иной форме были получены по крайней мере за три недели до наступления немцев. Уже 10 сентября Ставка потребовала от Западного фронта "прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группу для наступления в будущем". Выполняя этот приказ, И. С. Конев выделил в резерв четыре стрелковых, две мотострелковых и одну кавалерийскую дивизии, четыре танковых бригады и пять артиллерийских полков. Перед главной полосой обороны в большинстве армий создавалась полоса обеспечения

(предполье) глубиной от 4 до 20 км и более. Сам И. С. Конев в своих воспоминаниях пишет:
"После наступательных боев войска Западного и Резервного фронтов по указанию Ставки в период 10—16 сентября перешли к обороне"{103}.

Подготовка к обороне велась под неусыпным наблюдением Генерального штаба. Например, А. М. Василевский 18 сентября 1941 г. прямым текстом известил командующих Западного и Резервного фронтов о возможном наступлении немцев:
"Противник продолжает сосредотачивать свои войска, главным образом на ярцевском и ельнинском направлениях, видимо готовясь к переходу в наступление. Начальник Генерального штаба считает, что созданные вами резервы — малочисленны и не смогут ликвидировать серьезного наступления противника. Ваши соображения прошу доложить"{104}.

Окончательно мероприятия фронтов по усилению обороны были закреплены директивой Ставки ВГК № 002373 от 27 сентября 1941 г. Войскам Западного фронта предписывалось перейти к жесткой обороне:
"1. На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций.
2. Мобилизовать все саперные силы фронта, армий и дивизий с целью закопаться в землю и устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями"{105}.

Однако, как и в большинстве оборонительных операций 1941 г., основной проблемой была неопределенность планов противника. Предполагалось, что немцы ударят вдоль шоссе, проходящего по линии Смоленск — Ярцево — Вязьма. На этом направлении была создана система обороны с хорошими плотностями. Например, 112-я стрелковая дивизия седлавшей шоссе 16-й армии К. К. Рокоссовского занимала фронт 8 км при численности 10091 человек при 226 пулеметах и 38 орудиях и минометах. Соседняя 38-я стрелковая дивизия той же 16-й армии занимала беспрецедентно узкий по меркам начального периода войны фронт 4 км при численности 10 095 человек

при 202 пулеметах и 68 орудиях и минометах. Средняя укомплектованность дивизий 16-й армии была наибольшей на Западном фронте — 10,7 тыс. человек. На фронт 35 км в 16-й армии было 266 орудий калибром 76 мм и выше, 32 85-мм зенитные пушки на прямой наводке. Еще плотнее на фронте 25 км была построена 19-я армия с тремя дивизиями в первом эшелоне и двумя — во втором. В армии было 338 орудий калибром 76 мм и выше, 90 45-мм пушек и 56 (!) 85-мм зенитных орудий в качестве ПТО. Однако по стечению обстоятельств ни одна немецкая танковая дивизия на армию М. Ф. Лукина не наступала. Из всех армий Западного фронта только в 16-й армии К. К. Рокоссовского была 127-я танковая бригада (5 КВ, 14 БТ и 37 Т-26). Остальные танковые соединения подчинялись непосредственно штабу фронта. Позади рубежа обороны 16-й и 19-й армий на шоссе была и резервная полоса обороны. М. Ф. Лукин написал о ней следующее:

"Рубеж имел развитую систему обороны, подготовленную соединениями 32-й армии Резервного фронта. У моста, на шоссе и железнодорожной линии стояли морские орудия на бетонированных площадках. Их прикрывал отряд моряков (до 800 человек)"{106}.

Это был 200-й дивизион ОАГ ВМФ из четырех батарей 130-мм орудий Б-13 и трех батарей 100-мм орудий Б-24 у станции Издешково на шоссе Ярцево — Вязьма. Не приходится сомневаться, что попытка пробиться вдоль шоссе дорого бы обошлась немецким моторизованным корпусам. Но за этот плотный, эшелонированный заслон на шоссе пришлось заплатить низкими плотностями войск на других направлениях. В 30-й армии, принявшей на себя основной удар 3-й танковой группы, на фронт 50 км было 157 орудий калибром 76-мм и выше, 4(!) 45-мм противотанковые пушки и 24 85-мм зенитные пушки в качестве ПТО. Танков в 30-й армии не было вовсе.

Предположения о планируемом направлении удара немецких войск в Вяземской оборонительной операции оказались ошибочными. Произошло это вследствие неверной оценки противостоящих двум фронтам сил противника. Расчеты строились на наличии всего одного крупного танкового объединения и, соответственно, одного удара с запада на восток. Соответственно, помимо направления Ярцево — Вязьма были подготовлены мероприятия по отражению ударов и в других направлениях. В подготовленном штабом И. С. Конева плане обороны было написано следующее:

"На Западном фронте могут быть отмечены как вероятные направления действий противника: а) осташково-пеновское, выводящее в тыл правого крыла фронта; б) нелидово-ржевское, разрезающее фронт на две части и выводящее во фланг и тыл 30-й армии; в) бельское, выводящее в тыл 29-й армии; г) конютино-сычевское, выводящее в район Ржев и Вязьма; д) ярцевское — кратчайшее направление на Москву; е) дорогобужское, выводящее в тыл 20-й армии. Основные усилия войск фронта должны быть направлены на оборону этих важнейших направлений"{107}.

Однако немецким командованием была произведена крупная перегруппировка войск, которая позволила принципиально изменить форму операции. Для этого немцы скрытно перебросили из-под Ленинграда 4-ю танковую группу, что позволило нанести удар не в одном месте, а в двух, по сходящимся направлениям. Для маскировки этого мероприятия была проведена в жизнь довольно замысловатая кампания дезинформации. В частности, под Ленинградом оставили радиста из штаба 4-й танковой группы с характерным почерком работы. Перехваты его радиограмм, даже при невозможности их расшифровать, указывали советским разведчикам на местонахождение штаба танковой группы.

Результат дезинформационных мероприятий не заставил себя ждать. Советское командование довольно точно определило время начала операции "Тайфун", но безнадежно промахнулось с ее формой и направлениями главных ударов. Так, удар 3-й танковой группы из района Духовщины пришелся севернее шоссе Ярцево — Вязьма, в стык 19-й и 30-й армий, удар 4-й танковой группы — южнее шоссе, по 24-й и 43-й армиям восточнее Рославля. То есть удары были нанесены там, где плотности войск были ниже нормативов для устойчивой обороны. Создав локальное превосходство в силах, немцы без особых усилий взломали оборону советских войск. Например, против четырех дивизий 30-й армии действовали двенадцать немецких.

Чтобы четче себе представить механизм катастрофы, рассмотрим построение обороны 43-й армии, по которой пришелся удар 4-й танковой группы. Армия оборонялась на левом фланге Резервного фронта, примыкая к 50-й армии Брянского фронта. Фронт обороны армии составлял 60 км, проходивших по восточному берегу Десны. Артиллерия армии состояла из 194 орудий калибром 76-мм и выше, шестидесяти девяти 45-мм пушек, сорока восьми 76-мм и 85-мм зенитных орудий в качестве ПТО. В первом эшелоне 43-й армии было три

дивизии. На правом фланге на фронте 20 км оборонялась 222-я стрелковая дивизия (9446 человек, 94 пулемета, 54 орудия и миномета, 13 противотанковых пушек). В центре фронт 16 км занимала 211-я стрелковая дивизия (9673 человека, 44 пулемета, 32 орудия и миномета, 8 противотанковых пушек). Наконец на левом фланге седлала Варшавское шоссе, растянувшись на фронте 24 км, 53-я стрелковая дивизия (12 236 человек, 356 пулеметов, 95 орудий и минометов, 18 орудий ПТО). Дивизией был подготовлен один противотанковый район у Варшавского шоссе, ей были подчинены два артиллерийских полка. Во втором эшелоне 43-й армии находились 149-я, 113-я стрелковые дивизии и 145-я и 148-я танковые бригады. Решение командования армии было в целом правильное, самая сильная дивизия располагалась на наиболее опасном направлении. Однако плотность построения войск не обеспечивала устойчивой обороны, норматив на которую составлял 8—12 км на дивизию. Примыкавшая к левому флангу 43-й армии 217-я стрелковая дивизия при неплохой комплектности (11 953 человека, 360 пулеметов, 126 орудий и минометов, 38 противотанковых пушек) занимала непомерно широкий для одного соединения фронт 46 км. Удержать сколь-нибудь серьезный удар ни одна из дивизий 43-й армии, а уж тем более 217-я стрелковая дивизия 50-й армии не могли.

По аналогичной схеме строилась оборона Брянского фронта, который синхронно с Западным фронтом получил аналогичную по содержанию директиву Ставки ВГК № 002375 о переходе к жесткой обороне. Но, как и под Вязьмой, было неверно определено направление удара немцев. А. И. Еременко ожидал удара на Брянск и держал под Брянском свои основные резервы. Однако немцы нанесли удар в 120—150 км южнее. Немцами была спланирована операция против Брянского фронта в форме "асимметричных канн", когда на одном фланге осуществлялся глубокий прорыв левого крыла 2-й танковой группы из района Глухова, а навстречу ей южнее Брянска наносил удар LIII армейский корпус. По странному стечению обстоятельств направление главного удара немецких войск на Брянском фронте находилось на фронте так называемой "группы Ермакова", проводившей частную операцию на глуховском направлении с целью упрочнения стыка с Юго-Западным фронтом. В состав группы входили 2-я гвардейская, 160-я и 283-я стрелковые дивизии, 21-я и 52-я кавалерийские дивизии, пять артиллерийских полков, 121-я танковая бригада (18 Т-34 и 46 Т-26), 150-я танковая бригада (12 Т-34 [222] и 8 Т-50) и 113-й отдельный танковый батальон (4 Т-34 и 11 Т-26).

Катастрофа под Брянском. Командующий 2-й танковой группой Г. Гудериан принял решение наступать на два дня раньше 3-й и 4-й танковых групп, чтобы воспользоваться массированной авиационной поддержкой со стороны еще не задействованной в операциях других объединений группы армий "Центр" авиацией. Еще одним аргументом было максимальное использование периода хорошей погоды, в полосе наступления 2-й танковой группы было мало дорог с твердым покрытием. Наступление началось 30 сентября. Командующий фронтом А. И. Еременко назначил на 3 октября контрудар по сходящимся направлениям по флангам вбитого в оборону фронта танкового клина силами 13-й армии и группы генерала Ермакова. Однако силы немцев были явно недооценены. Командование фронта оценивало их так:
"Противник силою одной танковой и одной моторизованной дивизии прорвался в направлении Севск..."{108}.

Между тем в наступление перешли три моторизованных корпуса. Только против группы генерала Ермакова действовали вдвое большие силы. Соответственно, назначенные для контрудара три стрелковых дивизии группы Ермакова и две стрелковых дивизии 13-й армии могли нанести лишь булавочные уколы по флангам 2-й танковой группы. В лоб со стороны Севска по наступающему противнику должна была нанести удар свежая 42-я танковая бригада (7 КВ, 22 Т-34, 32 Т-40) генерал-майора Н. И. Воейкова. Уже 3 октября части XXIV моторизованного корпуса ворвались в Орел. Вечером 5 октября Брянскому фронту было разрешено отвести войска на вторую полосу обороны в районе Брянска и на рубеж р. Десна. Пока еще фронту предписывалось удерживать Брянск. Однако уже 6 октября 17-я танковая дивизия вышла к Брянску с тыла и захватила его, а Карачев был еще утром того же дня захвачен 18-й танковой дивизией. А. И. Еременко был вынужден отдать приказ армиям фронта о бое "с перевернутым фронтом", то есть пробиваться на восток.
Начавшееся раньше операции на вяземском направлении наступление 2-й танковой группы вызвало оттягивание части сил с московского направления и из резерва Ставки. Уже 1 октября 1941 г. командующему Резервным фронтом директивой Ставки ВГК предписывалось выделить 49-ю армию (220-ю, 248-ю, 194-ю и 303-ю стрелковые дивизии, 29-ю, 31-ю и 41-ю кавалерийские дивизии, четыре артиллерийских полка ПТО) для ее отправки в полосу Брянского фронта. Штаб армии должен был разместиться в Курске. Ранним утром 2 октября в направлении Мценска выдвигался резерв Ставки ВГК в лице 1-го

гвардейского стрелкового корпуса. В состав корпуса включалась 6-я гвардейская стрелковая дивизия, 5-я гвардейская стрелковая дивизия (изъятая из резерва Западного фронта), 4-я танковая бригада полковника М. Е. Катукова, 11-я танковая бригада полковника П. М. Армана, 6-я резервная авиационная группа (два истребительных, один штурмовой авиаполки и один полк бомбардировщиков Пе-2). Против Гудериана также были брошены четыре авиадивизии авиации дальнего действия и 81-я авиадивизия особого назначения. Однако 4 октября 5-я гвардейская стрелковая дивизия была перенаправлена в 49-ю армию. Параллельно выдвижению 1-го гвардейского стрелкового корпуса Д. Д. Лелюшенко на курское направление была направлена 7-я гвардейская стрелковая дивизия, предназначавшаяся первоначально для 51-й отдельной армии в Крыму. Этой дивизии была придана 133-я танковая бригада. Первоначальные планы использования корпуса Лелюшенко и 7-й гвардейской дивизии предусматривали нанесение деблокирующих ударов навстречу армиям Брянского фронта.

Пока выделенные для восстановления фронта соединения двигались по железной дороге, а армии Брянского фронта пытались пробиться из окружения, требовалось принять срочные меры против двигавшегося через Орел на северо-восток XXIV моторизованного корпуса 2-й танковой группы. Решение было найдено несколько необычное. По распоряжению Ставки в район городов Орел и Мценск по воздуху перебрасывается 5-й воздушно-десантный корпус в составе 10-й и 201-й воздушно-десантных бригад. В 5 часов 10 минут 3 октября командир корпуса полковник С. С. Гурьев получил приказ осуществить посадочный десант на аэродроме Орел, задержать продвижение танков противника по шоссе на Тулу и обеспечить сосредоточение 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Пусть не удивляет, что десантников планировалось использовать против танков. Воздушно-десантные бригады имели на вооружении огнеметы РОКС, которые можно было использовать, и использовали реально против танков. Таким образом, удалось перебросить на дальность до 500 км более 6 тыс. десантников с вооружением, боевой техникой и двумя боекомплектами боеприпасов. Воздушно-десантный корпус был выведен из боя и полностью сменен 6-й гвардейской стрелковой дивизией только 20 октября.

Одновременно были приняты пожарные меры по подготовке обороны Тулы. Уже 2 октября Военный совет МВО принимает решение о постройке Тульского оборонительного обвода, в ночь с 2 на 3 октября минировалась дорога

Мценск — Тула. Наконец 4 октября приказом командующего войсками МВО Артемьева был создан Тульский боевой участок. В его состав вошли Тульское военно-техническое училище, формирующаяся 330-я стрелковая дивизия и 14-я запасная стрелковая бригада.

Бои за Мценск стали звездным часом М. Е. Катукова, ставшего позднее во главе 1-й танковой армии. В октябре полковник М. Е. Катуков возглавил 4-ю танковую бригаду, выдвинувшуюся в район Мценска и седлавшую вместе с частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса автостраду Орел — Мценск. М. Е. Катуков предпринял силами своей бригады несколько атак на маршевые колонны немецкой 4-й танковой дивизии генерал-майора Виллибальда фон Лангемана унд Эрленкампа. Вследствие пренебрежения Лангемана разведкой и охранением атаки были исключительно удачными. Бои в районе Мценска фактически вывели 4-ю танковую дивизию Лангемана из строя, она имела к 16 октября всего лишь 38 танков.

Результативно работали на брянском направлении в октябрьские дни не только танкисты, но и летчики. 10-го октября 6 Ил-2 и 12 МиГ-3 6-й резервной авиагруппы нанесли неожиданный удар по немецкому аэродрому Орел-западный. Заход со стороны солнца был настолько внезапным, что группа действовала как на полигоне и не понесла никаких потерь. Было заявлено об уничтожении 75 самолетов противника на земле и 6 — в воздухе.

К 12 октября 1-й гвардейский стрелковый корпус был "повышен в звании" до армии, получившей номер 26. Армия объединила 6-ю гвардейскую стрелковую, 41-ю кавалерийскую дивизии, 5-й воздушно-десантный корпус и две танковые бригады. До этого тот же номер носила армия, потерянная в киевском "котле".

Вязьма. Старый русский город Вязьма, расположенный на дороге из Смоленска в Москву, станет одним из символов трагических событий самого тяжелого для СССР периода войны. В погожие дни "бабьего лета" Вязьма еще была тыловым городом. Пожалуй, только солдатская интуиция, чувствовавшая уплотнившийся перед "Тайфуном" воздух, предвещала катастрофу и гибель множества солдат и командиров в лесах и полях вокруг города. Ко 2 октября 1941 г. пришла очередь получить сокрушительный удар 43-й армии Западного фронта. На 60-километровом фронте на стыке 43-й и 50-й армий была сконцентрирована ударная группировка из 10 пехотных, 5 танковых и 2 моторизованных дивизий, подчиненных 4-й полевой армии 4-й танковой группы. В первом эшелоне находились три танковых (2-я, 10-я 11-я) и шесть пехотных дивизий (252-я, 258-я, 98-я, 34-я, 17-я и 260-я). Эти силы предназначались в первую очередь

для образования "котла" окружения. Остальные подвижные соединения 4-й танковой группы (5-я, 19-я и 20-я танковые дивизии, 3-я моторизованная пехотная и 2-я моторизованная дивизии СС "Дас Райх") должны были развивать наступление в глубину. В 6 часов утра после сравнительно короткой 40-минутной артиллерийской подготовки ударная группировка 4-й танковой группы перешла в наступление против 53-й и 217-й стрелковых дивизий. Собранные для наступления силы авиации позволили немцам воспрепятствовать подходу резервов: "Авиация противника в количестве 45 самолетов с 14.00 до 17.00 штурмовала 149-ю стрелковую дивизию и не давала ей подняться и приступить к выполнению задачи". Вскоре, к 4 октября, 149-я стрелковая дивизия и 148-я танковая бригада были окружены. Наступление 3-й танковой группы развивалось вдоль Варшавского шоссе, а затем танковые дивизии повернули на Вязьму, задержавшись на некоторое время в труднопроходимом лесистом районе под Спас-Деменском.

По аналогичной схеме развивалось наступление 3-й танковой группы на 45-километровом участке на стыке 30-й и 19-й армий Западного фронта. На первую наступали основные танковые соединения северного крыла наступления — XXXXI и LVI моторизованные корпуса, против 19-й армии — пехота V армейского корпуса. Немцами были поставлены в первый эшелон все три предназначенные для наступления танковые дивизии. 1-я танковая дивизия была подчинена управлению XXXXI моторизованного корпуса, 6-ю и 7-ю танковые дивизии объединил LVI моторизованный корпус. Каждому корпусу была придана одна пехотная дивизия для облегчения прорыва обороны советских войск. Помимо моторизованных корпусов вспомогательную задачу на прорыв получил V армейский корпус в составе трех пехотных дивизий. Поскольку удар пришелся по участку, на котором не ожидалось наступления, его эффект был оглушительным. В отчете о боевых действиях 3-й танковой группы со 2.10 по 20.10 1941 г. было написано:

"Начавшееся 2.10 наступление оказалось для противника полнейшей неожиданностью. Моторизованные и пехотные дивизии (особенно V армейского корпуса) после короткой артиллерийской подготовки прорвали оборонительные позиции противника и устремились вперед через Вотря, Вопь и Кокошь. Сопротивление противника оказалось гораздо слабее, чем ожидалось. Особенно слабым было противодействие артиллерии".

Танковые полки 6-й и 7-й танковых дивизий были объединены в одну танковую бригаду для их массированного использования. Первоначально оба моторизованных корпуса 3-й танковой группы наступали по параллельным маршрутам. Однако, несмотря на то что в г. Белый была только 53-я кавалерийская дивизия (1100 человек, 5 противотанковых орудий), взять его с ходу передовому отряду XXXXI моторизованного корпуса не удалось. Причиной этого было отсутствие части артиллерии, не успевшей прибыть из-под Ленинграда в 1-ю танковую дивизию. Корпус был брошен южнее Белого, и XXXXI и LVI корпуса сошлись воедино в районе Холм-Жирковского.

Для флангового контрудара по наступающей группировке немецких войск была создана, как и на Западном фронте июня 1941 г., так называемая "группа Болдина". И. В. Болдин нес крест нанесения контрударов во фланг танковому клину в двух крупных сражениях на окружение на западном направлении. На этот раз в нее вошли одна стрелковая (152-я), одна мотострелковая (101-я) дивизии, 128-я и 126-я танковые бригады. На 1 октября 1941 г. танковый полк 101-й мотострелковой дивизии включал 3 танка КВ, 9 Т-34, 5 БТ и 52 Т-26, 126-я танковая бригада насчитывала на ту же дату 1 КВ, 19 БТ и 41 Т-26, 128-я танковая бригада — 7 КВ, 1 Т-34, 39 БТ и 14 Т-26. Силы, как мы видим, куда более скромные, чем два механизированных корпуса и кавкорпус, находившиеся в распоряжении И. В. Болдина в июне 1941 г. под Гродно. Выдвинувшись к Холм-Жирковскому, соединения группы Болдина вступили в танковый бой с XXXXI и LVI моторизованными корпусами немцев. За один день 5 октября 101-я дивизия и 128-я танковая бригада заявили об уничтожении 38 немецких танков. В отчете о боевых действиях 3-й танковой группы в октябре 1941 г. эти бои описываются следующим образом:

"Южнее Холм[-Жирковский] разгорелось танковое сражение с подошедшими с юга и севера русскими танковыми дивизиями, которые понесли ощутительные потери под ударами частей 6-й танковой и 129-й пехотной дивизий, а также от авиационных налетов соединений 8-го авиакорпуса. Противник был здесь разбит в ходе многократных боев".

Когда определились направления главных ударов немецких войск, И. С. Конев принял решение на выдвижение в точку схождения танковых клиньев сильной группы войск под командованием энергичного командующего. Вечером 5 октября Конев снимает управление 16-й армии с шоссе и направляет его в Вязьму:

"Командарму -16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16-й армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16-й армии будут включены в районе Вязьмы 50-я, 73-я, 112-я, 38-я, 229-я с[трелковые] д[ивизии], 147-я танковая] бр[игада], дивизион РС; полк ПТО и полк аргк [артиллерии резерва Главного командования. — А. И.]. Задача армии задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменск..."{109}.

Тем самым одно заходящее на Вязьму крыло немецких войск И. С. Конев планировал сдержать контрударом группы И. В. Болдина, а второе — обороной резервов фронта под управлением К. К. Рокоссовского.

Однако к 6 октября к Холм-Жирковскому вышли пехотные дивизии V армейского корпуса, которые могли уже наступать на контратакующие советские соединения, оттесняя их с фланга немецкого танкового клина. Таким образом, группе Болдина не удалось воспрепятствовать 7-й танковой дивизии быстро прорваться сначала через днепровские оборонительные позиции Ржевско-Вяземского рубежа, а затем прорыву к шоссе западнее Вязьмы. Этим маневром 7-я танковая дивизия в третий раз за кампанию 1941 г. стала "замыкателем" крупного окружения (до этого были Минск и Смоленск). В один из самых черных для советских войск дней 1941 г., 7 октября, 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы и 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы замкнули кольцо окружения Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы. Силами LVI моторизованного корпуса был образован внутренний фронт окружения советских войск от автострады западнее Вязьмы до Днепра, который занимали 7-я, 6-я танковые и 129-я пехотная дивизии.

Признаки приближающейся катастрофы обозначились уже на третий день немецкого наступления на вяземском направлении. Вечером 4 октября командующий Западным фронтом И. С. Конев доложил И. В. Сталину "об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам". На следующий день аналогичное сообщение поступило от командующего Резервным фронтом С. М. Буденного. Семен Михайлович доложил, что "образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе прикрыть нечем".

Уже 8 октября командующий Западным фронтом приказал окруженным войскам пробиваться в район Гжатска. До 11 октября окруженными армиями неоднократно предпринимались попытки прорваться, но успеха они не имели.

Только 12 октября удалось на короткое время пробить брешь, которая вскоре была вновь запечатана. Попытки вырваться из кольца окружения в районе Вязьмы 10—12 октября сковали предназначенные для преследования XXXX и XXXXVI моторизированные корпуса и задержали их смену. Лишь 14 октября удалось перегруппировать главные силы действовавших под Вязьмой соединений 4-й и 9-й армий для преследования, которое началось 15 октября. В вяземском "котле" были пленены командующий 19-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и командующий 32-й армией С. В. Вишневский. Погиб под Вязьмой командующий 24-й армией генерал-майор К. И. Ракутин.

Можайский рубеж. Итак, 7 октября 1941 г. 800-километровый фронт рухнул. Армии, стоявшие на пути войск группы армий "Центр", попали в окружение. Планомерного отхода на Вяземскую, а затем Можайскую линии обороны не получилось. Вяземский рубеж вместе с находившимися на нем армиями оказался внутри обширного "котла". Единственную оставшуюся на пути к Москве систему оборонительных сооружений — Можайскую линию обороны — занимать было просто нечем. В распоряжении советского командования было всего лишь около полутора недель, которые требовались немцам на смену выстроившихся по периметру кольца окружения танковых и моторизованных дивизий на пехоту и бросок высвободившихся моторизованных корпусов на Москву. Пока строго на восток наступали только дивизии XXXXI, LVI моторизованных корпусов 3-й танковой группы, XXXX и LVII моторизованных корпусов 4-й танковой группы. В состав первого входили 2-я моторизованная дивизия СС "Дас Райх" и 10-я танковая дивизия, второго — 258-я пехотная, 3-я моторизованная, 19-я и 20-я танковые дивизии. Повернув от Юхнова на северо-восток, "Дас Райх" уже 7 октября вышел к Гжатску. В наступление, больше похожее на форсированный марш, также были брошены несколько пехотных дивизий XII и XIII армейских корпусов. Однако передвигавшиеся пешком пехотные соединения не могли быстро преодолеть пространство от линии соприкосновения войск на начало "Тайфуна" до Можайской линии обороны. Сыграла свою роль также чрезмерно оптимистичная оценка обстановки командования группы армий "Центр".

По оценке штаба группы армий от 8 октября "...сложилось такое впечатление, что в распоряжении противника нет крупных сил, которые он мог бы противопоставить дальнейшему продвижению группы армий на Москву... Для непосредственной обороны Москвы, по показаниям военнопленных, русские располагают дивизиями народного ополчения, которые, однако, частично уже

введены в бой, а также находятся в числе окруженных войск". Прямым следствием заниженной оценки возможностей советских войск было решение о повороте на север, в направлении Калинина. В "Приказе на продолжение операции в направлении Москвы" от 7 октября 1941 г. 9-я армия получила задачу вместе с частями 3-й танковой группы выйти на рубеж Гжатск — Сычевка, чтобы сосредоточиться для наступления в направлении на Калинин или Ржев. В основе этого решения лежал план разгрома противника силами северного крыла 9-й армии совместно с южным крылом 16-й армии группы армий "Север" в районе Белый, Осташков и нарушения сообщения между Москвой и Ленинградом. Решение это автоматически выводило из игры крупные подвижные соединения группы армий "Центр" — XXXXI и LVI моторизованные корпуса — из сил, которых требовалось сдерживать непосредственно на московском направлении. Только у одного соединения для этого была "уважительная" причина: 7-я танковая дивизия LVI корпуса была скована удержанием "котла" под Вязьмой. Она была сменена 35-й пехотной дивизией только 11 октября. Впоследствии бывший начальник штаба 4-й танковой группы генерал Шарль де Боло утверждал, что "Московская битва была проиграна 7 октября". По его мнению, все соединения его и 3-й танковой группы нужно было бросить на Москву. Де Боло писал:
"К 5 октября были созданы прекрасные перспективы для наступления на Москву".

Эти перспективы не были использованы, самые сильные соединения повернули на Калинин. Справедливости ради нужно также сказать, что сопротивление продвижению на Москву не было нулевым. Например, в районе Юхнова дислоцировался отряд диверсантов-парашютистов под командованием капитана И. Г. Старчака. Они готовились для выброски в тыл к немцам, но вступить в бой парашютистам пришлось в неожиданных обстоятельствах. 5 октября им удалось взорвать важный мост северо-восточнее Юхнова и задержать продвижение противника. Из 430 человек, принявших в тот день бой, в живых осталось всего 29 человек. Помимо таких случайно оказавшихся на пути немецких пехотинцев под Юхновом частей, по двигавшимся на восток колоннам мотопехоты активно действовали авиация Западного фронта и 6-й авиакорпус ПВО Москвы. Последний задействовал в бомбо-штурмовых ударах двухмоторные истребители Пе-3 с подвеской бомб. 7 октября для объединения усилий авиации на западном направлении на Западный фронт прибыл

заместитель командующего ВВС Красной армии П. С. Степанов. В его распоряжение были дополнительно переданы один авиаполк штурмовиков Ил-2, два — МиГ-3 с РСами и один — пикирующих бомбардировщиков Пе-2. На 7 октября было запланировано прибытие одного штурмового и трех истребительных авиаполков, на 8 октября еще одного штурмового, четырех истребительных и одного бомбардировочного (на Пе-2) авиаполков. Большая часть истребительных авиаполков оснащалась самолетами с возможностью подвески РС для ударов по наземным целям. Всего со 2 по 10 октября советская авиация на Западном фронте выполнила 2850 самолетовылетов, оставаясь в эти дни практически единственным средством замедления продвижения немцев к Москве. Не в последнюю очередь из-за воздействия авиации передовые части LVII корпуса преодолевали 50 км (дистанцию форсированного суточного марша), разделявших Юхнов и Медынь, в течение шести дней. Интенсивные удары по наступающим колоннам немецких танковых и моторизованных дивизий стоили довольно дорого. Средний налет на одну потерю в октябре 1941 г. для штурмовиков Ил-2 составлял всего 8,6 вылета, один из самых низких показателей за всю войну.

Но, преодолевая взорванные мосты и налеты "пешек" и "илов", передовые части немцев неуклонно продвигались к строившейся с июля 1941 г. Можайской линии обороны. В период строительства для занятия Можайского рубежа предполагалось использовать 25 дивизий. Из них в 35-м (Волоколамском) УРе на фронте 119 км — шесть стрелковых дивизий; в 36-м (Можайском) УРе на фронте 80 км — пять дивизий; в 37-м (Малоярославецком) УРе на фронте 56 км — шесть дивизий и в 38-м (Калужском) УРе на фронте 75 км — четыре дивизии. Кроме того, на каждом направлении намечалось иметь в резерве по одной стрелковой дивизии. Двадцати пяти дивизий в распоряжении командующего МВО генерал-лейтенанта П. В. Артемьева не было. На 1 октября 1941 г. на территории округа в стадии формирования находилось семь стрелковых дивизий (201-я, 322-я, 324-я, 326-я, 328-я, 330-я и 332-я). Однако к немедленному использованию они еще не были готовы и пошли в бой только в декабре 1941 г. Тем более бесперспективным делом было бросать в бой рабочие отряды с одной винтовкой на несколько человек. Об ополчении и его роли будет рассказано позднее. Для немедленного противодействия немецкому наступлению нужны были части, сколь-нибудь подготовленные и сколоченные.

Кроме традиционного участника всевозможных "групп" и "отрядов" 1941 г. — военных училищ, в распоряжении Военного совета МВО были только две

запасные стрелковые бригады, находившиеся в начале октября на территории округа. Эти скромные силы были немедленно выдвинуты для занятия Можайской линии обороны, на которой еще находились десятки тысяч строителей. 6 октября 1941 г. Артемьев отдал приказ о занятии частями укрепленных районов Можайского рубежа. В течение 6 и 7 октября поднятые по тревоге училища, отдельные части и подразделения были выдвинуты на Можайскую линию обороны.

В Волоколамский УР выдвигались Военное пехотное училище Верховного Совета РСФСР, батальон 108-го запасного стрелкового полка 33-й стрелковой бригады, две батареи ПТО (по восемь 85-мм орудий). В Можайский УР были направлены два стрелковых батальона 230-го запасного стрелкового полка, батальон Военно-политического училища, сводный отряд Военно-политической академии, Особый кавалерийский полк, отдельная танковая рота и два полка ПТО. В Малоярославецкий УР выдвигались Подольское пехотное училище, Подольское артиллерийское училище, 108-й запасной стрелковый полк (без одного батальона), 395-й артиллерийский полк ПТО (восемь 85-мм зениток обр. 1939 г.), 64-й артиллерийский полк, 517-й артиллерийский полк. Калужский УР на начальном этапе сражения войск для заполнения не получал и силами своего гарнизона должен был прикрыть направление Мосальск — Калуга.

Предпринятых руководством МВО мер было, разумеется, недостаточно. Требовались решительные шаги со стороны высшего руководства страны и армии. У возглавлявшегося маршалом Б. М. Шапошниковым Генерального штаба Красной армии было четыре потенциальных источника соединений для заполнения бреши, образовавшейся в результате окружения Западного, Резервного и Брянского фронтов. Первым ближайшим к Москве источником было северо-западное направление. Сделав сильный и неожиданный ход с рокировкой на центральный участок фронта 4-й танковой группы, немецкое командование почему-то не предусмотрело симметричного шага со стороны своих оппонентов. В связи с убытием в группу армий "Центр" большего числа подвижных соединений немцев соотношение сил под Ленинградом изменилось, что позволило высвободить целый ряд свежих дивизий. В сентябре Генеральный штаб Красной армии готовил контрнаступление, призванное деблокировать Ленинград. Для этого контрнаступления постепенно собирались резервы. Еще 10 сентября 1941 г. 32-я стрелковая дивизия Дальневосточного военного округа получила приказ о перевозке в Архангельский военный округ. 24 сентября она уже была направлена в район Волховстроя, где дивизия вошла

в состав вновь созданной 4-й армии. В ту же 4-ю армию была направлена 9-я танковая бригада. Когда со всей определенностью обозначилась картина вяземской катастрофы, 5 октября 1941 г., 32-я стрелковая дивизия получила приказ на погрузку в эшелоны и отправку в район Можайска. На следующий день получила приказ об отправке в Москву 9-я танковая бригада. Также 5 октября был отдан приказ о переброске по железной дороге из 52-й армии 312-й и 316-й стрелковых дивизий. Находившаяся в районе Ладожского озера 52-я Отдельная армия подчинялась Ставке, и по первоначальному замыслу вместе с 4-й армией предназначалась для операции по деблокаде Ленинграда. Но ситуация изменилась, и дивизии понадобились для защиты столицы. Перевозка этих соединений, сыгравших ключевую роль в начальной фазе битвы за Москву, заняла несколько дней. Предназначенные для обороны Можайского УР части 312-й стрелковой дивизии начали прибывать по железной дороге 9 октября и выгрузку закончили только 12 октября, когда бои уже начались. Появление трех дивизий, занявших Можайский рубеж, было для немцев неожиданностью, хотя по сути советское командование просто отзеркалило рокировку 4-й танковой группы, переместив силы с временно затихшего участка фронта.

Вторым источником войск для выдвижения на подступы к Москве было Юго-Западное направление. Здесь ситуация была намного сложнее, рухнувший после окружения под Киевом в сентябре фронт был только что с трудом залатан и медленно откатывался на восток. Однако уход с ТВД 2-й танковой группы Г. Гудериана и части сил 1-й танковой группы Э. фон Клейста позволил высвободить сильные подвижные соединения — 2-й кавалерийский корпус П. А. Белова и 1-ю мотострелковую дивизию. Однако в связи с напряженной обстановкой 1-ю мотострелковую дивизию высвободили только 12 октября, а 2-й кавалерийский корпус только 26 октября. В связи с удаленностью ТВД от Москвы быстрого прибытия этих соединений ожидать не приходилось.

Как ни парадоксально это звучит, некоторые надежды могли возлагаться на прорыв из кольца окружения отдельных соединений и групп бойцов и командиров. В наибольшей степени этот фактор оказал влияние на восстановление фронта на брянском направлении. Однако "вяземский котел" также дал некоторое количество соединений разной степени комплектности. Своего рода "счастливчиком" стала 53-я стрелковая дивизия, командир которой в первые же дни операции "Тайфун" оценил обстановку и повел своих подопечных на восток, умудрившись проскочить Юхнов за несколько часов до

входа в город дивизии "Дас Райх". Далее дивизия двигалась на Медынь, где приняла активное участие в восстановлении фронта.

Наконец, последним, четвертым, источником для построения обороны на подступах к Москве были резервы Ставки, соединения из внутренних округов и свежесформированные соединения. В частности, на следующий день после приказа о погрузке в эшелоны 31-й, 312-й и 316-й стрелковых дивизий Б. М. Шапошников подписал директиву Забайкальскому фронту о переброске 93-й стрелковой и 82-й мотострелковой дивизий и Закавказскому фронту — о переброске 31-й стрелковой дивизии. Не забыта была и авиация: 8 октября получили приказ на передислокацию под Москву три бомбардировочных авиаполка (по 20 СБ в каждом) из Средней Азии. Полки преодолели 4800 км от Ашхабада до Егорьевска за 10 дней. Угроза немецкого наступления была очевидной, и некоторые дивизии начали перевозить до начала "Тайфуна". Например, еще 26 сентября была заказана перевозка 238-й стрелковой дивизии из Среднеазиатского военного округа в Москву. Кроме того, уже 5 октября появилось постановление ГКО № 735сс "О формировании 24 полков ПТО, вооруженных 85-мм и 37-мм зенитными пушками". Каждый полк должен был вооружаться восемью 85-мм и восемью 37-мм пушками. Первыми для усиления армий Западного фронта по этому постановлению формировались четыре полка за счет орудий 1-го авиакорпуса ПВО Москвы со сроком готовности 6 октября(!). Еще шесть полков должны были быть сформированы к 8 октября, четыре — 10 октября и последние десять — к 15 октября. Таким образом, сильная ПВО столицы, сказавшая свое веское слово в июле 1941 г., конвертировалась в сильную противотанковую оборону. Мощные и дальнобойные 85-мм зенитки стали одним из символов битвы за Москву. Пока по железной дороге сосредотачивались перебрасываемые с других участков фронта стрелковые, мотострелковые и кавалерийские дивизии, советское командование могло бросить навстречу наступающим немцам только что созданные танковые бригады: 17-ю, 18-ю, 19-ю и 20-ю. Дислоцировавшиеся от Можайского рубежа на расстоянии нескольких дневных переходов бригады обладали собственным автотранспортом и могли в кратчайшее время выдвинуться в пустоту между обжимаемым со всех сторон "котлом" под Вязьмой и строящейся линией обороны. В каждой бригаде был всего один батальон мотострелков, и они обладали ничтожными возможностями по удержанию местности. Однако они могли сдержать наступающие на восток моторизованные и пехотные соединения немцев на отдельных направлениях, давая возможность

заполнить Можайскую линию обороны собранными отовсюду полками и дивизиями. Фактически превосходству немцев в людях противопоставлялись компактные группы, насыщенные техникой, в первую очередь танками и самоходными пушками.

Первыми в бой вступили 17-я и 18-я танковые бригады. 18-я танковая бригада (9 танков Т-34, 3 танка БТ-7, 24 танка БТ-5, 5 танков БТ-2, 1 танк Т-26, 7 бронеавтомобилей) подполковника А. С. Дружинина вступила в бой дальше всех от Можайской линии обороны, в районе Гжатска. Бригада формировалась с 5 сентября 1941 г. в г. Владимир, закончила формирование к 4 октября, прибыла на фронт 7—8 октября и вступила в бой на можайском направлении 9 октября. Самостоятельные действия в своего рода "предполье" были довольно тяжелыми, и 11 октября бригада попала в окружение, из которого вышли 12 октября только ее отдельные части. Погибли заместитель командира бригады, командир и комиссар танкового полка, в строю к 12 октября осталось 5 танков Т-34, один БТ и один Т-26.

Южнее 18-й танковой бригады пошла в свой первый бой 17-я танковая бригада (20 танков Т-34, 16 легких танков) майора Н. Я. Клыпина, сосредоточившаяся в ночь на 9 октября юго-западнее Медыни (город на полпути от Юхнова на Малоярославец). Совместно (точнее сказать, в одном районе) с бригадой действовал передовой отряд Подольского пехотного училища. Первым противником бригады стала авиация противника, вскоре заставившая ее 10 октября отойти от Медыни на восток под давлением пехотного полка 258-й пехотной дивизии. За этот успех 258-я дивизия заплатила жизнью командира 478-го полка полковника фон Вольфа{110}. На следующий день, 11 октября, к 17-й танковой бригаде присоединились части выскочившей из "котла" 53-й стрелковой дивизии. Попытка отбить Медынь успеха не принесла, и к 13 октября бригада отошла за передний край обороны Малоярославецкого УРа.

Остальные бригады вступили в бой практически одновременно — 11 октября. К этому моменту было принято решение объединить прибывающие на Можайскую линию обороны соединения под руководством четырех армейских управлений. Три из них выводились из вяземского "котла" — 16-я, 43-я и 49-я армии, а 5-я армия формировалась заново. Во главе 16-й армии встал генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, 43-й армии — генерал-лейтенант С. Д. Акимов, 49-й армии — генерал-лейтенант И. Г. Захаркин. Наследника сражавшейся в Припятских болотах армии М. И. Потапова — вновь формируемую 5-ю армию — возглавил уже успевший себя показать в боях под Мценском генерал-майор Д. Д.

Лелюшенко. Позднее Д. Д. Лелюшенко вспоминал, как Б. М. Шапошников уверенно информировал его о предстоящем наполнении его армии войсками:
"В ближайшие два дня в 5-ю армию прибудет с Дальнего Востока 32-я стрелковая дивизия, из Московского округа — 20-я и 22-я танковые бригады и четыре противотанковых артиллерийских полка. Через 5—8 дней поступят еще четыре стрелковые дивизии, формирующиеся на Урале. Кроме того, вам передаются 18-я и 19-я танковые бригады. Они ведут сейчас тяжелые бои под Гжатском. Бригады малочисленные, но стойкие".

В 17 часов 10 октября директивой Ставки ВГК № 002844 командующим Западным фронтом был назначен Г. К. Жуков. И. С. Конев получил должность заместителя командующего фронтом, начальником штаба остался В. Д. Соколовский, членом Военного совета — М. Булганин. Развертывание пока еще номинальных армий Западного фронта, получившего нового энергичного командующего, должны были обеспечить танковые бригады, две из которых — 17-я и 18-я — были упомянуты Б. М. Шапошниковым в разговоре с Д. Д. Лелюшенко.
Основные усилия танкового щита бумажных армий были сконцентрированы на центральном участке обороны, на стыке Можайского и Малоярославецкого УРов, [246] в полосе формирующейся 5-й армии. На место временно выбывшей из строя 18-й танковой бригады прибыла 20-я танковая бригада (1886 человек, 29 танков Т-34, 20 танков Т-26. 12 танков Т-40, 8 САУ ЗИС-30) полковника Т. С. Орленко. Бригада формировалась во Владимире с 1 по 8 октября. Важным новшеством в строительстве советских танковых войск того периода было прибытие экипажей на завод-производитель, где они знакомились со своими машинами непосредственно в цехах предприятия. Все 29 танков Т-34 прибыли в 20-ю танковую бригаду 7 октября со Сталинградского завода вместе с экипажами, а уже 11 октября бригада вошла в состав Можайской линии обороны. На следующий день мотострелковый батальон и 7 танков Т-34 вступили в бой в районе Вереи, южнее Бородина. К 15 октября бригада действовала в районе Бородина совместно с 32-й стрелковой дивизией. Потери бригады составили 12 танков, 9 из которых были эвакуированы.
Наконец, южнее всех, в полосе 43-й армии, действовала 9-я танковая бригада (18 танков Т-34, 33 легких танка) подполковника И. Ф. Кириченко. Эта бригада была, пожалуй, лучшей из всей "танковой завесы" Западного фронта. Вскоре, 5 января 1942 г., она получит звание 2-й гвардейской танковой бригады. Но

октябрь был для соединения трудным месяцем. Три дня после выхода на малоярославецкое направление она самостоятельно обороняла рубеж р. Протвы в районе Боровска. 13 октября бригада получила приказ прикрыть разрыв между 43-й и 49-й армиями, который в течение двух дней выполняла, действуя преимущественно вдоль Калужской дороги.

К 10—12 октября 1941 г. ресурсы выдвинутых для сдерживающих действий сил были исчерпаны, сооруженным москвичами бетонным колпакам и сформированным в разных частях СССР дивизиям предстояло пройти проверку на прочность. К этому моменту оборону на Можайском рубеже занимали три стрелковых дивизии, три запасных полка, один особый кавалерийский полк и два училища. Общую численность этих частей и соединений можно оценить в 45 батальонов. Это составляло около 30% плановой плотности заполнения построенных УРов. По плану в 35-м (Волоколамском) УРе средняя плотность составляла 1 батальон на 1,8 км, в 36-м (Можайском) УРе — 1 батальон на 1,3 км и в 37-м (Малоярославецком) УРе — 1 батальон на 1,25 км. В реальности средняя плотность выведенных на Можайскую линию обороны войск составляла один батальон на 5 км фронта. Наибольшее значение было 2,4 км, наименьшее — 7—9 км. Плотности эти были ниже в разы уставных, то есть обеспечивающих нормальное ведение оборонительных боев. Усугублялась ситуация обширными просветами между занятыми участками: из 220 км протяженности полосы обороны трех УРов были заняты почти 30% — 65 км. При таком разреженном построении войск можно было рассчитывать только на кратковременное сдерживание наступления вышедших к Можайской линии обороны немецких войск. Первый удар на себя приняли соединения в Можайском и Малояро-славецком УРах, на волоколамском направлении до 14 октября соприкосновения с противником не было, а генеральное наступление началось там только 18—19 октября. Хорошо известная 316-я стрелковая дивизия И. В. Панфилова поэтому вступила в бой в несколько более благоприятных условиях, чем ее собрат — 312-я стрелковая дивизия полковника А. Ф. Наумова. Последней пришлось идти в бой фактически "с колес". По большому счету, немцам даже не потребовалось преодолевать оборону Малоярославецкого УРа. Для взлома укреплений УРа 10 октября в LVII танковом корпусе назначались: 3-я моторизованная дивизия, усиленная пехотным полком 258-й пехотной дивизии, и оставшиеся два полка 258-й дивизии с приданным им 21-м танковым полком 20-й танковой дивизии. Передовой отряд наступающих в лице усиленного танками 478-го пехотного

полка 258-й дивизии ворвался на позиции УРа 15 км севернее шоссе Медынь — Малоярославец 11 октября, до выхода на них частей 312-й дивизии А. Ф. Наумова. Немцев встретили только два рабочих батальона, не имевшие возможности оказать сколь-нибудь заметное сопротивление. Последовавшая на следующий день контратака полка 312-й стрелковой дивизии не сумела восстановить положения, но сдержала продвижение противника далее на восток, на Боровск.

Несколько улучшилась ситуация с прибытием 13 октября в Боровск вырвавшихся из вяземского "котла" 110-й и 113-й стрелковых дивизий. Однако наступлением усиленных 258-й пехотной и 3-й моторизованной дивизий город Боровск и мост через Протву были захвачены к 18.30 14 октября. Одновременно часть сил 258-й дивизии при поддержке приданных танков вышла в тыл 312-й стрелковой дивизии и подольским курсантам. Однако при этом немецкие танки неуклонно выбивались огнем танков и артиллерии. 21-й танковый полк 20-й танковой дивизии, приданный 258-й пехотной дивизии, из 104 танков, которыми он располагал на 28 августа, безвозвратно потерял к 16 октября 43 танка. Успешным было также наступление немцев на южный фланг УРа на детчинском направлении. Только заслон на шоссе на Малоярославец, состоявший из 53-й стрелковой дивизии и 17-й танковой бригады, наступающим с ходу преодолеть не удалось. Город Малоярославец был захвачен частями 19-й танковой дивизии только 17 октября. В состоянии охвата обеих флангов 43-я армия сражалась до 19 октября. К 19 октября часть сил 43-й армии (222-ю, 110-ю и 113-ю стрелковые дивизии, 9-ю танковую бригаду) "с целью улучшения управления войсками на верейском направлении" приняло под свое командование управление 33-й армии, во главе которой первоначально был поставлен генерал-лейтенант Герасименко. Через несколько дней его сменил генерал-лейтенант М. Г. Ефремов.

Не менее драматично развивались события на можайском направлении, где линия обороны проходила через знаменитое Бородинское поле. Важную роль здесь играл моральный фактор. Командный пункт 32-й стрелковой дивизии располагался там же, где в сентябре 1812 г. был командный пункт великого русского полководца М. И. Кутузова. Очевидцы событий вспоминают слова командира соединения Виктора Ивановича Полосухина, сказанные перед боем: "Священное место, — не отрывая бинокля от глаз, вполголоса произнес командир дивизии. — На таком поле нельзя плохо драться с врагом".

В соприкосновение с оборонявшимися в районе Бородина частями 32-й стрелковой дивизии 2-я моторизованная дивизия СС "Дас Райх" и 10-я танковая дивизия (152 боеготовых танка на 10 октября) вступили 12 октября. Дивизия В. И. Полосухина была растянута на фронте 45 км, и плотность обороны позволяла только какое-то время сдерживать противника. Существенно осложняло задачу обороняющихся отсутствие тяжелой артиллерии. Если против танков подчиненные В. И. Полосухину части могли выставить 24 мощных 85-мм зенитных пушки, то в артиллерийской дуэли на дальних дистанциях мог участвовать только артиллерийский полк 32-й стрелковой дивизии из легких 76-мм и 122-мм орудий. Результат не заставил себя ждать. В течение дня 13 октября немцы вели силовую разведку обороны, а 14 октября перешли в наступление вдоль железной дороги на Бородино, прорвав передний край обороны УРа. С 15 по 18 октября шли упорные бои на подступах к Можайску. 19 октября Можайск был сдан, и 32-я стрелковая дивизия отошла за реку Москва. Таким образом, бои за Можайский плацдарм шли в течение недели, что позволило выиграть время для накопления сил в 5-й армии. Противнику удалось нанести чувствительные потери: число боеготовых танков в 10-й танковой дивизии с 1 по 21 октября уменьшилось вдвое, до 75 единиц. О напряженности боев свидетельствуют потери командного состава противников. 18 октября был ранен осколком снаряда Д. Д. Лелюшенко, в бою на Бородинском поле был ранен и потерял глаз командир 2-й моторизованной дивизии СС "Дас Райх" Пауль Хауссер.

Во второй половине октября к Можайскому рубежу стали подтягиваться постепенно высвобождающиеся с периметра вяземского "котла" танковые и пехотные дивизии. Начались бои на доселе спокойном волоколамском направлении. В наступление на растянутую в один эшелон на фронте 41 км 316-ю стрелковую дивизию пошли свежие танковые соединения немцев, для которых операция "Тайфун" была дебютом на Восточном фронте. Это в первую очередь 2-я танковая дивизия. До 13 октября она была скована в боях в вяземском "котле", 14 октября дивизия проследовала через Гжатск. Фактически 2-я танковая дивизия перемещалась с правого фланга группы армий "Центр" на левый, пересекая с юга на север полосу наступающих на Москву соединений. Только 16 октября дивизия перешла в наступление против закрепившейся в Волоколамском УРе 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И. В. Панфилова. К тому моменту в 16-ю армию К. К. Рокоссовского были включены: кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора (50-я и 53-я

кавалерийские дивизии), восстановленная после выхода из "котла" 18-я стрелковая дивизия (без одного полка) и 22-я танковая бригада (29 Т-34 и 32 легких танка). Кавалерийской группой удалось прикрыть часть 100-километрового фронта 16-й армии, на которой противник не предпринимал решительных действий.

Поскольку действия 316-й дивизии считаются классикой обороны, само соединение по итогам боев получило звание гвардейского, имеет смысл остановиться на боевых действиях под Волоколамском подробнее. Бои эти действительно показательны, но в тех аспектах, на которых обычно не заострялось внимание. Во-первых, вследствие паузы между занятием Можайского рубежа и началом боев на нем 316-я стрелковая дивизия получила в свое распоряжение достаточно крупные силы артиллерии: четыре пушечных артиллерийских полка РВГК, три противотанковых артиллерийских полка. Вместе с штатным артиллерийским полком соединения (шестнадцать 76,2-мм пушек, восемь 122-мм гаубиц) в составе артиллерии обороняющихся было 207 орудий: четыре 25-мм зенитных, тридцать два 45-мм противотанковых, четырнадцать 76,2-мм полковых пушек, семьдесят девять(!) 76-мм пушек, шестнадцать 85-мм орудий, восемь 122-мм гаубиц, двадцать четыре 122-мм пушки, тридцать 152-мм гаубиц-пушек. Такого мощного артиллерийского кулака не было ни на можайском, ни на малоярославецком направлении. Во-вторых, несколько дней, данных поворотом XXXXI моторизованного корпуса на Калинин, были также использованы для инженерного оборудования позиций дивизии. Собственно узел обороны Волоколамского УРа с бетонными колпаками располагался на шоссе Ржев — Волоколамск. Его занял 1077-й полк 316-й дивизии, располагавшийся на правом фланге обороны. Два других полка (1073-й в центре и 1075-й на левом фланге) вынуждены были оборудовать позиции с нуля, выкопав сплошную первую траншею и прерывчатую вторую. Наспех выкопанные окопы, седлавшие Волоколамское шоссе, были откровенно слабым местом обороны дивизии. Слабость была частично компенсирована 296-м противотанковым артиллерийским полком из двадцати 76-мм пушек и четырех 25-мм автоматических зенитных пушек. Как нетрудно догадаться, главный удар немцы силами 2-й танковой дивизии нанесли утром 16 октября по сидевшему в только что вырытых окопах 1075-му полку — атака последовала вдоль Волоколамского шоссе. Такой удар, в сущности, выводил немецкие танки в тыл остальным полкам дивизии. Два дня, 16 и 17 октября, атаки немецких танков отбивались огнем 85-мм орудий. На обозначившееся направление

главного удара командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский, за отсутствием крупных резервов, не мог выдвинуть пехоты, но отреагировал на кризис выдвижением танковой бригады и одного пушечного артиллерийского полка РВГК. 18 октября заслон на шоссе был обойден наступающими, и они продвинулись на 10 км вглубь обороны 316-й дивизии. Девять из двадцати 76-мм орудий 296-го противотанкового полка были выведены из строя. Однако время, выигранное сравнительно успешной артиллерийской дуэлью 76-мм и 85-мм орудий со 2-й танковой дивизией, позволило К. К. Рокоссовскому выдвинуть на направление немецкого наступления 289-й противотанковый артиллерийский полк, 138-й пушечный артиллерийский полк РВГК и группу "катюш". Орудия пушечного артиллерийского, полка (122-мм пушки А-19 обр. 1931 г.) были поставлены на прямую наводку для ведения огня вдоль шоссе. Попытки развивать наступление 19 и 20 октября успеха наступающим не принесли, и с 20 по 25 октября 2-я танковая дивизия приводила себя в порядок, ожидая подхода пехоты. Прорыв Волоколамского УРа с ходу ударом на узком фронте подвижными соединениями, как это было на можайском и малоярославецком направлениях, немцам не удался. Советскому командованию даже не пришлось вводить в бой прибывшую к 19 октября в резерв Западного фронта 4-ю танковую бригаду М. Е. Катукова, рокированную своим ходом из-под Тулы. Танковая бригада М. Е. Катукова на 16 октября 1941 г. насчитывала 3 КВ, 7 Т-34 и 23 легких танка.

Только 23 октября в наступление против центра боевого порядка 316-й стрелковой дивизии перешла 110-я пехотная дивизия. Теперь соединению пришлось вести тяжелый оборонительный бой на всем фронте, не имея резервов и возможностей для рокировки артиллерии. К 25 октября противнику силами танковой и пехотной дивизий удалось прорвать оборону 1073-го и 1075-го полков дивизии И. В. Панфилова и выйти к Волоколамску, который был полностью захвачен к 27 октября. Оборонительные действия 316-й стрелковой дивизии под Волоколамском длились десять дней, за которые противник продвинулся всего на несколько десятков километров. Важнейшую роль в этом сыграла артиллерия. Хорошо известно, что по итогам боев на волоколамском направлении дивизия И. В. Панфилова получила звание 8-й гвардейской, однако мало кто знает, что звание 1-го и 2-го гвардейских получили в то же время 289-й и 296-й противотанковые артиллерийские полки. Роль артиллеристов в данном случае трудно переоценить: в отличие от многих боев летне-осенней кампании 1941 г. разреженность боевых порядков 316-й

стрелковой дивизии компенсировалась сильной артиллерийской поддержкой, как орудий калибром 76-мм и 85-мм на прямой наводке, так и навесным огнем тяжелых орудий.

Для остальных соединений, вышедших в середине октября 1941 г. на Можайский рубеж, события развивались намного драматичнее. Подтягивание высвободившихся под Вязьмой соединений привело к их избиению. "Сибирская" 32-я стрелковая дивизия была к двадцатым числам октября окружена северо-западнее Можайска и пробивалась из окружения отдельными частями. Вырвавшаяся из вяземского "котла" 53-я стрелковая дивизия, согласно сводке Генерального штаба Красной армии от 20 октября, "в результате ожесточенных боев 18.10 была рассеяна, и остатки ее собирались в тылу". Командир дивизии, полковник Н. П. Краснорецкий, 22 октября 1941 г. погиб в бою в районе д. Чорешня на р. Нара под Москвой. На 23 октября в сводке Генштаба фигурируют уже "остатки" 17-й, 53-й и 312-й стрелковых дивизий. К 24 октября в 312-й стрелковой дивизии осталось 300 человек, в 53-й — 1500 человек.

Но одновременно наступил период распутицы, мешавший обеим сторонам вести активные боевые действия. В журнале боевых действий штаба группы армий "Центр" 19 октября было записано:

"В ночь с 18 на 19 октября на всем участке фронта группы армий прошли дожди. Состояние дорог настолько ухудшилось, что наступил тяжелый кризис в снабжении войск продовольствием, боеприпасами и особенно горючим. Состояние дорог, условия погоды и местности в значительной мере задержали ход боевых операций. Главную заботу всех соединений составляет подвоз материально-технических средств и продовольствия".

Одновременно прибывали новые соединения в советские армии, медленно откатывающиеся с Можайского рубежа. На рассвете 21 октября 1941 г. на подмосковной станции Апрелевка были выгружены подразделения 175-го мотострелкового полка 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, выписанной с Юго-Западного фронта еще 12 октября 1941 г. В тот же день полк занял позиции у Наро-Фоминска, и 22—23 октября постепенно прибывающие части дивизии вступили в бой за город, овладеть которым полностью части 258-й пехотной дивизии не смогли. Северный сосед 33-й армии, 5-я армия Л. А. Говорова, получил в последней декаде октября 82-ю мотострелковую дивизию полковника Г. П. Карамышева, заказанную Генштабом Красной армии к

перевозке с Дальнего Востока еще 5 октября. Только что прибывшее соединение использовали для результативного контрудара совместно со свежесформированной 25-й танковой бригадой. 25-я танковая бригада полковника И. А. Таранова насчитывала на 28 октября 4 КВ, 22 Т-34, 1 БТ, 9 Т-26 и 22 Т-40. 26 октября ударная группировка 5-й армии перешла в наступление на Дорохово. Это сравнительно крупный узел дорог, через который проходила рокада вдоль всей линии обороны Западного фронта. Удержанием в течение десяти суток узла дорог на этой рокаде войска 5-й армии воспрепятствовали перегруппировке немецких войск на волоколамское направление. К концу октября почти все армии Западного фронта получили в свой состав свежие соединения из глубины страны, заказанные к перевозке вскоре после вяземской катастрофы. Это позволило компенсировать потери, понесенные в ходе обороны Можайского рубежа.

Таким образом, к концу октября 1941 г. немецким войскам 4-й армии и 4-й танковой группы удалось сбить соединения Западного фронта с Можайской линии обороны практически на всем ее протяжении и постепенно отжимать их к Москве. Бои на Можайской линии обороны продолжались в среднем 7—9 дней, а на волоколамском направлении 10—12 дней. Хотя советские войска лишились опоры в лице инженерных сооружений, на взлом линии обороны было потрачено время, которое командование Красной армии использовало для уплотнения боевых порядков оборонявших столицу войск.

Сражение за Калинин. Начальник штаба 4-й танковой группы генерал Шарль де Боло, конечно же, несколько драматизировал поворот 3-й танковой группы на Калинин как страшную ошибку в операции "Тайфун". Острие танкового клина 3-й танковой группы действительно отвернуло от Можайского рубежа, дав 316-й стрелковой дивизии возможность закрепиться, подтянуть артиллерию и не повторить судьбу 32-й и 312-й стрелковых дивизий. Вместо этого 1-я танковая дивизия повернула на Калинин, который был захвачен 14 октября. В этот день задачи 3-й танковой группы были уточнены приказом командования группы армий "Центр". Он гласил:

"9-я армия и 3-я танковая группа должны не допустить отвод живой силы противника, стоящей перед северным флангом 9-й армии и южным флангом 16-й армии, взаимодействуя с этой целью с 16-й армией, а в дальнейшем — уничтожить противника. 3-я танковая группа с этой целью, при удержании Калинина, как можно быстрее достигает района Торжок и наступает отсюда без задержки в направлении на Вышний Волочек для того, чтобы предотвратить

переправу основных сил противника через реку Тверца и верхнее течение реки Мета на восток. Необходимо вести усиленную разведку до рубежа Кашин — Бежецк — Пестово. Надлежит также удерживать линию Калинин — Старица и южнее до подхода частей 9-й армии".

Здесь мы видим две задачи: наступление на север для образования еще одного "котла" и удержание Калинина. Первая задача выводила крупные подвижные соединения из игры на главном операционном направлении. Вторая задача, удержание крупного узла коммуникаций, вынуждала советское командование вести бои за Калинин с использованием сил, которые могли быть использованы на волоколамском направлении. Однако характер боев заметно отличался от обороны на широком фронте, характерной для Можайского рубежа. Они велись на сравнительно небольшом пространстве вокруг города. Этот сценарий уже несколько раз повторялся в ходе летней кампании: немцы захватывали некий "шверпункт", вынуждая Красную армию пытаться его отбить. В данном случае замысел немецкого командования читался вполне прозрачно, из Калинина можно было идти как в обход Москвы, так и пытаться окружить советские войска в верховьях Волги. Оставлять такой выпад без противодействия было невозможно, это грозило крупными неприятностями. Важность Калинина понимало и немецкое командование. Характерным примером является телеграмма, отправленная 18 октября из штаба группы армий "Центр" в 9-ю армию:
"Командование группы армий считает необходимым еще раз напомнить о том, что удержание г. Калинин имеет огромное значение".

К моменту захвата в районе Калинина была только одна 5-я стрелковая дивизия. Сбор сил для боев за город производился теми же средствами, что и накопление соединений в армиях на Можайском рубеже — рокировкой с других участков фронта. Первым "донором" стало, конечно же, хорошо уже нам знакомое Северо-Западное направление. С Северо-Западного фронта были переброшены 183-я и 185-я стрелковые дивизии, 8-я танковая бригада, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии. Эти соединения, вместе с отходившими на Калинин дивизиями 22-й и 29-й армий, были сведены в особую оперативную группу под командованием начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. Самый сильный аргумент группы Н. Ф. Ватутина, 8-я танковая бригада полковника П. А. Ротмистрова, будущего

командующего 5-й гвардейской танковой армией под Прохоровкой, прибыла на Северо-Западный фронт еще 23 сентября 1941 г. К тому моменту она насчитывала 61 танк, из них 7 КВ, 22 Т-34 и 32 Т-40. Бригада успела понести потери в боях, и к моменту получения приказа на выдвижение в сторону Калинина боеготовыми были только 30 машин, еще 14 находились в ремонте. Бригада перебрасывалась своим ходом, и танкам предстояло пройти форсированным маршем около 250 км, которые были преодолены за два дня, 14 и 15 октября. 16—17 октября бригада П. А. Ротмистрова самостоятельно вела ожесточенные бои на северной окраине Калинина.

Вторым танковым соединением, выдвинутым для того, чтобы отбить Калинин, была 21-я танковая бригада полковника Б. М. Скворцова. Особенностью этой бригады было вооружение части танков Т-34 57-мм пушками ЗИС-4, которые превращали их в своего рода "танки-истребители". Всего в бригаде было 19 танков Т-34 с 76-мм пушками, 10 танков Т-34 с 57-мм пушками, 2 огнеметных ХТ-26, 5 БТ-2, 15 БТ-5 и БТ-7, 10 Т-60 и 4 САУ ЗИС-30. Бригада выгрузилась неподалеку от Калинина 14 октября, а 16 октября начала наступление на город, с юга, заявив за 4 дня об уничтожении 1000 солдат, 34 танков, 210 автомашин противника. Собственные потери составили 21 танк Т-34, 7 БТ, 1 Т-60, 1 САУ ЗИС-30. Что характерно, управлялась бригада штабом 16-й армии, в то время как действия 8-й танковой бригады координировала группа Н. Ф. Ватутина.

Для повышения эффективности управления боевыми действиями под Калинином директивой Ставки от 17 октября 1941 г. был сформирован новый, Калининский фронт. В него вошли 22-я, 29-я и 30-я армии, переданные из состава Западного фронта, 183-я, 185-я и 246-я стрелковые дивизии, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии, 46-й мотоциклетный полк и 8-я танковая бригада Северо-Западного фронта. Возглавил фронт генерал-полковник И. С. Конев. Первой задачей нового фронта было "очистить от войск противника район Калинина". Начиная с 17 октября войска Калининского фронта, при поддержке авиации, ежедневно атаковали немцев в районе Калинина. Результатом этих действий была последовавшая 23 октября директива командующего группой армий "Центр" фон Бока о приостановке наступления через Калинин. Энергичными ударами по Калинину советскому командованию хотя и не удалось овладеть городом, но командование 3-й танковой группы было вынуждено отозвать продвигавшуюся на север, к Вышнему Волочку, 1-ю танковую дивизию для поддержки оборонявшейся в городе 36-й

моторизованной дивизии. Тем самым выполнение основной задачи, ради которой 3-я танковая группа разворачивалась от Москвы на север, было сорвано.

Результаты боев за Калинин для ядра 3-й танковой группы — XXXXI и LVI моторизованных корпусов — были поистине катастрофическими. 1-я танковая дивизия на 28 сентября 1941 г. насчитывала 111 боеготовых танков. На 31 октября 1941 г. количество боеготовых машин снизилось до 36 штук. 6-я танковая дивизия на 10 сентября насчитывала боеготовыми 9 танков Pz.I, 38 танков Pz.II, 102 танка 35(t), 14 танков Pz.IV и 8 командирских машин. Уже 16 октября она имела в своем распоряжении всего лишь 60 готовых к использованию в бою танков. На 31 октября дивизия доложила о наличии боеготовыми 15 танков Pz.II, 34 танка 35(t), 10 танков Pz.IV и 7 командирских танков. В ремонте находилось 19 танков Pz.II, 41 танк 35(t), 13 танков Pz.IV и 3 командирских танка. Из 41 танка 35(t) только 10 могли быть реально восстановлены из-за отсутствия запчастей к снятым с производства чехословацким танкам. К 31 октября средний пробег для танков Pz.II 6-й танковой дивизии составил 11,5 тыс. км, 35(t) — 12,5 тыс. км, для Pz.IV — 11 тыс. км. Износ механизмов в ходе широкомасштабных операций и боевые потери привели к существенному снижению боеспособности 3-й танковой группы.

Начало сражения за Тулу. Вернемся немного назад для описания событий, происходивших в октябре 1941 г. на Брянском фронте. Характерной особенностью операции, проводившейся командующим 2-й танковой группы Г. Гудерианом, было повышенное внимание к прорыву в глубину и совершенно недопустимое пренебрежение выполнением задачи уничтожения окружаемых армий. С получением 2-й танковой группой осанистого названия "2-я танковая армия", 6 октября 1941 г., ситуация не изменилась. Большая часть подвижных соединений были брошены Г. Гудерианом в глубокий прорыв на Тулу. Для создания внутреннего фронта окружения им были задействованы только соединения XXXXVII моторизованного корпуса (17-я и 18-я танковые дивизии и 29-я моторизованная дивизия). Для удержания трех советских армий этих сил было совершенно недостаточно. Проходя сквозь жидкое сито из трех дивизий, выходившие из окружения советские войска, как это уже было под Минском в июне 1941 г., практически без помех пересекали коммуникации XXIV и XXXXVIII танковых корпусов далеко за спиной ушедших вперед танковых дивизий. Находившаяся на северном крыле Брянского фронта 50-я армия даже

не находилась собственно в окружении. Ее коммуникации так и не были окончательно перерезаны. Слабая завеса в тылу остальных армий Брянского фронта также способствовала прорывам. Гудериан позднее писал:
"9 октября русские продолжали свои попытки прорваться в районе населенного пункта Суземка. Русские стремительно атаковали правый фланг 293-й пехотной дивизии, оттеснив дивизию к Суземке и Шилинке. Ввиду того, что 25-я мотодивизия, выделенная в резерв танковой армии, еще не прибыла, пришлось использовать 41-й пехотный полк 10-й мотодивизии, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся между 29-й мотодивизией и 293-й пехотной дивизией"{111}.

Эта ситуация выглядит как явный промах. Г. Гудериан не смог организовать последовательную смену подвижных соединений на внутреннем фронте окружения. Если замысловатый "танец" со сменой дивизий под Уманью или Вязьмой внушает уважение, то здесь мы видим безоглядное стремление вперед без выполнения тех задач, которые будут способствовать дальнейшим успешным действиям. Такой массовый выход из окружения целыми объединениями при полнейшем отсутствии деблокирующих ударов почти не имеет прецедентов в кампании 1941 г.
Так или иначе, 7 октября три армии Брянского фронта развернулись на 180 градусов и начали прорыв из окружения. К 16 октября из состава 50-й армии вышли 217-я (300 чел.), 299-я (400 чел.), 279-я (1500 чел.), 260-я (200 чел.), 154-я (1200 чел.) стрелковые дивизии. По докладу А. И. Еременко к 20 октября 1941 г. в район Белева вышли 1600 человек из 217-й стрелковой дивизии, 1524 человека — из 290-й, полностью два полка с артиллерией — из 154-й. Для оценки сохранности соединений можно указать численность 217-й стрелковой дивизии на 1 октября — 11 953 человека, 279-я дивизия до начала "Тайфуна" насчитывала 7964 человека. Всего на Белевский участок вышли 217-я, 290-я, 299-я, 154-я, 258-я стрелковые дивизии 50-й армии. В ходе выхода из окружения 10 октября 1941 г. погиб командующий 50-й армией генерал-майор М. П. Петров. Армию возглавил генерал-майор А. Н. Ермаков. Из 3-й армии Я. Г. Крейзера вышли к 23 октября 280-я, 269-я, 137-я, 282-я и 148-я стрелковые дивизии, 42-я танковая бригада, 4-я кавалерийская дивизия. Первой к 18 октября вышла из окружения 13-я армия: 6-я, 132-я, 143-я, 307-я, 298-я, 155-я и 121-я стрелковые дивизии, 141-я танковая бригада, 55-я кавалерийская дивизия. 143-я дивизия насчитывала на 27 октября 1250 человек, 121-я дивизия — 1306 человек. Выход из окружения многих

соединений Брянского фронта позволил Ставке восстанавливать фронт с затратой меньших сил из резерва и с других участков фронта. Пока обходились отдельными соединениями. В частности, в Тулу была 14 октября перенаправлена 238-я стрелковая дивизия из Средней Азии. Развитие событий с выходом из окружения соединений Брянского фронта даже заставило расформировать 20 октября 26-ю армию, а ее соединения передать в 50-ю армию.

Однако было бы странно, если бы все немецкие командиры ошибались так, как это сделал командир 4-й танковой дивизии под Мценском. Вторая дивизия того же XXIV корпуса, 3-я танковая дивизия, действовала намного успешнее. 22 октября командовавший дивизией Вальтер Модель ушел на повышение, встав во главе XXXXI моторизованного корпуса. Его сменил генерал-лейтенант Герман Брейт. Первой акцией нового командира 23 октября стало создание боевой группы полковника Генриха Эбербаха (командира танковой бригады 3-й танковой дивизии), которой были подчинены как танки 3-й дивизии, так и остатки танкового полка 4-й танковой дивизии незадачливого Лангемана. В качестве сковывающей группы в районе Мценска остались мотопехотные части 4-й танковой дивизии и полка "Великая Германия". С целью обхода плотного заслона на шоссе на Тулу группа Эбербаха организовала форсирование реки Зуша севернее шоссе и переправила на другой берег танки и артиллерию до 88-мм зениток включительно. Переправившись, группа начала наступать на восток, выходя в тыл обороняющимся на шоссе. Тем самым командир 3-й танковой дивизии Г. Брейт сумел продвинуться глубоко вперед, к Плавску, и вынудил советские войска отступить к Туле. Здесь 26 октября наступающих встретили части 108-й танковой дивизии (3 КВ, 7 Т-34, 23 легких танка на 16 октября), вышедшей из брянского "котла". На следующий день 3-я танковая дивизия тем же приемом (форсирование реки севернее заслона на шоссе) вынудила обороняющихся отступить на подготавливаемые с начала октября позиции Тульского боевого участка. Следующим препятствием стала 290-я стрелковая дивизия, опять же недавно вышедшая из брянского "котла". Наконец, 29 октября немцам удалось прорвать ее фронт. Однако продолжившееся наступление на город по шоссе Орел — Тула натолкнулось на сопротивление остатков 154-й и 217-й стрелковых дивизий, опять тех самых, уничтожению которых Г. Гудериан уделил так мало внимания в начале октября. Поддержку обессиленным после длительных маршей поты-лам противника войскам оказывали поставленные на прямую наводку зенитные орудия ПВО

города Тулы. Атаки XXIV корпуса армии Гудериана на Тулу 1 и 2 ноября были успешно отбиты. Ситуацию несколько ухудшил выход в район Тулы соединений 2-й и 4-й полевых армий. Однако их встретили направленные в полосу Брянского фронта еще в первых числах октября 194-я и 238-я стрелковые дивизии, а также вышедшая из окружения 258-я стрелковая дивизия. Г. Гудериан пожинал плоды своего бездумного рывка вперед без образования плотных заслонов на пути окруженных армий Брянского фронта. Искусством отрываться от пехоты и вызывать тем самым неудовольствие командования он овладел в совершенстве, а вот техника "кессельшлахта" (сражения на окружение) у него хромала на обе ноги. Благодаря вмешательству вышедших из окружения остатков соединений ситуацию в районе Тулы удалось стабилизировать. Тем временем 20 октября командованию Дальневосточного фронта был отдано распоряжение отправить на запад 112-ю танковую и 239-ю стрелковую дивизии. Командование Юго-Западного фронта получило приказание направить в район Тулы 2-й кавалерийский корпус П. А. Белова. Этим соединениям суждено будет сыграть решающую роль в обороне Тулы в ноябре 1941 г.

Ополчение. Одним из наименее соответствующих действительности образов осени 1941 г. под Москвой является картина, изображающая безоружного ополченца, бросаемого под немецкие танки. В действительности московские ополченческие дивизии в качестве собственно ополчения в бою не участвовали. В бой подавляющее большинство из них пошли, уже будучи переформированными в обычные стрелковые дивизии.

В истории московского ополчения просматриваются две волны формирования. Первая относится к июлю 1941 г., когда после выступления И. В. Сталина по радио началась запись добровольцев в армию. В этот период были созданы двенадцать московских дивизий народного ополчения — 1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 13-я, 17-я, 18-я и 21-я. На командные должности в звене дивизия — полк в ополченческих соединениях ставились кадровые военные. Например, первым командиром 6-й ДНО стал преподаватель академии им. М. В. Фрунзе генерал-майор Н. М. Дрейер, а 18-й ДНО — полковник П. К. Живалев, участник войны с Финляндией, кавалер ордена Красного Знамени.

Сформированные ополченческие подразделения, однако, отправились не на фронт, а на строившуюся в тылу Можайскую линию обороны. Там они занимались боевой подготовкой и строительством укреплений. Таким образом, первую проверку ополченцы прошли не с винтовками, а с лопатами в руках.

Они копали окопы, противотанковые рвы, эскарпировали берега рек. Часть личного состава дивизий была по итогам первых недель жизни новых соединений комиссована по возрасту и здоровью. В августе на московском направлении царило относительное затишье, а в сентябре дивизии народного ополчения были переформированы по штатам обычных стрелковых дивизий Красной армии. Характерным примером является 6-я ДНО Москвы, в истории которой мы можем прочесть следующее:
"Согласно приказу Народного комиссариата обороны СССР о реорганизации и перевооружении дивизий народного ополчения, 6-я дивизия народного ополчения в конце августа была переведена на организационную структуру и штаты стрелковых дивизий сокращенного состава военного времени, с сохранением существовавшего номера и наименования. Дивизия получила пополнение из состава военнообязанных в количестве 3750 человек, прибывших из подмосковного города Дмитрова" (Струнин В. И. Брестская Краснознаменная. М.: Икар, 1995. С. 8, выделено мной).

В боях под Ельней ополченцы участвовали лишь несколькими небольшими отрядами, подчиненными обычным стрелковым дивизиям. От 6-й дивизии был направлен сводный отряд численностью 700 человек, вооруженный лучшим стрелковым оружием соединения.
В сентябре 1941 г. 6-я ополченческая дивизия, вместе со своими собратьями, уже официально была переформирована в линейное стрелковое соединение Красной армии:
"После освобождения Ельни части дивизии приступили к строительству рубежа обороны и занялись боевой подготовкой. В период нахождения на рубеже обороны 24-й армии дивизия решением Народного комиссариата обороны 19 сентября 1941 года (директива № ОР/2/540129) была включена в кадровый состав Красной армии, получив войсковой номер: 160-я стрелковая дивизия. Общевойсковые номера были присвоены также частям и подразделениям дивизии"{112}.

Аналогичную эволюцию прошли и другие ополченческие дивизии. Некоторые из них сохранили свой номер при переходе из ополчения в обычные соединения Красной армии. Например, 2-я, 8-я, 17-я, 18-я дивизии народного ополчения стали, соответственно, 2-й, 8-й, 17-й и 18-й стрелковыми дивизиями (От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966. С. 21). По

общевойсковой нумерации двенадцать ополченческих дивизий стали, соответственно, 2-й, 8-й, 17-й, 18-й, 29-й, 60-й, 110-й, 113-й, 139-й, 140-й, 160-й и 173-й стрелковыми дивизиями. Они унаследовали номера [269] дивизий Красной армии, сгинувших в сражениях июля-августа 1941 г. В частности, номера 60, 139, 140 и 173 принадлежали соединениям, прекратившим свое существование в уманском "котле". Номера 2, 8, 29 и 113 соответствовали дивизиям Западного фронта, окруженным в первые дни войны под Белостоком.

К моменту вступления в бой в начальной фазе операции "Тайфун" стрелковые дивизии народного ополчения были хорошо, по меркам 1941 г., укомплектованными соединениями. В частности, первой из бывших ополченческих соединений ставшая гвардейской 18-я стрелковая дивизия к 20 сентября 1941 года имела в своем составе: 10 668 человек, автомашин грузовых — 164, карабинов — 6345, самозарядных винтовок СВТ — 1366, станковых пулеметов — 129, ручных пулеметов — 164, пистолетов-пулеметов ППД — 160; орудия: пушки 76-мм — 28, 37-мм зенитных — 14, гаубиц 122-мм — 8. При этом нужно отметить, что на 3 сентября 18-я стрелковая дивизия была укомплектована хуже всего из дюжины ополченческих дивизий. Из вяземского "котла" дивизия смогла вырваться, и в дальнейшем 18-я дивизия сражалась под Волоколамском плечом к плечу с панфиловцами и сибиряками А. П. Белобородова. Уже к началу сентября все ополченческие дивизии были на 100% укомплектованы стрелковым оружием, причем это относилось не только к винтовкам, но и к новейшим пистолетам-пулеметам. Из 162 положенных по штату ППД или ППШ абсолютно все ополченские дивизии имели по 162 единицы.

В докладе заместителя наркома обороны СССР Е. А. Щаденко (возглавлявшего в тот период Главное управление формирования и укомплектования Красной армии), адресованном И. В. Сталину, состояние экс-ополченческих дивизий к началу сентября 1941 г. характеризуется следующим образом:

"1. Младшим начальствующим и рядовым составом, лошадьми и обозом дивизии Народного ополчения обеспечены.

2. Начальствующим составом дивизии Народного ополчения недоукомплектованы на 15%.

Для покрытия этого некомплекта в дивизиях имеется начальствующий состав, состоящий на должностях младшего начальствующего и рядового состава,

который распоряжением командующих армий и фронта может быть использован по прямому назначению.

3. Дивизии Народного ополчения перевооружены и снабжены оружием отечественного производства: а) стрелковым оружием, 50-мм минометами и 76-мм дивизионными пушками — полностью; б) 82 мм минометами — на 39%, 120-мм минометами на 15%, 45-мм пушками на 16% и 76-мм полковыми пушками на 32%; в) средствами связи — на 20—45%"{113}.

Слабым местом была артиллерия, но абсолютно все ополченческие дивизии уже в начале сентября 1941 г. имели в артиллерийском полку шестнадцать 76,2-мм дивизионных пушек. Эти орудия еще до войны были в избытке, и "трехдюймовки" были обязательным атрибутом всех новых формирований. Иногда вместо них дивизии вооружались 75-мм французскими пушками, аналогичными по своим боевым характеристикам отечественным "трехдюймовкам". В целом прослеживается следующий путь: формирование ополчения преимущественно из добровольцев, длительная боевая подготовка и переформирование в обычную стрелковую дивизию.

Может быть, иной была судьба ополченцев второй волны формирования, создававшихся, когда враг вплотную подошел к Москве? Нет, это не так. Можно сказать больше. На 1 октября 1941 г. на территории Московского военного округа в стадии формирования находилось семь стрелковых дивизий: 201-я, 322-я, 324-я, 326-я, 328-я, 330-я и 332-я (Боевой состав Советской армии. Часть 1. (июнь — декабрь 1941 г.). М.: Военно-научное управление Генерального штаба, 1965. С. 55). Однако в бой их бросать не спешили, еще "сырые" соединения занимались боевой подготовкой. Удар "Тайфуна" отражали переброшенные с других участков фронта и из Сибири дивизии и бригады. В бой формируемые дивизии пошли только в декабре 1941 г. во время контрнаступления под Москвой. То же самое произошло с ополченцами формирования октября 1941 года. Они были размещены в непосредственной близости от Москвы, занимаясь боевой подготовкой и строительством укреплений. Например, 4-я и 5-я Московские стрелковые дивизии располагались в районе Кунцево, тогда — пригорода Москвы. При этом вопреки распространенному мнению уже к концу октября они были неплохо вооружены стрелковым оружием. Так, при общей численности личного состава четырех московских ополченческих дивизий 39 тыс. человек у них было 28 тыс. винтовок, 1489 пулеметов и 59 автоматов{114}. Тезис об одной винтовке на

пятерых в связи с приведенными цифрами представляется явно надуманным. Однако в первую линию свежеиспеченные соединения пока не ставили. Фактически ополченцы подстраховывали армии на защите столицы и могли вступить в бой только при совсем уж катастрофическом развитии событий. Причем ополченческие соединения были даже не во втором, а в третьем эшелоне: второй эшелон составляли формировавшиеся с августа стрелковые дивизии. В бою в оборонительной фазе московской битвы удалось поучаствовать только отдельным частям рабочих дивизий, численностью не больше батальона. Чаще всего это были взводы-роты, производившие разведку и вступавшие в короткий огневой контакт с противником.

Вскоре эти четыре дивизии народного ополчения, как и их предшественники из первой волны ополченческих дивизий, были переформированы в обычные стрелковые дивизии:

"В первой половине января во всех частях московских рабочих дивизий были проведены полковые, батальонные и ротные учения, которые явились смотром боевой готовности всего личного состава дивизий. В результате большого опыта, накопленного московскими рабочими дивизиями на строительстве оборонительных рубежей и в боевых операциях, и весьма длительной боевой подготовки дивизии московских рабочих превратились во вполне боеспособные воинские соединения. Это было закреплено в приказе народного комиссара обороны Союза ССР от 15 января 1942 г. о переводе сформированных 2-й, 3-й, 4-й и 5-й московских стрелковых дивизий на содержание по штату 04/750 и полном их укомплектовании к 22 января 1942 г. Дальнейшим развитием этого приказа явилось присвоение московским стрелковым дивизиям новых номеров — 129, 130, 155, 158. 24 января 1942 г., после того как было закончено полное укомплектование этих дивизий, издан приказ Генерального штаба Красной армии о формировании и включении в состав Красной армии московских стрелковых дивизий"{115}.

Так завершилась история ополченцев, породивших впоследствии столько легенд о безоружных рабочих и служащих, останавливавших "коктейлем Молотова" немецкие танки. В действительности в бой в первой линии вступали только соединения, получавшие статус стрелковой дивизии и то после сравнительно долгой боевой подготовки.

Итоги первой фазы битвы за Москву. В результате предпринятого в октябре наступления немецким армиям удалось продвинуться на 230—250 км в

направлении Москвы. Также были развиты операции на флангах, по обеим сторонам от Москвы, на Калинин и на Тулу. Использование момента внезапности позволило им нанести поражение крупной группировке советских войск в районе Вязьмы и Брянска. Средний темп наступления составил около 10 км в сутки.

Основным результатом, достигнутым немецкими войсками в начальной фазе операции "Тайфун", было сокрушение войск трех советских фронтов на дальних подступах к столице СССР. 19 октября 1941 г. командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Федор фон Бок в дневном приказе своим войскам писал:

"Сражение за Вязьму и Брянск привело к обвалу эшелонированного в глубину русского фронта. Восемь русских армий в составе 73 стрелковых и кавалерийских дивизий, 13 танковых дивизий и бригад и сильная армейская артиллерия были уничтожены в тяжелой борьбе с далеко численно превосходящим противником.

Общие трофеи составили: 673 098 пленных, 1277 танков, 4378 артиллерийских орудий, 1009 зенитных и противотанковых пушек, 87 самолетов и огромные количества военных запасов"{116}.

Разумеется, эти данные немецкой стороной были несколько завышены. Под Вязьмой в окружение попали 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и управления 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий Западного и Резервного фронтов. Организационно эти войска подчинялись 22-й, 30-й, 19-й, 19-й, 20-й, 24-й, 43-й, 31-й, 32-й и 49-й армиям и оперативной группе Болдина. Под Брянском в окружении оказались 27 дивизий, 2 танковые бригады, 19 артиллерийских полков РГК и управления 50-й, 3-й и 13-й армий Брянского фронта. Всего было окружено семь управлений армий (из 15 всего на западном направлении), 64 дивизии (из 95), 11 танковых бригад (из 13) и 50 артиллерийских полков РГК (из 64). Эти соединения и части входили в состав 13 армий и одной оперативной группы. Однако не все эти соединения были уничтожены. Из вяземского "котла" так или иначе пробились остатки 16 дивизий. Управление 16-й армии уже в первые дни сражения было эвакуировано для объединения войск в северном секторе Можайской линии обороны. Намного менее результативно было проведено сражение на окружение 2-й танковой группой Гудериана. Из брянского "котла" к 23 октября 1941 г. вышли все три полевых управления армий и остатки 18 дивизий. Всего

же из этих двух районов окружения пробилось 34 дивизии и 13 артиллерийских полков РГК. Конечно, в ходе выхода из окружения все эти соединения понесли тяжелые потери и сохранились лишь как организационные единицы. Например, в 248-й стрелковой дивизии остался 681 человек. В 13-й армии, насчитывавшей к 30 сентября восемь дивизий и 169 танков, к 18 октября людей стало меньше, чем в одной дивизии. В 50-й армии осталось около 10% людей и 2,4% орудий и минометов.

Помимо замедления продвижения немецких войск на московском направлении советским войскам удалось предотвратить образование еще одного окружения, на этот раз в полосе Северо-Западного фронта на смежных флангах групп армий "Север" и "Центр". Продвижение развернутой на Калинин 3-й танковой группы в северном направлении удалось остановить контратаками рокированных с Северо-Западного фронта войск. Помимо предотвращения еще одной катастрофы, этими действиями была оказана существенная помощь войскам Западного фронта на Можайской линии обороны. В результате поворота на Калинин и в упорных боях вокруг города оказалась связанной значительная часть немецких войск, которые не могли быть привлечены для наступления на Москву. Прорвавшиеся из окружения под Брянском соединения предотвратили захват противником города Тулы. Бои под Тулой также не увенчались успехом для одного из сильнейших объединений вермахта — 2-й танковой группы Г. Гудериана. Немецким войскам не удалось взять Тулу с хода, последующие фронтальные же атаки становились длительными и малорезультативными. Также провалились попытки овладеть Тулой путем обхода подошедшими пехотными соединениями. Город русских оружейников стал одним из несокрушимых бастионов обороны Москвы и заслужил звание города-героя.

Говоря о действующих факторах первой фазы сражения за Москву, необходимо сказать несколько слов о роли распутицы в развитии наступления немецких войск на московском направлении. Немецкие историки и мемуаристы часто указывают на раскисшие дороги как основной фактор неудач группы армий "Центр" в октябре 1941 г. Основная ошибка здесь — это тезис о том, что распутица не оказывала воздействия на советские войска. Раскисшие в период дождей дороги действовали на обе стороны конфликта. Более того, состояние дорог оказывало поистине катастрофическое воздействие на отступающие советские войска. Особенно это касалось войск, пробивавшихся из окружений. Из-за грязи и бездорожья потеряли в октябре 1941 г. значительную часть своих

орудий, автотранспорта и радиостанций части 3-й и 13-й армий Брянского фронта. Застрявшие и вышедшие из строя машины советские войска были вынуждены оставлять противнику или уничтожать. Для наступающих немецких войск застревание или даже поломки автотранспорта, танков и тягачей не означали автоматически их безвозвратной потери для вермахта. В своем докладе в штаб фронта командующий 16-й армией генерал К. К. Рокоссовский отмечал:
"Состояние дорог настолько плохое, что создается угроза невозможности вывести материальную часть артиллерии и всех типов машин"{117}.

Бывший заместитель командующего 49-й армии по тылу Н. А. Антипенко позднее вспоминал:
"Трудно было в дни подмосковных сражений в осеннюю пору распутицы. Дорожные войска только-только сколачивались, дорожной техники было мало, к ней тогда относили топоры, лопаты, грейдеры на конной тяге. Старым способом "раз, два взяли" вытаскивались десятки и сотни машин там, где создавались пробки. Для улучшения дорог на фронте применялись жердевки, лежневки, колейно-брусчатые дороги. На наиболее трудных участках имелись дежурные тракторы, вытаскивавшие застревающие машины"{118}.

Здесь следует отметить, что инженерные части вермахта обладали совершенной строительной техникой, позволявшей им сравнительно быстро строить гати по раскисшим дорогам.
Нельзя утверждать также, что снижение проходимости проселочных дорог существенно повысило тактические возможности советских войск по обороне направлений. Наиболее характерным контрпримером в этом отношении являются боевые действия боевой группы Эбербаха в ходе наступления на Тулу 23—24 октября 1941 г. Наступающий XXIV моторизованный корпус 2-й танковой армии Гудериана, встретив в ходе продвижения на Тулу сопротивление советских войск в районе Мценска, предпринял обходной маневр по бездорожью. Была организована боевая группа Эбербаха, которая сумела форсировать реку Зуша к северу от Мценска и выйти в тыл оборонявшимся на шоссе советским войскам. В состав обходящей группы были включены танки 3-й и 4-й танковых дивизий, а также 88-мм зенитные орудия. Тем же приемом — обходом заслона на шоссе по бездорожью — 3-й танковая дивизия воспользовалась вплоть до выхода соединения на ближние подступы к

Туле. Эффективность подобных обходных маневров была, конечно же, меньше, чем летом 1941 г. Но это следует отнести за счет усталости немецких войск и снижения боевой численности подразделений. Также следует отметить, что размокшие в результате дождей дороги уже становились действующим фактором ведения боевых действий. В июле 1941 г. дожди размыли как дороги Западного, так и Юго-Западного направлений. Тем не менее превращенные в месиво дороги Украины и Белоруссии не помешали немецким войскам осуществить окружение советских войск под Смоленском и Уманью.

Поэтому воздействие природных факторов не следует считать основной причиной замедления наступления на Москву после завершения окружения войск трех советских фронтов под Вязьмой и Брянском. Основным действующим фактором были эффективные контрмеры советского командования — перегруппировки войск и ведение боев с опорой на строившиеся с лета 1941 г. инженерные сооружения.

В результате организованного сопротивления советских войск основная цель операции "Тайфун" в октябре 1941 г. достигнута не была: Москва не была взята, и сопротивление советских войск не было сломлено. Более того, своевременным маневром силами и средствами из резервов Ставки и с других участков фронта, а также из не затронутых войной округов система обороны на московском направлении была восстановлена.

Круг четвертый. В стороне от "Тайфуна"

Репетиция Сталинграда. Смещение центра тяжести операций немецких войск на Украине к югу было предопределено директивой ОКВ № 34. В дополнении к директиве № 34 от 12 августа 1941 г. было сказано:

"Овладеть Крымом, который, будучи авиабазой противника, представляет особенно большую угрозу румынским нефтяным районам".

30—31 августа 11-й армией Шоберта был захвачен плацдарм на Днепре у Берислава (Каховки). В начале сентября плацдарм был расширен, и 11 сентября с него развилось наступление немцев в направлении Крыма.

Поворот основных сил немцев в Крым создал благоприятную обстановку для реализации стратегии "иглоукалывания" и нанесения контрудара во фланг. В связи с этим в штабе Южного фронта сложился замысел о ликвидации

прорвавшейся с Каховского плацдарма немецкой группировки под Мелитополем.

Началась подготовка операции с рокировки сил с правого фланга фронта. 18 сентября командующий фронтом Д. И. Рябышев в порядке реализации своего замысла о наступлении в полосе 18-й и 9-й армий решил взять из 12-й армии 270-ю стрелковую дивизию и передать ее в 18-ю армию. Одновременно в распоряжение фронта прибывало из Грузии свежее соединение — 4-я стрелковая дивизия под командованием И. П. Рослого. Она еще не участвовала в боях, являясь в то же время ветераном финской кампании. Дивизия была полностью укомплектована по штатам военного времени: 550 автомашин, 3000 лошадей, 72 орудия и 66 минометов. Также в район Мелитополя прибывали 2-я и 15-я танковые бригады, 520-й, 531-й артиллерийские полки ПТО из Подольска и 65-я истребительная авиадивизия. 19 сентября замысел наступательной операции 18-й и 9-й армий был проработан в деталях и передан на утверждение в Ставку. Не дожидаясь ответа, командование фронта 20 сентября поставило войскам этих армий наступательные задачи. Начало операции намечалось на 23 сентября.

Однако на фоне катастрофы под Киевом командование не поддержало инициативу командования Южного фронта и в ночь на 22 сентября ответило директивой за подписью Б. М. Шапошникова:

"Ставка Верховного главнокомандования считает, что в данный период времени не накоплено достаточных сил для того, чтобы провести операцию по установлению непосредственного сообщения с Крымом, а поэтому предлагает от этой операции временно воздержаться".

Были разрешены лишь частные операции. 25 сентября Б. М. Шапошников подтвердил свое мнение:

"Переход в общее наступление 18-й и 9-й армий нецелесообразен".

Дальнейшая история носит полудетективный характер. Операция, которая не была одобрена маршалом Шапошниковым, состоялась! Немцы назвали ее "наступление у противотанкового рва у Тимошевки". Видимо, это циклопическое сооружение от Днепра до Азовского моря, наследник Великой китайской стены, произвело неизгладимое впечатление на всех, кто его видел. По иронии судьбы в немецких и румынских дивизиях, действовавших на этом направлении, не было ни одного танка.

Командующий 11-й немецкой армией Эрих фон Манштейн сосредоточил свое внимание на захвате Крыма и оставил против наших 18-й и 9-й армий только части румынских горно-стрелкового и кавалерийского корпусов, 170-ю и 72-ю пехотные дивизии, выведя XXXXIX горный корпус Людвига Кюблера в свой резерв. В дальнейшем предполагалось использовать горных егерей в Крыму. С воздуха немецкие войска в районе Мелитополя прикрывались II группой 77-й истребительной эскадры на самолетах Bf109E.

Наступление основных сил 9-й и 18-й армий началось 26 сентября. Удар северного крыла наступления пришелся по румынскому горному корпусу. 18-я армия наступала параллельно течению Днепра при поддержке танков и артиллерии. В первый же день наступления ей удалось продвинуться на 10 километров, 4-я румынская горно-стрелковая бригада была разбита, потеряв основную массу своей артиллерии. Наступление было остановлено только в районе населенного пункта Большая Белозерка, где находившийся на отдыхе 13-й горно-егерский полк собрал отходившие в беспорядке румынские войска вокруг себя. Южная ударная группировка (9-я армия) нащупала стык между 170-й и 72-й пехотными дивизиями и стала пробиваться на Епизаветовку, продвинувшись на 10 км и обойдя фланг 170-й пехотной дивизии.

Однако немецкое командование не отнеслось серьезно к советской атаке и распорядилось отправить XXXXIX горный корпус в Крым. Только тяжелая артиллерия и противотанковые батальоны дивизий корпуса, а также корпусная артиллерия все еще оставались в полосе наступающих советских армий с целью стабилизации положения румынских войск. В тот же день 26 сентября были взломаны укрепления на Перекопе и пересечен Татарский вал, что делало поддержку горных войск весьма актуальной. Горные егеря Кюблера в ночь с 26 на 27 сентября совершали марш по раскисшим дорогам ногайской степи, думая о теплом полуострове с привычным горным рельефом вместо степей Украины.

Но шагающие в пелене дождя егеря не знали о том, что в 16.30 26 сентября командующий 18-й армией А. К. Смирнов подписал приказ о наступлении. 27 сентября ситуация для немцев стала критической. Надо сказать, что замысел операции был достаточно интересным — правый фланг ударной группировки 18-й армии прикрывался Днепровскими плавнями. Одновременно войска 18-й армии обрушились на центр построения румынского горного корпуса. Не в силах противостоять удару 4-й и 164-й стрелковых дивизий, 2-й танковой бригады полковника И. Р. Лашко, румынские бригады бегут. Их обломки под

руководством командующего артиллерией XXXXIX горного корпуса полковника Винтергерста судорожно строят к югу от Малой Белозёрки оборонительный рубеж. Оборона 11-й полевой армии оказывается прорвана на глубину 20 км и на фронте 35 км. Вследствие этого XXXXIX горный корпус, который к тому времени удалился от поля сражения на 70 км, достигнув Ивановки и Нижних Серогоз, был вынужден развернуться на 180 градусов и вновь десятки километров месить грязь в темноте сентябрьской ночи. Отмечаю этот факт как свидетельство того, что не только советское командование было вынуждено разворачивать подчиненные соединения и бросать их в утомительные марши. Успех сопутствовал тому, кто организованно совершал марш и был после него в состоянии вступить в бой.

Близкой к кризисной, хотя и менее драматичной, была обстановка в полосе наступления 9-й армии, вклинившейся между румынскими кавалеристами и XXX армейским корпусом. Немцы были вынуждены подпирать оборону румын боевой группой Шольтица из подразделений 22-й пехотной дивизии (пехотный полк, разведывательный батальон, противотанковый батальон и дивизион артполка), большей частью находившейся на берегу Сиваша.

Атакованные ранним утром с воздуха, горные егеря днем 28 сентября с марша вступают в бой с прорвавшимися советскими частями и пытаются восстановить целостность рассыпавшейся обороны. Немцы традиционно встречают трудности в поражении Т-34 и КВ, множество 37-мм противотанковых пушек оказываются раздавленными. Только 50-мм ПАК-38 в благоприятных условиях поражали КВ и Т-34. Но в отличие от румын горный корпус Кюблера уже имел опыт таких боев. Более того, он был одним из первых соединений вермахта, встретившихся с КВ и Т-34: уже 25 июня 1941 г. горные егеря столкнулись с массами новых танков 4-го механизированного корпуса в Яновских лесах у Львова.

Бои горного корпуса и советской пехоты продолжились 29-го числа. 1-я и 4-я горно-егерские дивизии корпуса Кюблера были сосредоточены против ударной группировки 18-й армии. Соответственно, 4-я горно-егерская дивизия была направлена против 164-й стрелковой дивизии, а 1-я горно-егерская против 4-й стрелковой дивизии в промежутке между Малой и Большой Белозёркой. С утра немцы пытались наступать, но были остановлены артиллерийским огнем. В 15.00 98-й полк 1-й горно-егерской дивизии Хуберта Ланца пережил атаку 17 танков, заявил об уничтожении 6 машин ценой потери 3 противотанковых пушек. В последующие дни советское командование вынуждено было

остановить наступление. Уже 27 сентября командование Южного фронта приказало перебросить 15-ю танковую бригаду, 30-ю кавалерийскую дивизию и 530-й артполк ПТО в полосу 12-й армии. 30 сентября А. К. Смирнову было приказано вывести из боя 136-ю стрелковую дивизию, 2-ю танковую бригаду для переброски на автотранспорте на правый фланг фронта. Это произошло в связи с тревожными событиями на фронте 12-й армии И. В. Галанина, атакованной в районе Новомосковска танками III моторизованного корпуса Э. фон Маккензена. Необходимость парировать начавшееся немецкое наступление на Донбасс вынудила отказаться от продолжения операции под Мелитополем.

С оперативной точки зрения наступление 9-й и 18-й армий заставило немцев повернуть от Крыма XXXXIX горный корпус и бросить его на восстановление рассыпавшегося фронта румынских соединений. Горные егеря оказались бы весьма кстати в изобилующем горным ландшафтом Крыму, но вместо этого вынуждены были надолго увязнуть в гладких как стол Ногайских степях. Не будет преувеличением сказать, что бросок 9-й и 18-й армий стал для Севастополя спасением и перевел бои вокруг города в фазу затяжной позиционной войны. Произошло это потому, что до прибытия Приморской армии в Крым не ворвался лишний немецкий корпус. Вторым объективным результатом стали большие потери XXXXIX корпуса, одного из элитных соединений вермахта. Описывая события у "противотанкового рва", историограф корпуса Ганс Штеец употребляет слово "кровопускание" (Aderlass). Батальоны 1-й горно-егерской дивизии поредели до 200—300 штыков.

Помимо всех этих объективных результатов, наступление под Мелитополем имело и своеобразный символический смысл. Во-первых, оно стало первой реализацией сценария, преследовавшего известного немецкого военачальника Э. фон Манштейна в целой череде сражений на советско-германском фронте. Тщательно спланированная операция срывалась, поскольку советские войска наносили неожиданный удар во фланг, вырывавший из рук Манштейна тот последний корпус, который мог решить исход сражения. В сентябре 1941 г. это были горные егеря Кюблера, осенью 1942 г. — XXX корпус из Крыма, скованный наступлением 2-й ударной армии в Синявинской операции. Под Курском в июле 1943 г. Манштейном была спланирована хитроумная комбинация, позволившая взломать оборону Воронежского фронта на всю глубину и измотать стратегические резервы советского командования. Однако XXIV танковый корпус, вместо того чтобы стать последним средством для

взлома обороны Курской дуги на обояньском направлении, был брошен на отражение наступления советских войск на Миусе. Во-вторых, мелитопольская операция стала репетицией Сталинграда. В силу того, что наступление было прервано, немцы не успели или не захотели сделать вывод о реальной цене румынской армии. Это пришлось сделать уже после войны:

"Румынский солдат был смел, но тем не менее его образование и вооружение были недостаточны. Приложенная ему противотанковая оборона была недостаточна и устарела. При появлении русских танков уже нельзя было считаться с одной выдержкой румынского подразделения. [...] Унтер-офицерский корпус и среднее руководство не соответствовали требованиям современной борьбы. Это было следствием отсутствия основательной боевой подготовки, необходимого опыта и обучения в сражении. Выводов из этого сделано не было. Румынские подразделения назначались далее согласно немецким принципам (имеется в виду постановка задач румынским соединениям. — А. И.). Катастрофа Донского фронта в 1942/43 году была неизбежным следствием этого"{119}.

Ганс Штеец повторяет эту мысль дважды, в начале и в конце главы о советском наступлении 25—28 сентября, проводя аналогии со Сталинградом, сетуя на то, что из первого неудачного опыта использования румынских союзников на фронте не были сделаны соответствующие выводы.

"Младший брат" Вязьмы и Брянска. На октябрь 1941 г. на фронте групп армий "Центр" и "Юг" немцами были задуманы три широкомасштабные операции на окружение с использованием всех четырех танковых групп, основного инструмента организации "котлов". Первые две, проводившиеся в рамках операции "Тайфун" на московском направлении и закончившиеся окружением Западного, Резервного и Брянского фронтов, достаточно хорошо известны. Третья, реализованная группой армий "Юг", известна в куда меньшей степени.

Несмотря на то что в битве за Москву была задействована часть соединений первоначального состава 1-й танковой группы (9-я, 11-я танковые, 16-я, 25-я моторизованные дивизии), в распоряжении командования группы армий "Юг" осталось вполне достаточно подвижных соединений для проведения крупных наступательных операций. Это III (13-я танковая дивизия, моторизованная дивизия СС "Викинг", словацкая моторизованная дивизия), XIV (14-я и 16-я танковые дивизии) моторизованные корпуса и итальянский подвижный корпус (3-я моторизованная дивизия и дивизии "Пасубио" и "Турино"). Кроме того, в

полосу 11-й армии 29 сентября прибыла мотопехотная бригада СС "Лейб-штандарт Адольф Гитлер".

План немецкого командования по овладению Донбассом заключался в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям 1-й танковой группы из района Днепропетровска и 11-й армии из Северной Таврии окружить и уничтожить армии Южного фронта восточнее Мелитополя. По сути, немецкое командование воспроизводило сценарий сражения в районе Умани, "асимметричные канны", когда окружение достигалось глубоким охватом танковым клином, соединявшимся с пехотными частями. Для выполнения перечисленных задач была в сжатые сроки создана сильная ударная группировка подвижных соединений на стыке Юго-Западного и Южного фронтов в районах Красноград и Ново-Московск.

Началось наступление немцев с частной операции 27—28 сентября, когда 13-я танковая дивизия В. Дюверта во взаимодействии с итальянскими дивизиями "Пасубио" и "Турино" форсировала реку Орель и пошла на соединение с застрявшими на Днепропетровском плацдарме 198-й пехотной, 60-й моторизованной дивизиями и дивизией СС "Викинг". В результате этого была окружена у Днепропетровска 273-я стрелковая дивизия.

29 сентября основные силы 1-й танковой группы возобновили наступление против правого фланга 12-й армии генерал-майора И. В. Галанина. Несмотря на прибытие выведенных из боя в районе Мелитополя соединений, в частности 15-й танковой бригады, переломить ход событий в свою пользу нашим войскам не удалось. В ходе встречного танкового сражения немецкими танкистами были применены кумулятивные снаряды к короткоствольным 75-мм пушкам танков Pz.IV, позволившие поражать КВ и Т-34 на дистанции до 800 м. Под ударами немецких танков 12-я армия вынуждена была начать отход. Рокировка резервов, на этот раз 150-й и 296-й стрелковых дивизий из 9-й армии в 12-ю, ситуацию уже радикально не изменяла.

Осознание угрозы тылу 12-й, 18-й и 9-й армий пришло не сразу. Только в 3 часа ночи 4 октября, чтобы не допустить охвата противником своих войск, Д. И. Рябышев приказал 12-й армии к утру 5 октября отойти на подготовленный оборонительный рубеж Павлоград, Любицкое, а 18-й и 9-й армиям отойти на рубеж Любицкое, Большой Токмак, Мелитополь, оз. Молочное. К тому моменту в 12-ю армию прибыл еще один участник наступления Южного фронта, 2-я танковая бригада.

Остановить наступление противника на указанном рубеже Южному фронту не удалось. Уже 4 октября дивизии 1-й танковой группы прорвались в стыке 12-й и 18-й армий и, развивая наступление на юго-восток, соединились 7 октября в районе Андреевки (Осипенко) с румынским кавалерийским корпусом, прорвавшимся севернее Мелитополя. Одновременно вдоль берега моря прошли моторизованная бригада СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер", 72-я пехотная дивизия и группа Шольтиц из 22-й пехотной дивизии. Пока еще разреженное кольцо окружения вокруг 18-й и 9-й армий замкнулось. Нашим войскам пришлось с боями пробиваться на Волноваху и Мариуполь. Восточный фронт кольца образовывали 16-я и 14-я танковые дивизии, а севернее их занимала позиции 60-я моторизованная дивизия. Роль "молота" для этой бронированной "наковальни" выполняли соединения XXXXIX горного корпуса и 170-я пехотная дивизия, наступавшие на 9-ю и 18-ю армии с запада.

Но в октябре месяце возможности немецких войск были уже не те, что в августе у Умани и в сентябре под Киевом. В боевую линию командир 16-й танковой дивизии генерал Хубе был вынужден поставить даже саперный батальон соединения. Стык с соседом справа, 14-й танковой дивизией, просто отсутствовал. Получалось не разбивание молотом о наковальню, а продавливание через "сито". Но не все прорывы заканчивались удачно. На заслон из батареи противотанковых пушек и легких пехотных орудий 16-й танковой дивизии напоролась колонна, возглавлявшаяся командующим 18-й армией А. К. Смирновым. В ходе боя командарм погиб. Найденное на поле сражения тело Смирнова было по приказу командира немецкой танковой дивизии Ганса-Валентина Хубе захоронено с воинскими почестями. В жестокой битве на уничтожение противники все же пытались сохранять человеческое лицо. В окружении также погиб начальник артиллерии 18-й армии А. С. Титов, член Военного совета А. М. Миронов. На участке 16-й танковой дивизии попал в плен командир 51-й стрелковой дивизии генерал-майор П. Г. Цирульников. Много людей и техники потеряла в бою с 14-й танковой дивизией у Гусарки дебютант Южного фронта, 4-я стрелковая дивизия. В прорыве у Гусарки погибли начальник штаба соединения подполковник Прокопенко и командир 39-го полка майор А. И. Попов.

8 октября также было отмечено уплотнением кольца окружения, теперь контакт с танковыми частями Клейста установили не только румынские кавалеристы, но и горные егеря. Если последней цитаделью окруженных под Уманью стало село Подвысокое, то в октябре 1941 г. местом жарких боев стала деревня

Семеновка. 9 октября Семеновка была занята 1-й горно-егерской дивизией, и 10-го числа сражение завершилось. Открытая местность Ногайских степей в отличие от Зеленой Брамы и лесов под Киевом не благоприятствовала длительному сопротивлению окруженных.

Оперативная группа штаба 18-й армии, возглавлявшаяся В. Я. Колпакчи, вышла из окружения 10 октября. В тот же день вышли части 130-й стрелковой дивизии, остатки 176-й, 274-й и 164-й стрелковых дивизий. 13 октября к 18-й армии присоединились остатки 96-й горно-стрелковой дивизии. 10 октября вышли из окружения остатки 30-й и 218-й стрелковых дивизий, два полка 99-й стрелковой дивизии, 23-й стрелковый полк 51-й стрелковой дивизии. Уже 11 октября командующий Южным фронтом считал обе пострадавшие армии восстановленными и директивой за № 0195 определил боевой состав 18-й (383-я и 99-я стрелковые дивизии, остатки 164-й и 4-й стрелковых дивизий, 38-я кавалерийская дивизия) и 9-й (395-я стрелковая дивизия, остатки 30-й, 51-й, 176-й, 218-й стрелковых дивизий) армий. Уже в разгар сражения последовали оргвыводы — 6 октября Д. И. Рябышев был снят с поста командующего Южным фронтом и впоследствии постов выше командующего армией не занимал.

В качестве результатов сражения на окружение у Мелитополя немецкой стороной были заявлены 100 тыс. пленных. Выглядят эти цифры столь же малоубедительно, как и 600 тыс. пленных в "котлах" перед фронтом группы армий "Центр" октября 1941 г. И в том, и в другом случае имело место массовое просачивание окруженцев через рыхлые "клешни" моторизованных корпусов. Согласно советским данным, безвозвратные потери Южного фронта за всю Донбасско-Ростовскую оборонительную операцию (29 сентября — 16 ноября 1941 г.) составляют 132 014 человек.

Высвободившиеся после ликвидации "котла" 170-я и 22-я пехотные дивизии были брошены немцами в Крым, куда к тому моменту была эвакуирована из Одессы Приморская армия, существенно изменившая баланс сил на полуострове. Горный корпус Кюблера в Крым так и не попал.

На первый взгляд события на Южном фронте в конце сентября — начале октября 1941 г. выглядят однозначно. Наступление у Мелитополя ослабило правый фланг фронта, что привело к прорыву танков Клейста в тыл и окружению 9-й и 18-й армий. Но это весьма поверхностный взгляд на вещи. Во-первых, для того чтобы сдержать танковую группу, нужно было достоверно выявить точку ее удара и уплотнить фронт в этой точке. Ни в одной

оборонительной операции 1941 г. это сделать не удалось. Везде танковый удар был внезапным и сокрушительным. Достоверно определить группировку и направления ударов противника оказалось нетривиальной задачей и под Курском в 1943 г., когда в распоряжении советского командования была двухмесячная оперативная пауза. В 1941 г. каскад немецких операций на окружение следовал без подобных промежутков. Ожидание под Вязьмой и Брянском ударов вдоль крупных магистралей и уплотнение фронта на них не дали результата, немецкие танковые армии выбрали другие маршруты. Молниеносная рокировка на Кременчугский плацдарм 1-й танковой группы сделала неизбежной киевскую катастрофу сентября 1941 г. Во-вторых, обратной стороной ослабления войск в неудачных наступлениях было уплотнение немцами фронта на возможных направлениях ударов Красной армии с расходом сил, которые могли быть брошены на острие собственного наступления.

Если эффект от уплотнения фронта 12-й армии представляется сомнительным, то отказ Д. И. Рябышева от активных действий мог привести к поистине катастрофическим последствиям. В Крым были бы переброшены горные егеря Кюблера и дивизии XXX армейского корпуса. Вполне вероятным представляется также использование в Крыму вместо импровизированной группы Циглера полноценного моторизованного соединения — бригады СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер". В отсутствие наступления, сковавшего главные силы 11-й армии, Крым был бы захвачен превосходящими силами немцев до переброски из Одессы в Севастополь Приморской армии. Последней пришлось бы эвакуироваться уже в Новороссийск. После разгрома советских войск в Крыму 11-я армия могла всеми силами развернуться против Южного фронта и повторить случившееся в реальном октябре 1941 г. с еще более оглушительными результатами.

Осуждая "бессмысленные контрудары" 1941 г., исследователи зачастую смотрят на них глазами участников событий, которые не знали реальных результатов своих действий. Помимо замысла контрудара, который чаще всего не реализовывался, есть объективное значение операции, чаще всего неизвестное солдатам и генералам с советской стороны. Они были подобны фехтовальщикам в темноте, судившим об успехе выпадов по косвенным признакам, и остались в неведении за "железным занавесом" 50—60-х. Между тем объективным значением в целом неудачной Мелитопольской операции было спасение Крыма. Контрудары Красной армии нарушали планы

противника, заставляли импровизировать, ошибаться. Именно это в конце концов привело к краху немецкого плана войны.

Восстановление Южного фронта. Успешному латанию дыр благоприятствовала в целом спокойная обстановка у северного соседа. На харьковском направлении наступление 17-й немецкой армии, начавшееся 6 октября, несмотря на ее численное превосходство в силах над завесой советских войск, построенной на месте рухнувшего Юго-Западного фронта, сдерживалось войсками 6-й армии и протекало очень медленно. Правофланговые соединения 17-й армии смогли за 4 дня продвинуться на 25—30 км, а атаки войск ее центра были отбиты войсками 6-й армии.

12-я армия Южного фронта к 10 октября организовала оборону на рубеже Павлоград — Васильковка — Гавриловка, а войска 18-й армии, в командование которыми после гибели в окружении А. К. Смирнова вступил генерал-майор В. Я. Колпакчи, пробившись через неплотный фронт немецких войск, отходили: первая на Сталино, вторая — в район севернее Таганрога. Аналогичные по сути задачи решала 9-я армия Южного фронта.

Чтобы не допустить прорыва противника к Ростову, 9-я армия была усилена двумя стрелковыми и тремя кавалерийскими дивизиями. Для прикрытия подступов к Ростову 10 октября был создан Таганрогский боевой участок в составе 150-й, 339-й, 30-й стрелковых дивизий и 26-го мотоциклетного полка. На войска этого участка была возложена задача к исходу 13 октября организовать оборону по восточному берегу р. Миус от Успенской до Таганрога.

Противник, продвигаясь подвижными соединениями 1-й танковой армии (такое название получила 1-я танковая группа Э. фон Клейста в начале октября) вдоль побережья Азовского моря, к 14 октября передовыми частями подошел к реке Миус севернее Таганрога, где встретил сопротивление войск Таганрогского боевого участка. Кроме того, над флангом этой группировки противника нависали основные силы 9-й армии, отошедшие на рубеж Покрово-Киреевка — Покровское.

Командующий Южным фронтом решил использовать благоприятное оперативное положение 9-й армии для нанесения контрудара. Ошибкой в планировании операции была постановка активных задач находившимся против острия немецкого танкового клина войскам Таганрогского боевого участка. Наступление слабых правофланговых соединений 9-й армии, проводившееся на широком фронте, развития не получило. Наступление свежих войск Таганрогского боевого участка началось успешно. Они отбросили

передовые части танковой и моторизованной дивизий противника на 10—15 км к западу от р. Миус. Однако с подходом главных сил 1-й танковой армии противник получил численное превосходство, и войска Таганрогского боевого участка, находившиеся не на оборонительном рубеже, вынуждены были отходить. На их плечах противник прорвался через рубеж р. Миус и 17 октября захватил Таганрог. Дальнейшее его продвижение было остановлено. Серьезным препятствием на пути немецких войск стал Миус:
"Дожди все не прекращались. Участок Миуса был близок к выходу из берегов. Вода поднималась со скоростью 30 см в час. В районе Сталино неприятель подорвал дамбу, и мост у Успенской смыло. Переправа осуществлялась при помощи надувных плавсредств"{120}.

Боевые действия Юго-Западного фронта. В это время войска Юго-Западного фронта сдерживали немецкое наступление на 600-километровом фронте. Все соединения были вытянуты в одну линию. Укомплектованность дивизий была низкой. Большая часть их не превышала силы стрелкового полка. Облегчала задачу советских войск наступившая распутица, которая сковывала подвижность обеих сторон и не благоприятствовала активным действиям.
Чтобы не допустить прорыва фронта на юго-западном направлении, сохранить войска и создать резервы, Ставка Верховного главнокомандования приказала войскам Юго-Западного и Южного фронтов с 17 октября начать отход на линию Касторное (180 км севернее Валуйки) — р. Оскол — Кр. Лиман — Горловка — Таганрог и закончить его к 30 октября. За счет сокращения фронта намечалось вывести в резерв на Юго-Западном фронте шесть стрелковых дивизий и два кавалерийских корпуса, а на Южном фронте — не менее трех стрелковых дивизий. Одновременно Ставка приказала из состава управления Северо-Кавказского военного округа сформировать управление 56-й Отдельной армии и включить в нее шесть стрелковых, шесть кавалерийских дивизий и части усиления, находившиеся на территории округа к югу от р. Дон. В задачу этой армии входила оборона Ростова по линии Синявка (5 км западнее Хопры) — Новочеркасск и далее по южному берегу Дона до Верхн. Курмоярской.
Выполняя приказ Ставки, войска Юго-Западного фронта к концу октября отошли на рубеж Тим (140 км севернее Волчанска), западнее Купянска — Изюма — Красного Лимана, и здесь организовали оборону. Войска Южного фронта к этому времени правым крылом закрепились на рубеже Красный Лиман — Дебальцево, а войска левого крыла (18-й и 9-й армий) под давлением

противника к исходу 4 ноября отошли на 30—35 км к востоку от указанного Ставкой рубежа — на линию Дебальцево — Красный Луч — Больше-Крепинская — Хопры.

Таким образом, в октябре 1941 г. противнику удалось захватить почти всю Левобережную Украину, выйти на подступы к Ростову и занять юго-западную часть Донбасса. Оттеснив на восток войска Южного фронта, он получил возможность возобновить наступление на Крым.

Оборона на ростовском направлении 5—16 ноября. Советское командование решило использовать выгодное охватывающее положение армий Южного фронта по отношению к немецкой 1-й танковой армии для разгрома последней и предотвращения, таким образом, опасности прорыва противника на Кавказ. С этой целью из выведенных в резерв дивизий Юго-Западного и Южного фронтов в район Каменска началось формирование новой 37-й армии, которую намечалось использовать в качестве ударной группировки Южного фронта.

До сформирования 37-й армии, готовность которой была определена к 15 ноября, главная задача Южного фронта и прикрывавшей Ростов 56-й Отдельной армии заключалась в том, чтобы сдержать противника и прикрыть сосредоточение ударной группировки, а также не допустить захвата немецкими войсками Ростова и плацдарма на южном берегу Дона.

Немецкое командование стремилось поскорее захватить Кавказ с его богатыми нефтяными районами. Поэтому 1-я танковая армия группы армий "Юг" после выхода к Таганрогу получила приказ уничтожить советские войска, находившиеся севернее Таганрога, и захватить плацдарм на южном берегу Дона между Ростовом и Цимлянской (200 км восточнее Ростова). После этого предполагалось развить наступление на юг и в первую очередь захватить Майкоп и Туапсе.

Командование группы армий "Юг", чтобы избежать штурма укреплений на подступах к Ростову, решило главный удар нанести в обход Ростова с севера через Шахты.

После захвата плацдармов на южном берегу р. Дон планировалось часть сил 1-й танковой армии повернуть на север с тем, чтобы совместно с войсками правого фланга 17-й армии, которые должны были прорваться на ворошиловоградском направлении, окружить войска Южного фронта в восточной части Донбасса.

Наступление противника началось утром 5 ноября. На правом фланге 9-й армии против двух дивизий, занимавших оборону от Дьяково до Лысогорка,

перешли в наступление четыре немецкие дивизии (две танковые, одна пехотная и одна моторизованная), наносившие главный удар на Шахты.

Сражение сразу же приняло ожесточенный характер. Уже в первый день 9-я армия по указанию командования фронта нанесла контрудар по вклинившемуся на узком участке фронта противнику. Попытки врага в последующие дни развить удар в направлении Шахт и далее на Новочеркасск, Ростов успеха не имели. Лишь к исходу 8 ноября за четыре дня боев противнику ценою больших потерь удалось потеснить 9-ю армию на 30—35 км на восток. Однако тактический успех противника не был развит в оперативный.

В результате потерь, понесенных войсками противника, командованию группы армий "Юг" 8 ноября пришлось отказаться от дальнейшего наступления, и фронт на новошахтинском направлении стабилизировался до 17 ноября на рубеже Ровеньки, устье р. Б. Несветай. Стойкая и упорная оборона войск 9-й армии позволила произвести сосредоточение войск, объединенных в 37-ю армию, и подготовку их к контрнаступлению.

На ворошиловоградском направлении наступление противника к 21 ноября также было остановлено 12-й армией севернее Кадиевки.

Вынужденное отказаться от обходного маневра через Шахты, немецкое командование поставило перед 1-й танковой армией задачу — захватить Ростов ударом с северо-запада. 17 ноября противник возобновил наступление на Ростов. В этот же день началось контрнаступление войск Южного фронта, ударную группировку которых составляла 37-я армия. Немецкое командование вначале недооценило наступление советских войск и продолжало силами 1-й танковой армии выполнять задачу по захвату Ростова.

Главный удар противником был нанесен по 56-й Отдельной армии, занимавшей оборону на фронте протяженностью 75 км с оперативной плотностью 10—16 км на одну дивизию. К моменту наступления противника рубеж обороны не был подготовлен в инженерном отношении.

С утра 17 ноября на ростовском направлении развернулась ожесточенная борьба, длившаяся пять дней. Ценою больших потерь противнику удалось 21 ноября ворваться в город.

К этому времени советские войска, наступавшие на большекрепинском направлении, нависли над флангом и тылом ударной группировки противника в районе Ростова. Поэтому ни о каком продолжении наступления врага от Ростова на Кавказ не могло быть и речи. Его войска заняли оборону фронтом на север, восток и юг.

Борьба за Крым. К моменту выхода противника к крымским перешейкам (середина сентября) для их обороны были развернуты три стрелковые дивизии 51-й Отдельной армии, войсками которой командовал генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Оборонявшие первую позицию у Перекопа 106-я и 156-я стрелковые дивизии не сумели сдержать напора 46-й и 73-й пехотных дивизий LIV армейского корпуса и к 28 сентября отошли на Ишуньские позиции.

Для усиления 51-й Отдельной армии Ставка Верховного главнокомандования 30 сентября решила эвакуировать Одесский оборонительный район и за счет его войск укрепить оборону Крымского полуострова. До прибытия войск из Одессы командующему 51-й Отдельной армией было приказано сосредоточить все силы для удержания Арабатской стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и ишуньских позиций. На эвакуацию Приморской армии и выход ее к перешейкам потребовалось около трех недель. За это время противник оттеснил войска Южного фронта к Таганрогу и получил возможность возобновить наступление на Крым.

Для вторжения в Крым немецкое командование выделило 11-ю армию с румынским горным корпусом, всего семь немецких пехотных дивизий и две румынские бригады.

Главный удар противник наносил немецкими дивизиями через Перекопский перешеек; вспомогательный — румынским горным корпусом через Чонгарский мост. К 18 октября на Перекопском перешейке были сосредоточены четыре пехотные дивизии LIV армейского корпуса. Две дивизии XXX армейского корпуса, направлявшиеся к Перекопу, находились на полпути между Геническом и Перекопом; 132-я немецкая дивизия в это время подходила к реке Южн. Буг. Румынский горный корпус сосредоточивался к Геническу.

Советские войска в Крыму вместе с прибывшими четырьмя стрелковыми и одной кавалерийской дивизиями Приморской армии насчитывали к 18 октября в своем составе 12 стрелковых и четыре кавалерийские дивизии. Этих сил было вполне достаточно для организации прочной обороны крымских перешейков. На Черном море господствовал наш флот. Поэтому возможность высадки морского десанта противника исключалась; также маловероятна была и высадка воздушных десантов.

Однако командующий 51-й армией не сумел правильно оценить обстановку и разбросал свои силы по всему полуострову. Три стрелковые и две кавалерийские дивизии он держал на охране побережья, две стрелковые и одну кавалерийскую дивизии — в резерве. Для обороны перешейков были

развернуты: на Ишуньских позициях в одном эшелоне четыре стрелковые дивизии и на Чонгарском полуострове одна стрелковая дивизия. Две дивизии Приморской армии находились на марше из Севастополя к перешейкам и могли туда прибыть не ранее 23 октября.

Противник, перейдя 18 октября в наступление на Ишуньские позиции, главный удар наносил двумя дивизиями на узком участке между железной дорогой и берегом Черного моря. 20 октября ему удалось прорвать Ишуньские укрепления. Вместо организации контратак во фланг прорвавшемуся противнику командующий 51-й армией стремился закрыть образовавшийся прорыв и только 23 октября предпринял контратаку в лоб силами подошедших 25-й и 95-й стрелковых дивизий Приморской армии. Этой контратакой удалось задержать наступление немецких войск до 25 октября. Но с потерей удобных для обороны ишуньских позиций наши войска оказались в невыгодном положении на позициях, почти не подготовленных к обороне Для объединения действий войск 51-й и Приморской Отдельных армий и Черноморского флота по обороне Крыма по указанию Ставки Верхового главнокомандования было создано командование войсками Крыма. Командующим был назначен вице-адмирал Г. И. Левченко, заместителем по сухопутным войскам — генерал-лейтенант П. И. Батов.

26 октября с подходом XXX армейского корпуса немецкие войска возобновили наступление. К этому времени все резервы обороны были израсходованы, и 28 октября противнику удалось прорвать фронт наших войск. Дивизии Приморской армии начали отходить на юг, а 276-я, 106-я, 271-я и 156-я стрелковые дивизии 51-й армии, против которых наступали пять немецких дивизий, медленно отходили в направлении на Джанкой. Не имея в составе армии подвижных частей, Э. фон Манштейн 29 октября для развития успеха создал импровизированную моторизованную группу под командованием полковника Циглера. В состав группы вошли моторизованные подразделения пехотных дивизий 11-й армии — разведывательные батальоны, зенитные и противотанковые дивизионы. Это было достаточно характерным для немцев ходом, немецкие пехотные дивизии неоднократно использовали разведывательные батальоны на бронеавтомобилях в качестве моторизованных боевых групп для захвата важных в тактическом плане объектов.

Командующий войсками Крыма 29 октября решил отвести войска Приморской и 51-й армий на слабо подготовленный тыловой оборонительный рубеж, проходивший по линии Советский — Ново-Царицыно — Саки, и закрепиться на

нем. Это решение осуществить не удалось, так как 31 октября подвижный отряд противника вышел к станции Альма, а вслед за ним выдвинулись и дивизии LIV армейского корпуса.

Чтобы не допустить прорыва немецких войск к Севастополю, гарнизон которого в это время был очень слаб, было решено войска Приморской армии отвести к Севастополю и организовать там ими оборону, а 51-й армией прикрыть керченское направление. Вследствие того, что дороги из района Симферополя на Севастополь были уже перехвачены противником, действовавшим в степной части Крыма, войскам Приморской армии пришлось отходить через горы на Алушту и Ялту и уже отсюда по Приморскому шоссе двигаться на Севастополь.

Отход проходил в трудных условиях; наши войска вели непрерывные бои с наседавшим на них XXX армейским корпусом противника, который от Джанкоя был повернут на юг. 6 ноября передовые части Приморской армии вышли к Севастополю как раз в тот момент, когда гарнизон города, состоявший главным образом из морской пехоты, отражал на передовом рубеже атаки LIV армейского корпуса, стремившегося прорваться к городу с востока по кратчайшему направлению. С подходом войск Приморской армии силы защитников Севастополя увеличились, что дало им возможность отразить наступление врага.

В то время, когда войска Приморской армии отходили к Севастополю, 51-я армия, в командование войсками которой с 30 октября вступил генерал-лейтенант П. И. Батов, отводилась для обороны Керченского полуострова. 4 ноября приказом командующего войсками Крыма на базе 51-й армии был создан Керченский оборонительный район, в состав которого вошли все соединения и части 51-й армии и Керченская военно-морская база.

Несмотря на удобную для обороны местность и достаточные силы (семь стрелковых дивизий), командование оборонительного района не сумело организовать оборону Керченского полуострова и приостановить наступление противника. 16 ноября последние части 51-й армии были эвакуированы на Таманский полуостров. Нельзя сказать, что этот результат легко достался немецкой стороне. Вот как эти события описаны в истории 170-й пехотной дивизии:

"3 ноября полки 391-й и 401-й заняли Феодосию. В 15 чаш 391-й полк установил боевой флаг рейха на осветительной башне порта. Уже на следующий день дивизии удалось прорваться на Керченский перешеек, через который по всей его ширине располагались противотанковые рвы. Препятствие

состояло из проволочных заграждений глубиной до 10 метров, противотанковых ров и полевых укреплений, усиленных на участке дивизии 15 бетонными бункерами, 51 позицией снайперов и 19 деревянными бункерами. Глубина всего укрепления составляла примерно 8 километров. 401-й пехотный полк сумел преодолеть рвы 5 ноября силами двух батальонов. За ними последовали другие батальоны дивизии. Собственные потери в этих боях были очень большие. Среди погибших были командир 401-го полка подполковник Тило и его адъютант, старший лейтенант фон Протт. Оба умерли одновременно после тяжелого ранения на главном перевязочном пункте дивизии. В 391-м полку пятью ротами, насчитывающими всего 35—40 бойцов, командовали унтер-офицеры.

Установились сильные дожди. Дороги размыло. Несмотря на это, полки достигли установленных на этот день целей. Лишь тяжелое подразделение 240-го артиллерийского полка на полностью размытых дорогах не смогло продолжить марш. На Татарском валу противник стянул значительные силы, которые обнаружили намерение остановить продвижение к Керчи здесь — на оборонительном укреплении, созданном крымскими татарами в Средние века. Сопротивление пехотных подразделений было прорвано при первой атаке. Однако воздействие артиллерии противника оставалось существенным. Русские эскадрильи бомбардировщиков нанесли дивизии, несмотря на защиту истребителей, большие потери. Продвижение продолжилось при сильных дождях, дальше, через глубоко изрезанные, глинистые участки, которые были преодолены только с использованием всех имеющихся сил. Местность была пронизана минными полями, которые подрывались электрическим зажиганием. Пехотные подразделения то и дело натыкались в теснинах на сильно укрепленные очаги сопротивления. При взятии одного из таких очагов погиб капитан Векинг, командир батальона 399-го пехотного полка. 2-му батальону 399-го полка под командованием погибшего позднее капитана Боссе удалось смелым броском завладеть фортом Камыш-Бурун. Большое количество пленных, невероятное количество боеприпасов береговой артиллерии русского Черноморского флота, авиационные бомбы, мины и военное имущество в целости и сохранности перешли в руки немцев. 240-му артиллерийскому полку был подчинен 2-й батальон 64-й дивизии противовоздушной обороны с тремя орудиями, которые были развернуты на форте и вместе с 5-м дивизионом 240-го артиллерийского полка эффективно препятствовали движению кораблей в порту Керчи. Пехота начала зачищать Керчь, при этом у нее была также задача

уничтожения остававшихся в теснинах продолжающих вести огонь очагов сопротивления. 16 ноября были зачищены город и порт Керчь. На следующий день в оперативный отдел дивизии пришло следующее письмо:
"С занятием Керчи успешно завершены операции в восточной части Крыма и на Керченском полуострове. 43-й артиллерийский корпус выполнил, таким образом, поставленную перед ним задачу. Дивизии корпуса с применением последних сил сделали невозможное, постоянно наступая и преследуя противника. Я выражаю благодарность и признательность командованию и войскам за преданность и самоотверженность. Мое восхищение я выражаю также пехоте и всем тем, которые сражались с ней на передовой линии.
Главнокомандующий 11-й армии фон Манштейн" {121}.

Таким образом, к середине ноября 1941 г. противник овладел почти всем Крымом и блокировал с суши Севастополь. Главная база Черноморского флота оказалась под огнем немецкой полевой артиллерии и под ударами перебазировавшейся на крымские аэродромы немецкой авиации. В силу этого Черноморский флот, кроме нескольких старых кораблей, оставленных для огневой поддержки Севастопольского гарнизона, пришлось перебазировать в малоудобные порты Кавказского побережья. Выдвижение противника к Керченскому проливу затруднило сообщение нашего флота между Азовским и Черным морями.
Первый штурм Севастополя (5—21 ноября). Севастополь — главная база Черноморского флота — к началу войны имел систему обороны, прикрывавшую его с моря и воздуха. С суши же он оставался слабо прикрытым. Хотя рекогносцировка сухопутных оборонительных рубежей была проведена еще в феврале 1941 г., их строительство началось только 4 июля. В конце октября на подступах к Севастополю продолжалось создание четырех оборонительных рубежей — передового, главного, рубежа прикрытия эвакуации и рубежа непосредственного прикрытия Севастополя. Из-за неправильного планирования работ в наибольшей готовности оказались два последних рубежа и в наименьшей — передовой.
Крупным недостатком передового рубежа являлось то, что он был удален от города всего лишь на 15—16 км и впереди его находились командные высоты. По овладении этими высотами противник мог вести дальний артиллерийский огонь по городу, бухте и расположенным вблизи города аэродромам.

Протяженность передового рубежа достигала 43 км, глубина его колебалась от 1,5 до 2,5 км. На этом рубеже обороны было возведено несколько долговременных сооружений, состоявших из отдельных пулеметных и артиллерийских ДОТов и ДЗОТов. Оборонительные сооружения, расположенные отдельными группами, составляли четыре опорных пункта: Чоргуньский, Черкез-Керменский, Дуванкойский и Аранчийский.

На переднем крае опорных пунктов размещались пулеметные точки. Расстояние между отдельными огневыми точками составляло 200—600 м, в глубине — 500—800 м. В промежутках между пулеметными огневыми точками располагались окопы стрелковых отделений.

На наиболее танкоопасных направлениях вдоль дорог и долин были установлены отдельные 45-мм и 130-мм морские пушки. Артиллерийские огневые точки эшелонировались в глубину до 3 км. Отдельные опорные пункты имели до 10 противотанковых пушек. Перед передним краем Аранчийского и Дуванкойского опорных пунктов были устроены надолбы и на отдельных участках установлены минные поля.

Главный рубеж обороны находился от Севастополя на расстоянии 9—12 км. Длина его достигала 30 км, глубина колебалась от 1,5 до 3 км. К 1 ноября 1941 г. строительство оборонительных сооружений на главном рубеже закончено не было.

Рубеж прикрытия эвакуации командовал над впереди лежащей местностью, но из-за отсутствия естественных масок был открыт для наблюдения и ударов вражеской авиации. Глубина этого рубежа колебалась от 1 до 5 км. Наиболее сильная система фортификационных сооружений, состоявшая из пулеметных и артиллерийских ДОТов и ДЗОТов, была создана на участке Инкерман — Любимовка.

На рубеже, непосредственно прикрывавшем Севастополь, к 1 ноября было построено 17 артиллерийских ДОТов, 62 пулеметных ДОТа и ДЗОТа, 91 окоп, пять командных пунктов, противотанковый ров общей длиной 31,5 км и 40 км проволочных заграждений.

Севастопольский гарнизон до прибытия Приморской армии состоял из двух бригад (одна неполная) и двух полков морской пехоты, местного стрелкового полка, нескольких отдельных стрелковых батальонов, запасного артиллерийского полка, нескольких отдельных батарей и частей ПВО. Общая численность гарнизона составляла 20 660 человек. На вооружении гарнизона, кроме винтовок и пулеметов, было 72 миномета. Гарнизоны ДОТов и ДЗОТов

имели на вооружении 8 100-мм пушек, 14 76-мм пушек, 15 75-мм пушек, 25 45-мм пушек.

Задачей войск Севастопольского гарнизона было не пропустить противника к Севастополю и обеспечить развертывание для обороны отходившей через Ялту Приморской армии. В связи с приближением противника части Севастопольского гарнизона 3 и 4 ноября заняли передовой рубеж обороны. 4 ноября приказом командующего войсками Крыма был организован Севастопольский оборонительный район в составе Приморской армии, береговой обороны, главной морской базы Черноморского флота (Севастопольский гарнизон) и всех морских и сухопутных частей, а также частей ВВС Черноморского флота, находившихся в районе Севастополя. Командующим Севастопольским оборонительным районом был назначен командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров с непосредственным подчинением его Военному совету войск Крыма.

Для обеспечения боевых действий войск Севастопольского оборонительного района из состава авиации Черноморского флота была выделена 3-я особая авиационная группа в составе около 100 самолетов. Авиация Севастопольского оборонительного района базировалась на аэродромы Херсонесского мыса, а также в районах Юхарина Балка и хутор Отрадный. Основные же военно-воздушные силы Черноморского флота находились на кавказских аэродромах и частично привлекались для выполнения боевых задач в районе Севастополя.

Немецкие войска стремились захватить Севастополь прежде, чем туда подойдет Приморская армия. LIV армейскому корпусу было приказано нанести удар по кратчайшему пути, вдоль шоссе Симферополь — Севастополь, и быстро прорваться к городу.

3 ноября подразделения боевого охранения севастопольского гарнизона завязали бои с передовыми частями LIV немецкого корпуса, выдвигавшимися со стороны Симферополя.

5 ноября подошли главные силы корпуса противника, и развернулись ожесточенные бои на центральном участке передовой оборонительной полосы — главным образом на Черкез-Керменском опорном пункте. В течение четырех дней защитники Севастополя успешно отражали непрерывные атаки немецких войск, поддержанных крупными силами авиации. Несмотря на более чем трехкратное превосходство в силах, врагу не удалось продвинуться. Противник был вынужден 9 ноября прекратить наступление и сделать паузу для подтягивания новых сил и перегруппировки войск.

Таким образом, в результате стойкой обороны войск Севастопольского гарнизона передовым отрядам немецких войск не удалось овладеть Севастополем с ходу.

Войска Приморской армии, ведя напряженные бои с противником, стремившимся перехватить дорогу Ялта — Севастополь, к 9 ноября вышли в район Севастополя и развернулись для обороны на его подступах. Подошедшая Приморская армия в это время состояла из 25-й, 95-й, 172-й и 421-й стрелковых дивизий, 2-й, 40-й и 42-й кавалерийских дивизий, отдельного танкового батальона, 265-го корпусного артиллерийского полка и некоторых других подразделений.

После боевых действий в северной части Крыма соединения и части Приморской армии имели значительный некомплект в личном составе, вооружении и средствах тяги. Так, например, 2-я кавалерийская дивизия подошла к Севастополю в составе лишь 320 человек и без артиллерии.

421-я стрелковая, 2-я и 42-я кавалерийские дивизии ввиду малочисленности личного состава сразу же были расформированы.

Всего в составе армии на 10 ноября с частями боевого обеспечения и тылами насчитывалось: 31 500 человек, орудий 76-мм и крупнее — 78, орудий 45-мм — 30, 37-мм зенитных орудий — 8, минометов 82 — и 120-мм — 114, минометов 50-мм — 118, танков — 10.

К 11 ноября весь Севастопольский оборонительный район был разделен на четыре сектора. В каждом секторе из состава оборонявших его войск создавался резерв; кроме того, создавались общий и артиллерийский резервы оборонительного района.

На участке железной дороги Севастополь — Балаклава действовал один бронепоезд.

В среднем в секторах, не считая орудий 45-мм калибра, 50-мм минометов и орудий в ДОТах, приходилось около 4 орудий и минометов на 1 км фронта. Считая артиллерийские средства всех калибров, плотность достигала 9 орудий и минометов на 1 км фронта. Управление артиллерией внутри секторов было централизованно.

Береговая артиллерия через начальника артиллерии береговой обороны оперативно подчинялась начальнику артиллерии оборонительного района.

Корабельная артиллерия находилась в непосредственном подчинении командующего флотом, но выполняла огневые задачи в интересах сухопутных войск по указанию и заявкам начальника артиллерии оборонительного района.

В пределах возможного обеспечивалось массирование артиллерийского огня на основных направлениях.

Немецкое командование, стремясь скорее захватить Севастополь и высвободить силы 11-й армии для операций на других направлениях, спешило возобновить наступление. Подтянув к Севастополю XXX армейский корпус и перегруппировав силы, противник 11 ноября вновь перешел в наступление.

Теперь против Севастопольского оборонительного района действовали 72-я, 50-я, 132-я и 22-я немецкие пехотные дивизии. Они имели в своем составе 13 артиллерийских дивизионов, бронемашины и поддерживались авиационной группой около 100 самолетов. Авиация противника базировалась на аэродромах в районах Евпатория — Симферополь — Джанкой.

Для нанесения удара вдоль шоссе Ялта — Севастополь противник нацелил 72-ю дивизию. Для нанесения второго удара в направлении Черкез-Кермен, долина Кара-Коба, были использованы части 50-й дивизии и моторизованного отряда. Наступление поддерживалось авиацией, наносившей удары по боевым порядкам наших войск и по Севастополю. Кроме того, авиация противника действовала против наших кораблей на коммуникациях Севастопольского оборонительного района.

Против северного и северо-восточного фасов оборонительного района противник оставался относительно пассивным. Он производил оборонительные работы, на отдельных направлениях переходил в атаки небольшими подразделениями и периодически обстреливал наши части артиллерийским и минометным огнем.

Уже 9 ноября в бой с главными силами 72-й пехотной дивизии вступили части 40-й кавалерийской дивизии, находившиеся на передовых позициях в районе Варнутка. Под давлением превосходящих сил врага части 40-й кавалерийской дивизии отошли на передовой оборонительный рубеж.

13 ноября 72-я пехотная дивизия противника возобновила наступление и вклинилась в оборону 1-го сектора, но это вклинение было ликвидировано к исходу 14 ноября контратаками резервов 1-го и 2-го секторов.

15 ноября, введя в бой второй эшелон, 72-я пехотная дивизия противника оттеснила части 1-го сектора и вышла к Балаклаве и совхозу Благодать. 16 ноября из общего резерва оборонительного района был введен в бой 1330-й стрелковый полк, который задержал дальнейшее продвижение противника.

С утра 18 ноября противник предпринял ожесточенные атаки в направлении на Камары, и к вечеру наши части были вынуждены оставить этот пункт. 21

ноября 514-й стрелковый полк контратаковал противника и выбил его из Камар.

На этом закончились боевые действия на правом фланге Севастопольского оборонительного района, где наши части остановили наступление противника на линии Балаклава, совхоз Благодать, Камары, удержав все указанные пункты.

Войска 2-го и 3-го секторов в период с 13 по 18 ноября отбивали атаки частей 50-й пехотной дивизии, пытавшихся прорваться на Севастополь из района Черкез-Кермет по долине Кара-Коба. За 6 дней противнику удалось продвинуться здесь на 1—1,5 км и овладеть высотами 269,0 и 293,3. Все попытки дальнейшего наступления противника были отражены. Большую роль при этом сыграла контратака 54-го и 2-го Перекопского полков, осуществленная 14 ноября с высоты 319,6 в южном направлении во фланг и тыл частям противника. Враг понес потери и был вынужден остановиться. Возобновить здесь наступление он смог лишь 16 ноября и за три дня продвинулся всего на 300—400 м. В центре 2-го сектора врагу удалось захватить на самом переднем крае передового рубежа обороны высоту 287,4.

На других направлениях наступление противника успеха не имело. Атаки 22-й пехотной дивизии в направлении Колымтай — Эфендикой были полностью отбиты войсками 4-го сектора.

При отражении наступления противника на Севастополь в ноябре многие наши советские воины проявили исключительное мужество и героизм.

В результате стойкой обороны войск Севастопольского оборонительного района ноябрьское наступление врага было отбито. За 10 дней напряженных боев противнику удалось на отдельных участках вклиниться на 3—4 км в передовую оборонительную полосу 1-го сектора и на 1—2 км в стыке 2-го и 3-го секторов обороны.

Вследствие значительных потерь 11-й армии, действовавшей под Севастополем и на Керченском полуострове, немецкое командование было вынуждено 21 ноября прекратить наступление на Севастополь до середины декабря.

Советские войска сковали в Крыму 11-ю немецкую армию, не позволив немецкому командованию использовать ее ни для удара на Кавказ через Керченский пролив, ни для оказания помощи 1-й танковой армии, на которую во второй половине ноября обрушился удар наших войск под Ростовом.

Круг пятый. Последний дюйм

1 ноября 1941 г. шел холодный осенний дождь. Войска Западного фронта встретили этот день под постепенно нарастающим нажимом противника, будучи сбитыми с укреплений Можайской линии обороны. Рухнувший фронт был частично восстановлен. Однако вскоре Западному фронту предстоял следующий раунд в условиях, оперативно близких к тем, которые привели к катастрофе под Вязьмой и Брянском. Лозунгом тех дней стали слова "Ни шагу назад". Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков проводил этот лозунг в жизнь максимально жесткими мерами. 4 ноября командирам и политработникам фронта был зачитан приказ № 054 о наказании командования 133-й стрелковой дивизии за самовольный отход с занимаемых оборонительных рубежей. Несмотря на приказ штаба 5-й армии о занятии обороны на подступах к г. Руза, командир дивизии подполковник А. Г. Герасимов 25 октября выпустил приказ частям дивизии об отходе с занимаемых рубежей. В результате г. Руза был взят немцами без боя. Данный факт стал предметом судебных разбирательств, и за невыполнение приказа об обороне города А. Г. Герасимов и комиссар дивизии Г. Ф. Шабалов были расстреляны перед строем. Своим приказом с описанием этого эпизода Г. К. Жуков прямым текстом напоминал подчиненным об ответственности за самовольное оставление занимаемых позиций. Надо сказать, что неприятные разъяснения пришлось давать И. В. Панфилову и К. К. Рокоссовскому по факту занятия наступающими немцами Волоколамска. Права на проявление минутной слабости и малодушия под стенами Москвы дано не было. Просто вследствие отсутствия пространства для размена времени на расстояние. Кроме того, 4 ноября ударил мороз, и с этого дня до самой весны 1942 г. снег и лед на дорогах не таяли. Период распутицы закончился, и увязающий в грязи транспорт перестал быть сдерживающим фактором для войск обеих сторон.

Вместе с тем нужно отдать должное советскому руководству. Тезис "Ни шагу назад" они прикладывали в том числе к себе самим. И. В. Сталин остался в Москве и 7 ноября принимал парад на трибуне Мавзолея. Это был один из самых необычных парадов в истории войн. По заснеженной Красной площади шли тяжелые КВ, изящные "тридцатьчетверки", чудом выжившие в огне первых месяцев войны БТ и малютки Т-60. В столице, у стен которой стоял враг, правительство страны принимало парад войск, идущих по брусчатке мимо храма Василия Блаженного прямиком на ее защиту. Парад 7 ноября 1941 г.

имел огромное политическое значение. Тем самым правительство СССР и лично И. В. Сталин демонстрировали решимость сражаться до конца. Проведение парада также подчеркивало тот факт, что, вопреки декларациям о громких успехах, вермахт все еще далек от захвата Москвы.

К концу октября и началу ноября 1941 г. к образованной ударами подвижных соединений группы армий "Центр" линии фронта были пешими маршами подтянуты пехотные соединения. Одновременно в пяти армиях Западного фронта были собраны прибывшие с других участков фронта, из внутренних округов и прорвавшиеся из вяземского "котла" соединения. Вследствие этого обстановка на московском направлении к началу ноября 1941 г. в общих чертах напоминала положение сторон ко 2 октября, то есть к началу операции "Тайфун". Количество пехотных дивизий в первой линии приближалось к числу начавших наступление с целью окружения советских войск в районе Вязьмы и Брянска. В течение первой половины ноября армии Западного фронта вели бои преимущественно местного значения. Выходящие за рамки локальных выпадов с целью улучшения своего положения, боевые действия развернулись только на флангах: на волоколамском направлении и в районе юго-восточнее Алексина, где пехота XXXXIII корпуса пыталась обойти Тулу с севера.

Еще 30 октября командование группы армий "Центр" выпустило директиву на продолжение операции № 2250/41. Базировалась она на приказе на окружение Москвы по группе армий от 14 октября. В общих чертах задачи армий предполагались следующие:

"3. 2-я танковая армия наносит удар между Рязанью и районом Каширы через Оку. [...] Пойдет ли основная масса танковой армии в ходе дальнейших боев восточнее или западнее реки Москва, будет зависеть от наличия переправ и от обстановки после взятия Тулы.

4. 4-я армия готовится немедленно возобновить наступление на главном направлении южнее и севернее шоссейной дороги, пока состояние погоды позволяет произвести необходимые маневры силами и снабжение фронта боеприпасами. Об объектах для наступления донести. Северному крылу армии продвигаться в общем направлении на Клин. Дальнейшее наступление пехотных соединений при поддержке 4-й танковой группы в направлении Ярославль — Рыбинск предусмотреть на случай, если позволят погодные условия и положение со снабжением.

5. 9-й армии выяснить обстановку под Калинином, севернее Ярополец, отбросить противника на участке реки Лама и захватить переправы через

западную оконечность Волжского водохранилища. В дальнейшем сосредоточить 3-ю танковую группу для наступления южнее Волжского водохранилища в направлении на северо-восток"{122}.

Глубина поставленных задач не соответствовала состоянию и реальным возможностям немецких войск. До Рыбинска 4-й танковой группе нужно было пройти более 250 километров.
Собственные силы немецкое командование на тот момент оценивало следующим образом: пехотные дивизии — 65% первоначальных боевых возможностей, моторизованные пехотные дивизии — 60%, танковые дивизии — 35%. Таким образом, расчетные боевые возможности 136 соединений равнялись боевой мощи 83 полностью укомплектованных соединений. Постановка задач на окружение Москвы базировалась на заниженной оценке возможностей Красной армии. Общее мнение сводилось к следующим словам: "У нас дела идут, правда, не совсем хорошо, но у русских еще хуже!" 18 ноября Гальдер записал в своем дневнике:
"Вообще же фельдмаршал фон Бок, как и мы, считает, что в настоящий момент обе стороны напрягают свои последние силы и что верх возьмет тот, кто проявит большее упорство. Противник тоже не имеет резервов в тылу и в этом отношении наверняка находится в еще более худшем положении, чем мы"{123}.

Завершалась директива группы армий "Центр" словами:
"638-й пехотный полк после прибытия в Смоленск подчиняется командующему войсками группы армий "Центр". После сосредоточения в районе Смоленска полк направить в район Вязьмы" (там же).

Это "мощное" пополнение было сформировано в Париже из французских добровольцев под наблюдением немцев. Коллаборационисты в ноябре приняли участие в боевых действиях в составе 7-й пехотной дивизии. Других сколь-нибудь крупных резервов в распоряжение группы армий "Центр" не поступило.
Напротив, войска Западного фронта постоянно получали подкрепления с других направлений и из глубины страны. 10 ноября 1941 г. на Западный фронт прибыл с Юго-Западного фронта 2-й кавалерийский корпус П. А. Белова. На следующий день в районе Лопасни была сосредоточена 112-я танковая дивизия с Урала.

Несмотря на проблемы с накоплением необходимых для наступления топлива и боеприпасов, группа армий "Центр" была подвигнута к началу наступления на московском направлении необходимостью перегруппировки авиации. Будучи уверенным, что восточная кампания выиграна, Гитлер 29 октября пообещал Муссолини направить на Средиземноморье дополнительные силы авиации. 11 ноября командующий 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал А. Кессельринг сообщил командованию группы армий "Центр", что он вместе со штабом и 2-м авиакорпусом должен не позднее чем через неделю отбыть в Италию. Для поддержки операций на московском направлении оставался 8-й авиакорпус В. фон Рихтгоффена. Командующий группой армий "Центр" фон Бок был вынужден назначить наступление на 15—16 ноября, чтобы успеть воспользоваться поддержкой убывающих авиационных соединений. Следует заметить, что к моменту вывода с фронта под Москвой от многих эскадр люфтваффе остались одни лохмотья. Так, например, 2-я бомбардировочная эскадра перед вторжением в СССР имела 76—78 боеготовых экипажей, 45 — на 4 октября и всего 12 — на 29 октября. К середине ноября в составе немецкой авиации на московском направлении насчитывалось 220 бомбардировщиков, 70 пикирующих бомбардировщиков, 30 штурмовиков, 160 истребителей и 100 разведчиков, а всего 580 боевых машин. Фронтовая авиация Западного фронта, дальнебомбардировочная авиация и истребители ПВО в то же время насчитывали 423 бомбардировщика, 46 штурмовиков, 658 истребителей и 11 разведчиков. Таким образом, общая численность ВВС Красной армии к началу второй фазы немецкого наступления на Москву — 1138 единиц — почти вдвое превысила число противостоящих им немецких самолетов.

Одним из средств в руках обороняющегося, предотвращающего переуплотнение ударных группировок противника было нанесение контрударов локального значения. Такие наступления демонстрировали противнику готовность сразу же уколоть в ослабленное место и тем самым удерживали его от растягивания фронта соединений на второстепенных направлениях. Накопление сил позволило советскому командованию сделать такой ход. За счет прибывшей с Дальнего Востока 415-й стрелковой дивизии в 49-й армии была создана ударная группировка в составе 415-й, 60-й, 5-й гвардейской стрелковых дивизий. 14 ноября ударная группировка 49-й армии перешла в наступление в районе западнее Серпухова против правофланговых соединений 4-й полевой армии. В ходе пятидневных ожесточенных боев противнику было

нанесено серьезное поражение. В результате этого 4-я армия не смогла принять участия в наступлении на Москву силами правого фланга и центра.
"Командование 4-й армии докладывает, — писал генерал Гальдер, — что оно вследствие больших успехов, достигнутых противником на ее правом фланге, оказалось вынужденным ввести в бой резервы, сосредоточенные в тылу для намеченного на завтра наступления, и поэтому не в состоянии перейти в наступление в районе между рр. Москвой и Окой (это является решающим при оценке положения на фронте этой армии)"{124}.

Аналогичное по своим задачам наступление, точнее, даже два наступления, были предприняты в 16-й армии Западного фронта, но его успешность и воздействие на противника остаются спорными. Первое наступление впоследствии получило наименование Скирмановской операции. Собственно деревня Скирманово расположена на западных скатах господствующей над всей округой высоты 260,4. С высоты 260,4 даже в плохую погоду просматривается местность на десятки километров вокруг. Словно на ладони видны леса, населенные пункты, дороги. Скирмановский плацдарм представлял собой выступ в обороне советских войск, с которого можно было наступать в тыл войскам 16-й армии на волоколамском направлении. Он располагался несколькими километрами южнее шоссе Волоколамск — Истра и занимался перегруппированной на волоколамское направление 10-й танковой дивизией (87 боеготовых танков на 11 ноября) XXXX танкового корпуса немцев. Немцы нависли с юга над автомагистралью Волоколамск — Истра — Москва.
"Они не только простреливали ее артиллерийским огнем, но и могли в любое время перехватить и войти в тыл основной группировки нашей армии на этом направлении"{125}.

В течение всех последних дней октября и в начале ноября 18-я стрелковая дивизия пыталась овладеть Скирманово, но все ее попытки оказались безуспешными. Командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский принял решение захватить Скирманово и использовать для этого недавно поступившую в состав армии танковую бригаду М. Е. Катукова. Была создана ударная группировка в составе 18-й стрелковой дивизии, 50-й кавалерийской дивизии и 1-й гвардейской танковой бригады при поддержке 523-го пушечного, 289-го, 863-го, 694-го противотанковых полков и трех дивизионов "катюш". Наступление началось 12 ноября после сильной артподготовки. В течение 13—14 ноября

советские войска овладели Скирмановским плацдармом. Немецким командованием бои за плацдарм были оценены как напряженные:
"После жесткого сражения предмостное укрепление было сдано, для того чтобы избежать дальнейших потерь. 10-я танковая дивизия уничтожила 15 танков противника, в том числе два 52-тонных, и 4 сильно повредила"{126}.

К 16 ноября 1941 г. в 1-й гвардейской танковой бригаде оставалось 19 танков КВ и Т-34 и 20 легких танков, в 27-й танковой бригаде — 11 КВ и Т-34 и 10 легких танков и в 28-й танковой бригаде — 5 КВ и Т-34 и 10 легких танков. Успешный захват плацдарма побудил советское командование развить успех и попытаться выйти в тыл волоколамской группировке немецких войск. Такой маневр неизбежно сорвал бы ожидавшееся со дня надень наступление. Для решительного броска в направлении Волоколамска была создана подвижная группировка в составе 17-й, 20-й, 24-й и 44-й кавалерийских, 126-й стрелковой дивизии и 58-й танковой дивизии (198 легких танков старых типов). Эти силы были собраны на правом фланге 16-й армии. План наступления кавалеристов в штабе армии вследствие недостатка времени и непрерывных боев разрабатывался в течение одной ночи. Однако в тот день, когда планировалось ввести в бой свежие силы, немецкие войска перешли в наступление на фронте 16-й армии Западного фронта и на фронте 30-й армии Калининского фронта.
Клинско-Солнечногорская оборонительная операция (16.11—5.12 1941 г.). Строго говоря, началась вторая фаза немецкого наступления на Москву 15 ноября, когда 3-я танковая группа перешла в наступление южнее Калинина. Севернее Московского моря наступали пехотные дивизии, а южнее LVI моторизованный корпус в составе 6-й и 7-й танковых дивизий, 14-й моторизованной дивизии. Второе подвижное соединение танковой группы, XXXXI моторизованный корпус под командованием В. Моделя остался под Калинином. Место для нанесения главного удара наступающим было выбрано практически безошибочно: основной удар пришелся по растянутой на фронте 30 км 107-й мотострелковой дивизии полковника П. Г. Чанчибадзе. Дивизия относилась к числу вышедших из вяземского "котла" и к началу немецкого наступления насчитывала 2 тыс. человек, 7 орудий и 20 пулеметов. Танковый парк дивизии составляли 2 Т-34 и КВ, 11 легких танков. Наиболее подходящее определение для такого соединения с учетом занимаемого фронта — "завеса". С утра 15 ноября противник перешел в наступление по всему фронту 30-й

армии. В итоге боев 15 ноября и в ночь на 16 ноября правофланговые части армии были изолированы севернее Московского моря и оттеснены к Волге. Левый фланг 30-й армии был отброшен назад, и между ним и правым флангом 16-й армии образовался разрыв в 16—18 км. На следующий день 46-я кавалерийская дивизия из резерва фронта была выдвинута на правый фланг 30-й армии и сменила 21-ю танковую бригаду на рубеже Волги. Танковая бригада, которая насчитывала к тому моменту 5 КВ и Т-34 и 15 легких танков, была переброшена в полосу отходящей 107-й моторизованной дивизии. На фронте 16-й армии 15 ноября противник начал наступление силами левого крыла V армейского корпуса, 106-я пехотная дивизия которого обеспечила стык с 4-й танковой группой. Соединения корпуса также произвели разведку боем на фронте кавалерийской группы Доватора.

К 15 ноября армии Западного фронта занимали следующее положение. 16-я армия К. К. Рокоссовского занимала на волоколамском направлении фронт шириной 70 км силами трех стрелковых и двух кавалерийских дивизий. Плотность составляла 18 км на дивизию. В первом эшелоне оборонялись курсантский полк, части 316-й и 50-й кавалерийских дивизий, по одному полку от 18-й и 78-й стрелковых дивизий. Основные силы 18-й и 78-й стрелковых дивизий располагались на второй полосе обороны в 8—20 км от ее переднего края. Можайское направление прикрывала 5-я армия Л. А. Говорова, занимая фронт 50 км силами четырех стрелковых и одной мотострелковой дивизии с плотностью 12,5 км на соединение. 33-я армия М. Г. Ефремова занимала фронт 30 км силами четырех дивизий с плотностью 10 км на дивизию. Наконец, 43-я армия занимала фронт 30 км с плотностью 6 км. Самые широкие фронты были у 49-й (85 км) и 50-й (70 км) армий, обеспечившие им плотность 16 и 11 км на соединение соответственно.

Уже в условиях начавшегося немецкого наступления в ночь на 16 ноября 16-я армия произвела перегруппировку войск и с 10.00 перешла в наступление. Одновременно тем же утром противник начал наступление на стыке 316-й стрелковой дивизии и кавалерийской группы Доватора. Весь день 16 ноября 16-я армия провела в состоянии наступательных действий своего правого крыла и оборонительных — левого крыла и центра. Неудачными в целом были как те, так и другие. Конница подвижной группы вступила в бой по частям. При начале наступления в 10.00 17-я и 24-я кавалерийские дивизии подошли к исходному рубежу только к 12.30. Тылы безнадежно отстали. Очень большие потери понесла наступающая 58-я танковая дивизия, лишившись за день 139

танков. Оборонявшиеся 316-я дивизия и кавалерийская группа Доватора были вынуждены отойти с занимаемых позиций. После боев за Волоколамск артиллерийская группировка дивизии И. В. Панфилова значительно уменьшилась, кроме того, часть сил артиллерии 16-й армии была использована в наступлении на Скирмановский плацдарм (в частности, один из двух ставших гвардейскими противотанковых артиллерийских полков). На 16 ноября 316-я дивизия располагала двенадцатью 45-мм пушками, двадцатью шестью 76,2-мм пушками, семнадцатью 122-мм гаубицами, пятью 122-мм корпусными пушками и одним 120-мм минометом. От 207 орудий в середине октября 1941 г. остались одни воспоминания. Соответственно, возможности противостоять немецкому наступлению были куда скромнее. Изменением к лучшему было сужение фронта до 14 км в сравнении с 41 км под Волоколамском в октябре месяце. Это произошло вследствие прибытия с Дальнего Востока 78-й стрелковой дивизии и выхода из окружения 18-й стрелковой дивизии. Также дивизия И. В. Панфилова фактически стала четырехполковой, у нее появился 690-й стрелковый полк 126-й дивизии, вышедший из окружения под Вязьмой. Противостояли 316-й стрелковой дивизии и кавалерийской группе Доватора XLVI моторизованный корпус (генерал танковых войск фон Витингоф, 5-я и 11-я танковые дивизии) и V армейский корпус (генерал пехоты Руоф, 2-я танковая, 35-я и 106-я пехотные дивизии). Последнему были придан 1 танковый батальон из 11-й танковой дивизии. В других условиях удар такой массы был неотразим. Однако к тому моменту проблемы со снабжением достигли своего пика, и в бою участвовали лишь части немецких танковых соединений, получившие горючее. К утру 17 ноября 690-й стрелковый полк был полуокружен, 1073-й и 1075-й полки были сбиты со своих позиций и отходили. В разгар боев, 17 ноября 1941 года, 316-я стрелковая дивизия получала приказ о переименовании в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию. На следующий день, 18 ноября, при артиллерийско-минометном обстреле командного пункта дивизии в д. Гусево погиб ее командир И. В. Панфилов. По ходатайству Г. К. Жукова 8-я гвардейская дивизия получила имя своего погибшего командира.

Против левого крыла 16-й армии перешел в наступление XXXX моторизованный корпус генерала танковых войск Штумме. Оба пехотных корпуса (IX и VII) 4-й танковой группы должны были выдвигаться вслед за наступающими танковыми дивизиями и обеспечивать их фланг. В составе двух корпусов было пять пехотных дивизий — 78-я, 87-я, 7-я, 197-я и 267-я.

В связи с начавшимся наступлением 30-я армия Калининского фронта (5-я, 185-я стрелковые, 107-я моторизованная, 46-я кавалерийская дивизии, 8-я и 21-я танковые бригады) с 23 часов 17 ноября передавалась в состав Западного фронта. Для усиления 30-й армии распоряжением штаба Западного фронта из состава 16-й армии еще 18 ноября была переброшена уже потерявшая большую часть своих боевых машин 58-я танковая дивизия. Она выдвигалась в район Головково — Спас-Заулок (в 15 км северо-западнее Клина). С 18 по 20 ноября 58-я танковая дивизия находилась уже в составе 30-й армии, ведя ожесточенные бои с 3-й танковой группой противника, задерживала ее наступление. К 20 ноября 58-я танковая дивизия насчитывала всего 15 танков, 5 орудий и 350 бойцов частей первой линии.

Нет ничего удивительного в том, что 20 ноября Л. З. Мехлис докладывал И. Сталину о состоянии танковых частей 30-й армии следующее:

"58-я танковая дивизия, прибывшая с Дальнего Востока, из-за преступного руководства разбита, ее остатки сосредоточены в Воронино. 20 ноября командир 58-й танковой дивизии генерал Котляров застрелился, оставив записку: "Общая дезорганизация и потеря управления. Виновны высшие штабы. Не хочу нести ответственность за общий бардак. Отходите на Ямуга за противотанковые препятствия, спасайте Москву" . После подписи этот капитулянт добавил: "Впереди без перспектив" . Лучше выглядит 8-я танковая бригада, но она сейчас имеет 2 КВ, 3 Т-34, 2 Т-26, 8 Т-40. 107-я мотострелковая дивизия имеет 114 бойцов на фронте, а в тылу 51 экипаж без танков. Мехлис".

Тем временем 19 ноября командующий 3-й танковой группой генерал танковых войск Рейнгардт получил приказ на поворот на юг с целью захвата города Клин и перехвата тем самым дорог к отступлению для советской 16-й армии. В тот же день наступающим XXXX танковым корпусом было вновь занято Скирманово, отбитое в первой половине ноября.

К 21 ноября части 16-й армии понесли большие потери и находились в большом некомплекте: кавалерийские и стрелковые полки насчитывали 150—200 человек, 1-я гвардейская танковая, 23-я, 27-я и 28-я танковые бригады имели всего 15 боеготовых танков. Состояние наступающих немецких танковых дивизий было немногим лучше. На 21 ноября в 11-й танковой дивизии насчитывалось всего 37 боеготовых танков (5 Pz.II, 22 Pz.III, 10 Pz.IV). Потери с момента вступления в бой на волоколамском направлении составили 19

танков. Перед началом операции "Тайфун" дивизия насчитывала 146 боеготовых танков (11 Pz.I, 44 Pz.II, 71 Pz.III, [330] 20 Pz.IV). В 10-й танковой дивизии на 21 ноября насчитывалось 55 боеготовых танков. При таком проседании числа боеготовых танков возможности немецких подвижных соединений были существенно снижены. Это привело к тому, что на правом фланге 4-й танковой группы наиболее быстро и результативно продвигался IX корпус Г. Гейера, состоявший только из пехотных дивизий. 22 ноября основные силы корпуса Гейера достигли шоссе Звенигород — Истра. Соседи справа и слева отстали на 20 км. Левым соседом IX армейского корпуса был XXXX корпус, состоявший из 10-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС "Рейх".

За пять дней наступления (16—20 ноября) немецкие танковые и пехотные дивизии продвинулись к востоку от Волоколамска на 15—25 км. Такой темп продвижения, от 3 до 5 км в сутки, является довольно низким даже для пехоты. Выйти на оперативный простор подвижным соединениям немцев в первые дни своего ноябрьского наступления не удалось.

Фактически главной задачей армий Западного фронта было продержаться до готовности трех формируемых армий — 1-й ударной, 20-й и 10-й. Первая была сформирована директивой Верховного главнокомандующего от 20 ноября 1941 г. Первоначально армия получила номер "19" взамен прекратившей свое существование в вяземском "котле" армии М. Ф. Лукина. В состав армии должны быть включены: 55-я, 47-я, 50-я и 29-я стрелковые бригады с дислокацией в районе Дмитрова, 43-я, 60-я стрелковые бригады в Загорске, 71-я стрелковая бригада в Яхроме, 44-я стрелковая бригада в Хотькове, 2-й, 3-й, 4-й, 16-й, 18-й, 19-й и 20-й лыжные батальоны в Загорске; 1-й, 5-й и 7-й лыжные батальоны в Дмитрове; 6-й лыжный батальон в Яхроме; 8-й лыжный батальон в Хотькове и 517-й артиллерийский полк в Загорске. Сосредоточение соединений и частей армии в этих пунктах предлагалось закончить к 27 ноября. 20-я армия, так же как и 1-я ударная армия, была сформирована на основании директивы Верховного главнокомандующего от 20 ноября 1941 г. В состав армии первоначально включались: 11-я, 12-я, 13-я и 16-я стрелковые бригады с дислокацией в Раненбурге, 78-я стрелковая бригада в Проскурове, 35-я стрелковая бригада (прибывшая из Ташкента) в Скопине, 23-й и 24-й лыжные батальоны в Раненбурге, 21-й и 22-й лыжные батальоны в Ряжске, 18-й артиллерийский полк в Раненбурге. Кроме того, в состав армии были

включены 331-я стрелковая дивизия, 36-я, 37-я, 40-я, 53-я, 54-я, 49-я, 28-я, 64-я, 43-я, 24-я, 31-я стрелковые бригады.

Сосредоточение войск 20-й армии было намечено закончить к 27 ноября 1941 г. в районе Лобня — Сходня — Химки. Последняя из трех армий, 10-я армия, была немного "старше" своих собратьев. Еще 21 октября 1941 г. Ставкой ВГК была дана директива о сформировании к 2 декабря 1941 г. 10-й резервной армии. В состав армии включались: 326-я стрелковая дивизия — Пенза; 324-я — Инза; 322-я — Кузнецк; 330-я — Сызрань; 323-я стрелковая дивизия — Петровск. Кроме того, две стрелковые бригады должны были прибыть из Уральского военного округа. Штаб армии развертывался в г. Кузнецке.

Однако немецкое командование не обладало достоверной информацией о сосредоточении трех армий. Тем более о нем не знали наступающие по заснеженным полям части. Они упорно продвигались вперед, свято веря, что если они разобьют противостоящие им советские дивизии и бригады, ничто их больше не остановит.

Ближайшей целью наступающих немецких войск был г. Клин. Его обороной руководил лично заместитель командующего Западного фронта Ф. Д. Захаров, прибывший в город вечером 19 ноября с небольшой группой штабных офицеров. Оборонять Клин должны были части 126-й стрелковой и 24-й кавалерийской дивизий, 25-й и 8-й танковых бригад и отдельный курсантский полк. Попытка 7-й танковой дивизии немцев 20 ноября взять город с ходу провалилась. На следующий день к штурму присоединилась 14-я моторизованная дивизия. Наконец, 22 ноября части 7-й танковой и 14-й моторизованной дивизий 3-й танковой группы захватили Клин и продолжили наступление на восток. Под нажимом наступающих группа Захарова отошла на Рогачев. Тем временем южный фланг 4-й танковой группы постепенно подтягивался к Истре. К 25 ноября XXXX моторизованный корпус 4-й танковой группы вышел к г. Истра. Боевая группа 10-й танковой дивизии и мотоциклетный батальон дивизии СС "Дас Райх" завязали бой за город, переходивший в рукопашные схватки с сибиряками 78-й стрелковой дивизии "с примкнутыми штыками". Части дивизии А. П. Белобородова к тому моменту оставались единственными советскими частями на правом берегу реки Истра, седлая в г. Истра Волоколамское шоссе.

После переправы войск 16-й армии через Истринское водохранилище и р. Истра водоспуски водохранилища были взорваны, в результате чего образовался водяной поток высотой до 2,5 м на протяжении 50 км к югу от

водохранилища. Попытки немцев закрыть водоспуски успехом не увенчались, и им пришлось организовать форсирование искусственно возведенной водной преграды. Ситуация несколько осложнялась тем, что еще 24 ноября 35-я пехотная дивизия форсировала водохранилище и образовала плацдарм. Морозы также вскоре сковали разлившуюся реку и водохранилище льдом. Это позволило, например, мотоциклетному батальону 11-й танковой дивизии форсировать Истринское водохранилище по льду.

Лишь после трех дней боев 26—28 ноября немцам удалось сбить советские части с Истринского рубежа.

В процессе боев на подступах к Истринскому водохранилищу управление 16-й армией сильно усложнилось: маневренный характер боевых действий требовал гибкого и четкого управления. Отход со сдерживающими боями на широком фронте в условиях полного превосходства противника в подвижных соединениях (большая часть противостоящих 16-й армии соединений была танковыми или моторизованными) был проведен успешно. Несмотря на перехват коммуникаций армии с захватом г. Клина 23 ноября, штаб К. К. Рокоссовского обеспечил почти планомерный отход своих войск. Боевые действия 16-й армии протекали под непосредственным контролем и руководством командующего фронтом Г. К. Жукова, который сам находился в войсках и лично руководил ими. Действия войск 16-й армии в этот период несомненно заслуживают самой высокой оценки. Закономерно, что большинство соединений армии вошли в гвардию (78-я стрелковая дивизия стала 9-й гвардейской, корпус Доватора — 2-м гвардейским). Отход 16-й армии также привел к сокращению ее фронта. Если начинала оборонительную операцию армия на фронте 70 км, то в дальнейшем он сократился до 30—40 км, что позволяло сохранять плотность построения поредевших в боях соединений.

Если на рубеже Истры и Истринского водохранилища удалось хотя бы временно сдержать наступление правого фланга 4-й танковой группы, то от Клина наступающие почти беспрепятственно распространялись как на восток, в направлении Рогачева и канала Москва — Волга, так и на юго-восток, на Солнечногорск. Причем в обход Истринского водохранилища через Солнечногорск на Москву двигались сильные подвижные соединения — 2-я и 11-я танковые дивизии. Захват Солнечногорска V армейским корпусом 23 ноября был вскоре использован немецкой пропагандой. На следующий день, 24 ноября, газеты Германии сообщили, что "после упорной борьбы танковыми

войсками был захвачен город Солнечногорск, находящийся в 50 км северо-западнее Москвы"{127}. Достижение действительно было существенное. Захват Солнечногорска вызвал большую тревогу в штабе Западного фронта. Г. К. Жуков приказал немедленно нанести контрудар во фланг солнечногорской группировке противника силами кавалерийской группы Доватора. Однако контрудар принес лишь сутки задержки в распространении немцев на восток и юго-восток от Солнечногорска. Поэтому параллельно для парирования кризиса была предпринята переброска сил с временно затихших участков. На автомашинах из района Калинина была переброшена 133-я стрелковая дивизия (прибывшая в Дмитров 25 ноября). Из 49-й армии Западного фронта на солнечногорское направление перебрасывалась 7-я гвардейская дивизия. Обстановка складывалась такая, что резервы собирали по крупицам, отдельными полками. Так был снят с Калининского фронта один полк 251-й стрелковой дивизии. В район Яхромы (на канал Москва — Волга) был выдвинут 11-й мотоциклетный полк. На северо-восток, в район Крюкова, также была перемещена снятая с Истринского рубежа 8-я гвардейская (316-я) стрелковая дивизия вместе со своим неизменным спутником — 1-й гвардейской танковой бригадой М. Е. Катукова. Кроме того, правое крыло 16-й армии было усилено 24-й (из 33-й армии, 3 КВ, 11 Т-34, 23 легких танка на 16 ноября), 31-й (из 49-й армии, 9 КВ, 29 Т-34, 29 легких танков на 16 ноября) и 145-й (из 49-й армии, 140 легких танков на 16 ноября) танковыми бригадами и двумя отдельными танковыми батальонами. На вооружении одного из этих батальонов были прибывшие из Англии танки "Валентайн", подбитые частями 2-й танковой дивизии немцев 25 ноября. [335] Техника иностранного производства, появление которой было отмечено даже в дневнике Ф. Гальдера, оказала не столько практическое, сколько психологическое воздействие. Находившиеся на пределе физического и морального напряжения немецкие части, давно не получавшие пополнений, встретили новую часть Красной армии на английской технике. Сколько еще таких частей придется встретить, им было неизвестно.

Пока танкисты 4-й танковой группы без энтузиазма рассматривали "Валентайны", их коллеги из 3-й танковой группы рвались к каналу Москва — Волга. Лидировала наступление 7-я танковая дивизия. В ночь на 28 ноября боевая группа дивизии под командованием Хассо фон Майнтофеля (6-й мотострелковый полк и часть 25-го танкового полка), наступая на Яхрому и не встретив упорного сопротивления наших частей, захватила неповрежденный мост и стремительным ударом ворвалась в Яхрому. К 7 часам утра отряд фон

Майнтофеля целиком переправился на восточный берег канала. С наступлением рассвета противник продолжил продвижение на восток. К 10 часам были захвачены окрестные села — Перемилово, Ильинское, Б. Семешки. Бой в районе Яхромы продолжался с переменным успехом весь день 28 ноября. Фланговым ударом остатков 21-й танковой бригады и 58-й танковой дивизии (30-я армия) с севера на Яхрому удалось несколько приостановить распространение частей 7-й танковой дивизии. На следующий день немецким танкистам предстояло столкнуться с частями, которые хотя и не носили оттенок экзотики подобно "Валентайнам", но предвещали грядущую бурю. Это были передовые части 1-й ударной армии. В течение дня 29 ноября организованной контратакой 29-й и 50-й стрелковыми бригадами при поддержке артиллерии и авиации немцы были отброшены обратно на западный берег канала. В этот день Гальдер записал в своем дневнике:

"Активность противника перед фронтом 4-й армии несколько возросла. В донесениях говорится о подготовке противника к наступлению (?). На северном фланге 4-й армии и на фронте 3-й танковой группы — никаких изменений. Противник перебрасывает силы (по-видимому, снятые с участка фронта перед 9-й армией и выведенные из района Ярославля) против 7-й танковой дивизии, наступающей через канал Москва — Волга в районе Яхромы"{128}.

Рядом с фразой о грядущем наступлении Франц Гальдер поставил вопросительный знак, видимо, рассматривая такой вариант как нечто фантастическое. Между тем счет времени до начала советского контрнаступления шел уже на часы. Силуэт айсберга, с которым предстояло столкнуться "Титанику" немецкого наступления, уже показался на горизонте сквозь снежные заряды.

Однако пока шло выдвижение 1-й ударной и 20-й армий, обстановка оставалась крайне напряженной. Прорыв 3-й танковой группы к каналу Москва — Волга создал большой разрыв между правым флангом 16-й армии и левым флангом 30-й армии Западного фронта. Вдоль самого канала этот разрыв заполнялся частями прибывающей 1-й ударной армии, а просвет между Солнечногорском и Яхромой пришлось временно заполнить переброшенными из других армий резервами, объединенными в так называемые группы Захарова и Ремизова. Ситуация осложнялась тем, что командованию 3-й танковой группы удалось высвободить из-под Калинина XXXXI моторизованный корпус и выдвинуть его в передовые порядки наступления. В последний день ноября

корпус находился в районе Клина. К тому моменту в 1-й танковой дивизии корпуса насчитывалось всего 37 танков. В 6-й танковой дивизии оставалось 4 боеготовых танка Pz.II, а боеготовые Pz.35(t) и Pz.IV отсутствовали вовсе.

В последних числах ноября севернее Москвы на канале Москва — Волга ситуация стала критической. Немцы глубоко продвинулись здесь и разобщили главные силы 30-й и 16-й армий. В процессе длительного и напряженного оборонительного сражения на правом крыле Западного фронта резервы в основном черпались из армий самого фронта и с разных сторон непрерывно направлялись к угрожаемым участкам. Они вместе с войсками двух армий на главном операционном направлении задерживали и останавливали врага, но еще не могли добиться перелома операции в нашу пользу. Назревал кризис сражения на правом крыле. Пришло время ввести в дело крупные резервы Верховного главнокомандования.

С этой целью еще в период с 26 ноября до 1 декабря войска вновь сформированной 1-й ударной армии В. И. Кузнецова (29-я, 47-я, 55-я, 50-я, 71-я, 56-я, 44-я стрелковые бригады) сосредоточивались в районе Загорск — Дмитров. Армия выдвигалась на восточный берег канала Москва — Волга на фронт Никольское (севернее Дмитрова 15 км), Бол. Ивановское (южнее Дмитрова 22 км). Группа генерала Захарова (части 126-й и 133-й стрелковых, 17-й кавалерийской дивизий, 21-й и 24-й танковых бригад) директивой командования Западного фронта включалась в состав 1-й ударной армии. Одновременно к северо-западу от Москвы в районе Лобня — Сходня — Химки сосредоточивались части 20-й армии А. А. Власова (64-я, 35-я, 28-я, 43-я стрелковые бригады и 331-я и 352-я стрелковые дивизии). Они занимали разрыв линии фронта между 1-й ударной и 16-й армиями.

Однако наступающие немецкие части пока не знали о том, какой неприятный сюрприз их ждет, и продвигались все ближе к Москве. 30 ноября 1941 г. пробивавшаяся вдоль шоссе от Солнечногорска 2-я танковая дивизия своей боевой группой заняла Красную Поляну. Немецкие войска теперь стояли в 17 километрах от границы Москвы и в 27 километрах от Кремля. Наступавшая на стыке 2-й и 11-й танковых дивизий 106-я пехотная дивизия силой одного из своих полков захватила 2—3 декабря железнодорожную станцию Крюково. Километровый столб показывал расстояние 22 км от Москвы. 8-я гвардейская панфиловская дивизия вместе с рокированной из 49-й армии 7-й гвардейской дивизией вела ожесточенный бой за Крюково, станция переходила из рук в руки. Ближе всего к Москве подошли мотоциклисты 62-го саперного батальона

армейского подчинения — они добрались до станции Химки, в 16 км от Москвы. Довольно близко к Москве подошли части задержанной разливом Истринского водохранилища моторизованной дивизии СС "Дас Райх". Эсэсовцы, наступая на истринском направлении, дошли до станции Ленино, в 17 км от Москвы. Почти так же близко подошли правофланговые пехотные дивизии 4-й танковой группы IX армейского корпуса Германа Гейера. Наступавшая в центре построения корпуса 87-я пехотная дивизия в первые дни декабря продвинулась по долине реки Москвы до Дмитровского. Она была в 34 км от Кремля, и с передовых позиций были видны купола его церквей. Однако возможности дальнейшего продвижения IX корпуса были практически исчерпаны. Наступала только одна дивизия корпуса, две другие прикрывали растянувшиеся фланги.

Переход советских войск в контрнаступление проходил постепенно. В первые несколько дней декабря 1941 г. наблюдалась картина заката наступления группы армий "Центр" и нечеткое, сповно первые лучи восходящего солнца, начало наступательных действий вновь сформированных и получающих пополнение из свежесформированных соединений армий правого крыла Западного фронта. Уже ночью 1 декабря Ставка ВГК в директиве командующему Калининским фронтом констатировала, что "частные атаки на разных направлениях, предпринятые войсками Калининского фронта 27—29.11, неэффективны". Как следствие этого тезиса Калининскому фронту были поставлены более масштабные наступательные задачи. Одновременно командующий Западным фронтом адресовал сосредотачивающейся 1-й ударной армии приказ на выполнение следующих задач: 1) с утра 2 декабря всеми силами перейти в решительное наступление в общем направлении Деденево — Федоровка — южная окраина Клина и в тот же день освободить из окружения группу генерала Захарова в районе Каменка — Федоровка; 2) во взаимодействии с 30 и 20-й армиями разбить клинско-солнечногорскую группировку противника.

Одновременно с сосредоточением свежих армий происходило усиление истекающих кровью армий свежими дивизиями, проходившими подготовку, и сколачивание подразделений в тот период, когда Западный фронт отражал удары немецких танковых групп. Для усиления 30-й армии распоряжением Ставки из резерва Главного командования прибывали новые соединения — 348-я, 371-я и 379-я стрелковые дивизии. Дивизии прибывали по железной дороге и разгружались 2—5 декабря. В наступление 30-я армия должна была

перейти 6 декабря. Пополнение получила также больше всех пострадавшая в ноябрьских боях 16-я армия. 3 декабря в ее состав была включена 354-я стрелковая дивизия.

Начали контрнаступление под Москвой атакой через канал Москва — Волга против боевой группы Майнтофеля части 1-й ударной армии. Эта армия была в первые дни декабря лидером наступательных действий.

Войска под командованием В. И. Кузнецова еще с утра 1 декабря частью сил (44-я и 71-я стрелковые бригады) перешли в наступление и к концу дня продвинулась на 5—7 км западнее канала Москва — Волга. Свежие силы советских войск вскоре столкнулись с переброшенной недавно из-под Калинина 1-й танковой дивизией корпуса В. Моделя. Однако далее наступление покатилось на немцев как снежный ком, постепенно превращавшийся в лавину. К 2 декабря к наступающим войскам 1-й ударной армии присоединилась 56-я стрелковая бригада. Утром 2 декабря части 20-й армии (331-я стрелковая дивизия, 134-й танковый батальон, 7-й отдельный гвардейский минометный дивизион, 28-я стрелковая бригада, 135-й танковый батальон, 15-й отдельный гвардейский минометный дивизион) перешли в наступление с задачей окружить и уничтожить противника в районе Красной Поляны. С вечера 2 декабря в состав 20-й армии передавались переброшенные в 16-ю армию в качестве резервов 7-я гвардейская стрелковая дивизия, 282-й стрелковый полк, 145-я, 24-я и 31-я танковые бригады. С утра 3 декабря 20-й армии предписывалось перейти в наступление в общем направлении Химки — Солнечногорск. К 3 декабря в наступлении 1-й ударной армии приняли участие 44-я, 50-я, 56-я и 71-я стрелковые бригады, 701-й артиллерийский полк, 3-й и 38-й минометные дивизионы. В тот же день к наступательным действиям перешла прибывшая в состав 16-й армии 354-я стрелковая дивизия. Переход 16-й армии в наступление во взаимодействии с 20-й армией был назначен на 7 декабря.

Прорыв под Наро-Фоминском и его ликвидация (1—4.12 1941 г.). Командующий 4-й армией Гюнтер Клюге, постоянно выслушивавший в свой адрес упреки командующих 4-й и 2-й танковых групп Гёпнера и Гудериана, решился 29 ноября отдать приказ о наступлении LVII и XX корпусов, находившихся в центре построения армии. Задачей немецких войск было обойти заслон на автомагистрали Минск — Москва и перехватить его в глубине построения 33-й армии. К моменту начала немецкого наступления 33-я армия М. Г. Ефремова занимала фронт 32 км по реке Нара. Для проведения операции немецким

командованием были выделены 292-я и 258-я пехотные дивизии XX армейского корпуса, которым были приданы средства усиления, в частности 191-й батальон штурмовых орудий (21 машина) и 27-й танковый полк 19-й танковой дивизии. Сведениями о состоянии второго на начало декабря автор не располагает, но незадолго до "Тайфуна", а именно 25 августа 1941 г., 27-й танковый полк насчитывал 6 Pz.I, 20 Pz.II, 57 Pz.38(t), 9 Pz.IV и 10 командирских танков.

Утром 1 декабря немцы прорвали оборону 222-й стрелковой дивизии северо-западнее Наро-Фоминска. Левофланговая 32-я стрелковая дивизия 5-й армии смогла остановить распространение поддержанных танками частей 292-й пехотной дивизии в тыл армии. Наступление 258-й пехотной дивизии вдоль шоссе на Кубинку в первые два дня декабря не встречало сопротивления. Гитлер, узнавший об этом намерении, приказал пока задержать 7-й корпус, чтобы 4-я танковая группа на севере, а 57-й и 20-й корпуса на юге могли взять русские войска в кольцо окружения. Несмотря на попытки Бока доказать невозможность проведения этой операции, Гитлер 1 декабря, когда наступление в направлении на Кубинку и Наро-Фоминск стало развиваться более или менее успешно, запросил, почему 4-я армия наступает южнее шоссейной дороги в северо-восточном, а не в восточном направлении. Гитлер предложил сначала двигаться на восток, а затем, чтобы уничтожить противника, повернуть на север. Фон Бок сообщил Гитлеру, что "он рад любому успеху, появись он на северо-восточном или восточном направлении. Что же касается окружения противника, то, как уже неоднократно докладывалось, у нас нет для этого необходимых сил".

Для отражения немецкого наступления командующим 33-й армии генерал-лейтенантом М. Г. Ефремовым 3 декабря была собрана группа войск в составе 18-й стрелковой бригады, 5-й танковой бригады, 136-го и 140-го танковых батальонов, 23-го и 24-го лыжных батальонов при поддержке дивизиона "катюш". Соответственно, 136-й танковый батальон насчитывал на 1 декабря 10 Т-34, 10 Т-60, 9 "Валентайнов" и 3 "Матильды", 140-й танковый батальон 5 декабря имел 4 КВ, 4 Т-34, 1 Т-60 и 1 Т-26. 5-я танковая бригада М. Г. Сахно насчитывала 9 танков. Также в отражении удара немцев участвовала 20-я танковая бригада соседней 5-й армии, но она ограничилась ведением огня с места по объекту атаки. Сосредоточение пехоты 18-й стрелковой бригады А. И. Сурченко запоздало. М. Г. Ефремов прислал руководившему действиями двух

танковых батальонов начальнику автобронетанковых войск 33-й армии генерал-майору М. П. Сафиру записку:
"Михаил Павлович! Подожди до подхода пехоты".

Однако, опасаясь наступления сумерек, М. П. Сафир не стал дожидаться пехотинцев, и после залпа "катюш" два танковых батальона пошли в атаку на деревню Юшково, занятую боевой группой 478-го пехотного полка 258-й пехотной дивизии. В другой обстановке это могло закончиться (и чаще всего заканчивалось) весьма печально. Однако 3 декабря 1941 г. поддержку немецким пехотинцам в Юшково оказывали только САУ StuGIII и всего одно 88-мм орудие. Из четырех 88-мм зениток, выделенных для поддержки прорыва, две были приданы 458-му полку, одна — 473-му и одна использовалась по прямому назначению, в качестве средства ПВО. Попав под сильный удар танков, и не имея большого числа средств борьбы с ними, немцы сочли за благо ретироваться на исходные позиции.
Немцами было заявлено об уничтожении восьми танков Т-34, одного КВ и двух "10-тонных танков". Как 10-тонный танк могли быть интерпретированы Т-60 или, менее вероятно, "Валентайны". Группа М. П. Сафира признавала потерю одного танка безвозвратно и три — подбитыми и вскоре восстановленными. Безвозвратные потери 191-го батальона штурмовых орудий составили семь САУ StuGIII. Людские потери 258-й пехотной дивизии составили 170 человек убитыми, 577 — ранеными и 148 — пропавшими без вести{129}.

Империя наносит ответный удар. Тихвин и Ростов

Если события на московском направлении хорошо известны, то первый крупный успех советской стратегии осенью — зимой 1941 г. известен в куда меньшей степени. Однако сражение под Тихвином по внутренней логике своего развития в уменьшенном масштабе демонстрирует все те факторы, которые привели к крушению "Барбароссы". Оно началось несколько позднее "Тайфуна", но меньший масштаб событий привел его к развязке за несколько дней до того, как загрохотали залпы советского контрнаступления под Москвой. Контрнаступление под Тихвином стало своего рода первым предупреждением о грядущей грозе. Вторым предупреждением стал Ростов. Ни

то, ни другое предупреждение не было воспринято всерьез, они были сочтены неудачами локального значения.

Тихвинская оборонительная операция (16.10—18.11 1941 г.). Начиналось все вполне буднично. Выкачивание свежих соединений из 4-й, 52-й и 54-й армий и их переброска на московское направление в начале октября 1941 г. не могло не сказаться на устойчивости этих объединений под ударами группы армий "Север". Несмотря на переброску в состав группы армий "Центр" обоих моторизованных корпусов (XXXXI и XLVI) и управления 4-й танковой группы, с которыми Лееб начинал кампанию против СССР, на северо-западном направлении оставался XXXIX моторизованный корпус. В его составе были 8-я и 12-я танковые, 18-я и 20-я моторизованные дивизии. Танковые дивизии были изрядно потрепаны в летней кампании, но все еще представляли собой серьезную силу. 8-я танковая дивизия насчитывала 23 Pz.II, 52 Pz.38(t), 16 Pz.IV{130}. 12-я танковая дивизия насчитывала на 11 октября 71 танк{131}. Поскольку первоначального плана операции никто не отменял, командование группы армий "Север" решило провести операцию по глубокому охвату Ленинграда с последующим соединением с финскими войсками в районе реки Свирь. Этим наступлением могло быть окончательно прервано снабжение блокированного города боеприпасами и продовольствием. Для выполнения поставленной задачи командование группы армий "Север" помимо XXXIX моторизованного корпуса задействовало главные силы I армейского корпуса (254-я, 11-я, 21-я и 126-я пехотные дивизии). Эта группировка должна была нанести удар в направлении Тихвина и выйти на р. Свирь. Вследствие того, что острие наступления по плану операции должно было поворачивать на север, для прикрытия фланга предназначался вспомогательный удар на Малую Вишеру — Бологое навстречу войскам левого крыла группы армий "Центр", которые после овладения городом Калинином должны были наступать на Вышний Волочек.

В середине октября фронт от Ладожского озера до озера Ильмень проходил по южному берегу Ладожского озера по линии Липка — Вороново — Кириши и далее по восточному берегу р. Волхов. Этот рубеж протяженностью около 200 км обороняли 54-я армия Ленинградского фронта, 4-я и 52-я армии, подчинявшиеся непосредственно Ставке ВГК, и так называемая Новгородская армейская группа (НАГ) Северо-Западного фронта. Всего в составе этих армий было 13 стрелковых и 1 кавалерийская дивизия, 2 танковых дивизии (без танков), 1 стрелковая бригада, две танковые бригады, 1 танковый батальон, 7

корпусных артиллерийских полков, 1 артиллерийско-противотанковый полк и 1 инженерно-понтонный батальон.

Наиболее многочисленной и плотно построенной была 54-я армия. В ее составе было шесть стрелковых (128-я, 286-я, 294-я, 310-я стрелковые, 3-я и 4-я гвардейские стрелковые) дивизий, одна танковая (21-я) одна отдельная горно-стрелковая (1-я), две танковых (16-я и 122-я) бригады и два корпусных артиллерийских полка. В процессе подготовки к наступательной операции с целью деблокады Ленинграда армия обороняла рубеж Липка — Вороново, (иск.) болота Малуксинский Мох общей протяженностью всего 35 км. Оперативная плотность в полосе 54-й армии при этом составляла 4,7 км на дивизию. Однако следует учесть, что укомплектованность дивизий была невысокой. Так, к 1 октября в 128-й стрелковой дивизии насчитывалось 2145 человек, в 3-й гвардейской — 5594 человека при 32 орудиях калибром 76,2 мм и крупнее, в 310-й — 3735 человек при 27 орудиях, в 286-й стрелковой дивизии — 6016 человек при 27 орудиях.

Менее внушительно выглядит 4-я армия генерал-лейтенанта В. Ф. Яковлева. Она обороняла рубеж шириной более 50 км южнее полосы 54-й армии. В состав армии входили: 27-я кавалерийская, 285-я, 311-я и 292-я стрелковые дивизии, 119-й отдельный танковый батальон, один корпусной артиллерийский полк и один инженерный понтонный батальон. Укомплектованность частей и соединений армии была примерно такой же, как и в 54-й армии. Средняя оперативная плотность составляла 12—13 км на дивизию. В октябре войска армии на правом фланге вели бои по улучшению своих позиций. Оперативное построение армии было одноэшелонным. В резерве командующего армией имелся один стрелковый полк. Одноэшелонное построение со слабым резервом следует оценить как ошибку командующего армией, не оправданную с оперативной точки зрения. Наличие в полосе обороны армии крупной водной преграды позволяло растянуть боевые порядки первого эшелона и выделить в резерв или на вторую полосу обороны по крайней мере одну дивизию.

Самой слабой была 52-я армия. Она обороняла в полосе шириной 80 км по правому берегу р. Волхов. В состав армии входили две стрелковые (288-я и 267-я) дивизии, четыре корпусных артиллерийских полка и один артиллерийско-противотанковый полк. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий не превышала 6 тыс. человек. Дивизии армии оборонялись на широком фронте. Ширина полосы обороны 288-й стрелковой дивизии

составляла 46 км, а 267-й стрелковой дивизии — 34 км. Резервы в армии отсутствовали.

Наконец Новгородская армейская группа в составе 305-й, 180-й стрелковых, 43-й танковой (без танков) дивизий обороняла рубеж по правому берегу р. Волхов до озера Ильмень протяженностью 30 км.

Мы видим, что 70% всех сил Красной армии, находящихся южнее Ладожского озера, были сосредоточены в полосе 54-й армии, готовившейся к наступательной операции с целью деблокады Ленинграда. В полосах же обороны 4-й и 52-й армий на фронте 130 км оборонялось всего лишь пять стрелковых и одна кавалерийская дивизии, один танковый батальон, пять корпусных артиллерийских полков и один артиллерийско-противотанковый полк. Такое построение возникло вследствие того, что в начале октября из 4-й и 52-й армий были сняты соединения, впоследствии сыгравшие важную роль в начальной фазе битвы за Москву: 32-я, 312-я и 316-я стрелковые дивизии и 9-я танковая бригада. Свою устойчивость советские войска могли бы обеспечить созданием кризиса своими наступательными действиями, но, начав наступление 16 октября, войска 16-й немецкой армии упредили наступление войск Ленинградского фронта на четыре дня. Наступление XXXIX моторизованного и I армейского корпусов началось против ослабленных за счет отправки части сил на московское направление войск 52-й армии.

К 20 октября оборона 52-й армии оказалась прорванной. Две дивизии 52-й армии, под ударом во много раз превосходивших сил противника, были вынуждены оставить рубеж по правому берегу р. Волхов и отходить в восточном и юго-восточном направлениях. Между 4-й и 52-й армиями образовался разрыв. 24 октября 126-я пехотная дивизия заняла город Малая Вишера, обеспечив защиту фланга XXXIX корпуса с юга.

Несмотря на начавшееся наступление противника, советское командование не отказалось от попытки прорвать блокаду Ленинграда. 20 октября 1941 г. началась так называемая Синявинская операция войск Ленинградского фронта. Вскоре в связи с угрозой Тихвину задействованные в операции дивизии пришлось использовать для усиления войск 4-й и 52-й армий. По указанию Ставки ВГК 310-я и 4-я гвардейская стрелковые дивизии 54-й армии Ленинградского фронта были переброшены в 4-ю армию для прикрытия волховского и тихвинского направлений.

Две армии на Волхове стали донором сил для занятия Можайской линии обороны в один из самых напряженных моментов битвы за Москву. Когда над

этими армиями возникла угроза гибели, Ставка ВГК все же смогла усилить 54-ю, 4-ю и 52-ю армии, как за счет своих резервов, так и за счет маневра силами и средствами с других участков фронта. Во второй половине октября и первой половине ноября Ставка ВГК направила на усиление этих армий 65-ю (из состава Забайкальского фронта), 92-ю (из состава Дальневосточного фронта), 259-ю (из 34-й армии Северо-Западного фронта) стрелковые дивизии и 60-ю танковую дивизию. Последняя была "родной сестрой" 58-й танковой дивизии, судьба которой весьма драматично сложилась в ноябрьских боях под Москвой. И 58-я, и 60-я танковые дивизии входили в состав 30-го механизированного корпуса, расформированного в июле 1941 г. Дивизия была переформирована по июльскому штату, предусматривавшему 217 танков. Дислоцировалось соединение в Биробиджане. 12 октября 1941 г. 60-я танковая дивизия получила приказ об отправке соединения на запад. Станцией назначения была Москва. В пути следования эшелоны с дивизией были перенацелены на северо-запад, в состав 4-й армии. Прибыла на ст. Тихвин 60-я танковая дивизия 29 октября 1941 г. На 1 ноября 1941 г. дивизия насчитывала 6044 человека личного состава и 179 танков (13 БТ-7, 139 Т-26, 25 "химических" танков и 2 Т-37), 31 бронеавтомобиль. Помимо соединений, прибывающих под Тихвин из других армий и фронтов, в 4-й армии было импровизированное соединение, созданное за счет пополнений, поступавших централизованным порядком, собственных ресурсов армии и местных активистов. Была сформирована стрелковая бригада, названная "Гренадерской" из-за того, что большая часть ее подразделений вследствие нехватки стрелкового оружия вначале была вооружена только гранатами. Командиром бригады был назначен генерал Г. Т. Тимофеев, служивший во время Первой мировой войны в гренадерском полку.

Катастрофическое развитие ситуации на тихвинском направлении и разразившийся на московском направлении "Тайфун" вынудили пойти на крайние меры и снять часть войск непосредственно с Ленинградского фронта. Из состава фронта были переброшены на самолетах 191-я и 44-я стрелковые дивизии. К концу октября в район Тихвина также прибыла из резерва Ставки 92-я стрелковая дивизия и почти одновременно с ней выгрузилась 60-я танковая дивизия. На усиление 52-й армии из состава Северо-Западного фронта еще 20 октября была направлена 259-я стрелковая дивизия и дивизион "катюш".

К началу ноября в 4-й армии была создана группировка для контрудара. Командующий 4-й армией сосредоточил около двух дивизий (191-я стрелковая

дивизия, стрелковый полк 44-й стрелковой дивизии и танковый полк 60-й танковой дивизии) в районе Ситомля и около двух дивизий (4-я гвардейская стрелковая дивизия и основные силы 60-й танковой дивизии) в районе западнее Верхнее Заозерье. Этими силами 1 ноября была предпринята попытка нанести контрудар в общем направлении на Будогощь — Грузино с задачей разгрома ударной группировки противника и восстановления обороны на рубеже р. Волхов. Однако недостаток дорог для прохождения крупной массы техники и загрузка существующих тылами стрелковых соединений не позволили протолкнуть к передовой 60-ю танковую дивизию. В течение четырехдневных напряженных боев войска 4-й армии пытались преодолеть упорное сопротивление танковых и моторизованных частей противника, но, не имея поддержки танков и понеся большие потери, так и не добились успеха.

Отразив контрудар войск 4-й армии в районе Ситомля, противник 5 ноября возобновил наступление на тихвинском направлении. 191-я стрелковая дивизия 4-й армии, прикрывавшая дорогу на Тихвин, не смогла сдержать удара трех немецких дивизий и стала отходить в восточном направлении. Попытка ввести 60-ю танковую дивизию на фланге немецкого танкового клина, нацеленного на Тихвин на левом фланге 4-й армии, в полосе 92-й стрелковой дивизии, также не увенчалась успехом — протолкнуть крупное соединение по одной работающий в напряженном режиме дороге не удалось.

К 8 ноября противник продвинулся глубоко на северо-восток и захватил Тихвин. По итогам почти что месяца неудачных оборонительных боев были сделаны оргвыводы. 9 ноября 1941 г. директивой Ставки ВГК во главе 4-й армии был поставлен генерал армии К. А. Мерецков, а генерал-лейтенант В. Ф. Яковлев освобожден от занимаемой должности и направлен командовать одной из оперативных групп армии, созданных новым командующим 10 ноября.

Оперативных групп в 4-й армии было три: северная, восточная и южная. Северная оперативная группа состояла из двух стрелковых полков 44-й стрелковой дивизии и переброшенных к этому времени по указанию Ставки ВГК из 7-й армии 46-й танковой бригады и 1067-го стрелкового полка. Восточная оперативная группа включала в свой состав 191-ю стрелковую, 27-ю кавалерийскую дивизии, один стрелковый полк 44-й стрелковой дивизии, 121-й танковый полк 60-й танковой дивизии, 128-й отдельный танковый батальон и 65-ю стрелковую дивизию из резерва Ставки ВГК. Южная оперативная группа (которую, собственно, и возглавил пониженный в должности генерал-лейтенант

В. Ф. Яковлев) состояла из 4-й гвардейской, 92-й, одного стрелкового полка 292-й стрелковой дивизий и 120-го танкового полка 60-й танковой дивизии.

Помимо прорыва на Тихвин к концу октября довольно опасным стало продвижение I армейского корпуса к Волхову. Здесь немецкое командование рассчитывало через Волховстрой выйти к Ладожскому озеру в районе Нов. Ладога (20 км севернее Волхова) с целью окружения и уничтожения войск 54-й армии на южном берегу озера. Одновременно такой маневр угрохал создававшейся Дороге жизни в Ленинград по Ладожскому озеру. В связи с продвижением противника на Волхов по распоряжению Ставки ВГК наступательные действия 54-й армии по деблокаде Ленинграда были прекращены. Первоочередной задачей армии, которую с 24 октября возглавил генерал-майор И. И. Федюнинский, стала оборона Волхова.

Вместе с тем глубокое продвижение на восток и северо-восток привело к растяжке флангов наступающих XXXIX моторизованного и I армейского корпусов. Начав наступление на фронте в 70 км ударная группировка немецких войск растянулась на фронте свыше 350 км. Это потребовало тратить время и силы на защиту флангов в ущерб направлению главного удара. Назначенный 11 ноября командиром XXXIX моторизованного корпуса генерал-лейтенант фон Арним в своем первом приказе поставил подчиненным ему войскам следующую задачу:

"Задачей XXXIX корпуса является остановка у Тихвина и дальнейшее продвижение на юго-восточном фланге корпуса в направлении Петровское-Крестцы. Только после окончания этих сражений 20-я моторизованная пехотная и 8-я танковая дивизии смогут использовать большие силы в районе Тихвина"{132}.

Прибытие частей из 7-й армии и новый энергичный командующий позволили рано утром 11 ноября провести контрудар по только что занявшим Тихвин частям. Подошедшие из 7-й армии 46-я танковая бригада и 1061-й стрелковый полк во взаимодействии с подразделениями 44-й и 191-й стрелковых дивизий с ходу атаковали противостоявшего противника и, отбросив его на 12—13 км, продвинулись к северной окраине Тихвина. Дальнейшее продвижение советских войск было остановлено, но и движение немецких войск не последовало.

Таким образом, дальнейшее продвижение противника на тихвинском направлении в результате оборонительных действий советских войск,

сочетавшихся с контрударами в районах Малой Вишеры и Тихвина, было окончательно остановлено. План немецкого командования по соединению с финскими войсками на р. Свирь оказался сорванным. Но с выходом противника в район Тихвина железная дорога, связывавшая через Ладожское озеро город Ленинград и оборонявшие его войска с тылом страны, оказалась перерезанной. В связи с этим положение осажденного города еще более осложнилось. Требовались срочные меры по исправлению сложившейся ситуации. Тем более что остановка у Тихвина и распыление сил на широком фронте создали благоприятные условия для перехода советских войск в контрнаступление с целью срезания глубоко вбитого в оборону выступа.

Участвовавшие в наступлении на Тихвин немецкие танковые дивизии были существенно ослаблены. В 12-й танковой дивизии на 10 ноября осталось 58 танков. Еще слабее была 8-я танковая дивизия. Танковый полк соединения на 19 ноября насчитывал всего 9 Pz.II, 21 Pz.38(t), 6 Pz.IV и 2 командирских танка. В артиллерийском полку 8-й дивизии оставалось восемнадцать 10,5-см легких полевых гаубиц, две 15-см тяжелых полевых гаубицы и три 10-см пушки К-18. В соединении в целом 70% всех транспортных средств вышли из строя: Соединение потеряло с начала войны до 19 ноября: 1206 убитыми, 4377 ранеными и 122 пропавшими без вести. Gefechtsstdrke (число солдат и офицеров подразделений дивизии, непосредственно участвующих в бою) 8-го мотопехотного полка составляла 8 офицеров и 289 унтер-офицеров и солдат, 28-го мотопехотного полка — 14 офицеров и 499 унтер-офицеров и солдат. Соединение, которое летом 1941 г. длительное время лидировало наступление XLVI моторизованного корпуса Э. фон Манштейна, было уже изрядно потрепано. Резервом личного состава в условиях отсутствия пополнения стали "безлошадные" водители автомобилей и солдаты тыловых служб.

Тихвинская наступательная операция (10 ноября — 30 декабря 1941 г.). Несмотря на в целом неудачные боевые действия 4-й армии на тихвинском направлении в начале ноября 1941 г., она получила в свое распоряжение значительные силы. В состав армии в течение октября и ноября были переданы пять стрелковых, одна танковая дивизии, одна танковая бригада и два танковых батальона. Эти силы вполне можно было использовать для матча-реванша за Тихвин против XXXIX моторизованного корпуса.

Благодаря переброске войск с других направлений в 4-ю, 54-ю и 52-ю армии к середине ноября соотношение сил несколько изменилось в пользу советских войск. Это было необходимым условием для перехода в контрнаступление.

Группировка и положение наших войск к началу перехода их в контрнаступление были следующие. 54-я армия имела в своем составе одиннадцать стрелковых, одну танковую дивизии, две стрелковые и две танковые бригады и два стрелковых полка. Три стрелковые дивизии, одна стрелковая и одна танковая бригады этой армии оборонялись фронтом на запад против немецких войск, действовавших в синявинском выступе. Остальные силы вели оборонительные бои южнее ст. Войбокало и Волхов, сдерживая наступление I армейского корпуса в составе трех пехотных дивизий. 4-я армия в составе пяти стрелковых, одной танковой и одной кавалерийской дивизий, одной танковой и одной стрелковой бригад и трех отдельных танковых батальонов готовилась к переходу в наступление. Необходимо отметить, что армия занимала выгодное охватывающее положение по отношению основных сил 8-й и 12-й танковых, 18-й и 20-й моторизованных дивизий противника. 52-я армия, имевшая четыре стрелковые дивизии, занимала оборону по обе стороны Октябрьской железной дороги в районе Малой Вишеры и также готовилась к наступлению на город. Перед фронтом армии оборонялась 126-я пехотная дивизия противника. Юго-западнее 52-й армии до озера Ильмень продолжала обороняться Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта, имевшая в своем составе две стрелковые, одну танковую (без материальной части) и одну кавалерийскую дивизии.

Таким образом, на фронте от Ладожского озера до озера Ильмень к началу контрнаступления действовало двадцать две стрелковые, три танковые (две без материальной части), две кавалерийские дивизии, три стрелковые и три танковые бригады, а также три отдельных танковых батальона — всего до тридцати дивизий. Общая численность советских войск в 54-й, 4-й, 52-й армиях и Новгородской армейской группе составляла 186 тыс. человек. Противостоявшие им войска 16-й немецкой армии насчитывали около 140 тыс. человек.

Охватывающее положение советских войск по отношению к противнику и несколько изменившееся соотношение сил в нашу пользу создавали реальные возможности разгрома тихвинской группировки противника. В этой обстановке Ставка ВГК приказала перейти в контрнаступление и восстановить линию фронта по правому берегу р. Волхов с захватом плацдармов на ее противоположном берегу.

Первыми начали контрнаступление под Тихвином войска 52-й армии, начав боевые действия 12 ноября ударом в основание вбитого в оборону советских

войск выступа. Соединения 52-й армии пытались прорвать вражескую оборону на рубеже р. Малая Вишерка и овладеть превращенным в сильный узел сопротивления город Малая Вишера. Однако добиться положительных результатов в первые дни операции не удалось. Советские войска столкнулись с характерной для зимней кампании 1941—1942 гг. системой обороны, основанной на цепочке опорных пунктов. Промежутки между ними простреливались артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, закрывались минными полями. Сами опорные пункты представляли собой деревни, небольшие города, господствующие над местностью высоты, сильно укрепленные и прикрытые минными полями и проволочными заграждениями. При оборудовании населенных пунктов в качестве узлов обороны дома частично сжигались (для расчистки секторов обстрела), а частично превращались в ДЗОТы под пулеметы и артиллерийские орудия.

Организуя наступление на Малую Вишеру, командующий 52-й армией не сумел создать ярко выраженной ударной группировки. Армия наступала на широком 48-километровом фронте от Зеленщины до Поддубье, имея всего четыре дивизии в первом эшелоне. Для решения основной задачи — разгрома группы противника в районе Мал. Вишеры и овладения этим сильным узлом сопротивления — было выделено фактически всего лишь два полка 259-й стрелковой дивизии, наступавших на 8-километровом фронте.

После нескольких неудачных попыток штурма, сталкиваясь со сплошной завесой огня, было принято решение подготовить два отряда численностью примерно по 500 человек для ночного просачивания между опорными пунктами на подступах к Малой Вишере. Отряды вооружались помимо винтовок, пулеметов и минометов несколькими противотанковыми орудиями. В течение двух дней, 16 и 17 ноября отряды проходили интенсивную подготовку к предстоящей операции. Подгонялось снаряжение, оружие и металлические предметы обматывались тканью, чтобы не создавать шума при движении. Ночью 17 ноября обе группы скрытно просочились между опорными пунктами и вышли на коммуникации маловишерского узла сопротивления. Удачные действия просочившихся отрядов нарушили систему обороны немцев и воспрепятствовали маневру резервами между узлами сопротивления. По итогам боя 18 ноября немцы приняли решение оставить Малую Вишеру, которая была занята войсками 52-й армии 20 ноября. Штурм Малой Вишеры стал фактически первой ласточкой общего наступления Красной армии в зимней кампании 1941/42 г.

Однако если контрнаступление под Тихвином началось раньше всех, то его развитие происходило куда менее динамично, чем контрудар под Ростовом. Пока шли бои за Малую Вишеру, к наступлению подготовилась 4-я армия на ключевом, тихвинском направлении. Наступление 4-й армии началось 19 ноября и развивалось вначале очень медленно. Наши наступавшие части вели ожесточенные, но безуспешные бои за опорные пункты противника, расположенные на переднем крае его обороны. Непосредственно город Тихвин штурмовали части 44-й и 65-й стрелковых дивизий. Здесь, как и на мало-вишерском направлении, войска 4-й армии атаковали фронтально, не пытаясь использовать просачивание между узлами обороны. Оставшиеся танки 60-й танковой дивизии использовались в качестве средства непосредственной поддержки пехоты. Например, 19 ноября 1941 г. 7 танков Т-26 из 120-го танкового полка были переданы в качестве средства непосредственной поддержки пехоты в 317-й стрелковый полк 92-й стрелковой дивизии. Непосредственно под руководством штаба 60-й танковой дивизии к 20 ноября остались в строю 38 танков (9 БТ-7, 12 Т-26, 16 "химических", 1 танкетка Т-37). С этими силами дивизия в тот день перешла в наступление из района Городище на Тихвин.

До 7 декабря бои шли на окраинах Тихвина, западнее города на р. Тихвинка и южнее — вдоль дороги Тихвин — Тальцы. Вместе с тем не следует думать, что немецкие войска не получали никаких подкреплений. В конце ноября частично по воздуху, а частично маршем в Тихвин была направлена 61-я пехотная дивизия из резерва группы армий "Север". Соединение до этого вело бои на островах в Балтийском море. Пехотная дивизия заняла оборону в Тихвине, а 12-я танковая дивизия была высвобождена для использования в качестве мобильного резерва. В это же время группировка врага на маловишерском направлении была усилена частями 215-й пехотной дивизии, перебрасываемой из Франции. Также в группу армий "Север" прибыла 250-я пехотная дивизия, сформированная из испанцев. Это была своего рода благодарность генерала Франко за помощь, оказанную ему Германией в ходе гражданской войны. В результате прибытия резервов сопротивление противника наступлению 4-й армии значительно возросло.

Немецкое командование придавало большое значение удержанию Тихвина. Так, на совещании у Гитлера 6 декабря 1941 г., которое описывалось в дневнике Ф. Гальдера, излагались планы по изоляции Ленинграда и установлению связи с финнами. С этой целью предполагалось пополнить 8-ю и

12-ю танковые дивизии и, главное, "удерживать Тихвин"{133}. Перелом в сражении под Тихвином наступил 7 декабря, на следующий день после упомянутого совещания у Гитлера. Южная оперативная группа войск 4-й армии (ею командовал снятый в начале ноября с командования армией генерал-лейтенант В. Ф. Яковлев) прорвала оборону противника на линии железной дороги и подошла к Ситомле, создав угрозу перехвата единственной коммуникации, связывавшей тихвинскую группировку противника с тылом. С целью предотвращения этой угрозы немецкое командование было вынуждено спешно снять часть своих сил с фронта в районе Тихвина и перебросить их в Ситомлю. Воспользовавшись ослаблением вражеских сил в городе, войска 4-й армии решительно атаковали противника, сломили его сопротивление севернее и восточнее города и 9 декабря в упорном ночном бою овладели Тихвином. Уже 8 декабря, всего два дня спустя после обсуждения далеко идущих планов по наступлению через Тихвин, Гальдер записывает в своем дневнике:
"Тихвин эвакуируется"{134}.

Последней из армий по периметру выступа с вершиной в Тихвине перешла 54-я армия. Произошло это потому, что на волховском направлении наступление немецко-фашистских войск было остановлено только 25 ноября в 6 км к югу и юго-востоку от Волхова. К началу декабря войска 54-й армии были усилены 80-й стрелковой дивизией, переброшенной из Ленинграда. В районе Войбокало из частей 311-й стрелковой дивизии, 6-й бригады морской пехоты, переброшенных с правого берега р. Волхов, и частей 80-й стрелковой дивизии была образована ударная группа, которая 3 декабря перешла в наступление и начала теснить противника в южном направлении.
В первой половине декабря из Ленинграда в состав 54-й армии были дополнительно переброшены 115-я и 198-я стрелковые дивизии. Также из Ленинграда были переброшены танки КВ по льду Ладожского озера. В условиях перехода боев под Ленинградом в фазу позиционной войны надобность в танках значительно уменьшилась, и они были использованы для спасения города косвенным путем, под Волховом.
С вводом в бой 15 декабря 115-й и 198-й стрелковых дивизий наступление на левом берегу р. Волхов стало развиваться более успешно. В двухдневных упорных боях 54-я армия продвинулась на 20 км и 17 декабря вышла в район Оломны, охватив левый фланг главных сил противника, действовавших на правом берегу р. Волхов. В это же время часть войск 4-й армии,

преследовавшая противника вдоль железной дороги Тихвин — Волхов, вышла к р. Лынна и охватила правый фланг волховской группировки противника. Опасаясь окружения, эта группа начала отход. К 28 декабря она была отброшена за железную дорогу Мга — Кириши. Наши войска завязали бои за Погостье, Посадников Остров, Ларионов Остров и Кириши. Чтобы остановить наступление на этом направлении, немецкое командование вынуждено было снять из-под Ленинграда еще две пехотные дивизии (291-ю и 269-ю) и перебросить их в район Кириши.

В декабре под Тихвином, как и на других участках советско-германского фронта, пошли в бой свежесформированные соединения. Для объединения управления возросшим числом армий и соединений 17 ноября был сформирован Волховский фронт под командованием К. А. Мерецкова. Управлять 4-й и 52-й армиями вкупе с вновь появившимися объединениями сочли нецелесообразным. Директива Ставки ВГК № 005581 от 11 декабря 1941 г. гласила:

"2. В состав Волховского фронта включить:

а) 4-ю армию, командарм генерал-майор Иванов П. А. , в составе 4-й гв. стр. див., 44, 65, 191 и 377-й стр. див., 27-й и 80 кав. див., 1-й гренад. бригады, 60-й танк, див., 46-й танк, бригады, 883 а[ртиллерийского] п[олка] и шести лыжных батальонов, действующих на направлении Тихвин — Волховстрой. Штарм 4 — район Тихвина;

б) 59-ю армию, командарм генерал-майор Галанин, в составе 92, 372, 374, 376, 378, 382 сд, 78, 87 к[авалерийских] д[ивизий], 827 а[ртиллерийского] п[олка] и трех дивизионов РС, развертываемую в районе Вязище, В. Заозерье, плтф. Мордвиново, Бабчицы, Неболчи. Штарм 59 — район ст. Неболчи;

в) 26-ю армию, командарм генерал-лейтенант Соколов, в составе 327 с[трелковой] д[ивизии], 53, 22, 23, 24, 57, 58 и 59-ю стр. бригад, 18 а[ртиллерийского] п[олка] и трех дивизионов РС, развертываемую в районе Зеленцина — Мал[ая] Вишера — Новая — Посад — Вычерема — Мощаница. Штарм 26 — Фальков;

г) 52-ю армию, командарм генерал-лейтенант Клыков, в составе 46, 111, 259, 267 и 288 с[трелковые] д[ивизии], 442 и 561 а[ртиллерийского] п[олка], действующую на направлении Селищенские Казармы — Волхове. Штарм 52 — Веребье;

д) резерв фронта — 366 с[трелковая] д[ивизия] в районе ст. Теребутинец"{135}.

59-я армия появилась на свет в ноябре 1941 г. и состояла из сформированных осенью 1941 г. соединений. Возглавил ее командующий Новгородской армейской группой И. В. Галанин. 26-я армия, как и 1-я ударная и 20-я армии под Москвой, была целиком детищем "перманентной мобилизации" и прибыла из резерва Ставки ВГК. Вскоре она будет названа 2-й ударной и в этом качестве станет одним из самых известных (к сожалению, печально известных) объединений Красной армии. Однако прибытие соединений этих двух армий началось только в конце декабря 1941 г.

Свежесформированный Волховский фронт в декабре успешно развивал преследование противника. Войска 4-й и 52-й армий к 27 декабря вышли к реке Волхов на фронте Кириши — Новгород, захватили на левом берегу плацдармы в районе Лезно — Хмелищи — севернее Грузино и продолжали бои по их расширению.

Немецкое командование, стараясь удержать в своих руках левый берег р. Волхов, усилило отошедшие войска охранной дивизией, снятой с охраны тыла, и частями 81-й пехотной дивизии, переброшенной из Франции. К концу декабря противник был отброшен в исходное положение, с которого 16 октября он начал наступление на Тихвин. Достигнутые в октябре 1941 г. рубежи были утрачены, чтобы больше никогда не оказаться снова в руках захватчиков.

Развития достигнутый успех не получил. Растянутый на 350 км по периметру вытянувшегося в сторону Тихвина фронт снова "схлопнулся" в 70-километровый рубеж, опирающийся на крупную водную преграду. В связи с этим, а также с растяжкой коммуникаций и отсутствием достаточных средств подвоза попытки советских войск продолжать наступление успеха не имели. Войска 54-й, 4-й и 52-й армий, удерживая занятые ими плацдармы на левом берегу р. Волхов, в конце декабря приступили к закреплению своих позиций. Продолжение наступления ожидалось после прибытия на фронт 2-й ударной и 59-й армий в начале января 1942 г.

Всего в наступательной фазе операции участвовали 192 950 человек. Безвозвратные потери составили 17 924 человека, санитарные — 30 977 человек, всего — 48 901 человек.

Итоги сражения за Тихвин. С точки зрения стратегии обе стороны в сражении за Тихвин могли отчитаться преимущественно о достижении негативных (нарушение планов противника) целей. Заметных захватов территории по итогам продолжавшегося два с половиной месяца сражения ни той, ни другой

стороной сделано не было. Все вернулось к статус-кво на момент начала операции. Немецкое командование могло поставить себе в заслугу нарушение советского плана деблокирования Ленинграда в спланированной Синявинской операции силами 54-й армии. Советское командование, в свою очередь, предотвратило глубокий обход Ленинграда и соединение немецких и финских войск к западу от Ладожского озера. Тем самым была сохранена связывавшая Ленинград с Большой землей линия снабжения. К упущенным возможностям группы армий "Север" также следует отнести некоторое опоздание с моментом перехода в наступление на Тихвин, позволившее советскому командованию беспрепятственно снять три стрелковых дивизии и одну танковую бригаду. Эти соединения стали щитом на пути к столице передовых частей группы армий "Центр" в октябре 1941 г. Выводить их из боя было бы куда труднее. Вместе с тем после своего начала наступление I армейского и XXXIX моторизованного корпусов стало притягивать к себе силы, которые можно было использовать под Москвой. В частности, 60-я танковая дивизия была в последний момент перенаправлена под Тихвин вместо Москвы. Одновременно ни одного соединения из группы армий "Север" не было переброшено в группу армий "Центр" после начала операции. Более того, после перехода советских войск в наступление в 18-ю армию был направлен свежий 203-й танковый полк (45 Pz.II, 71 Pz.III, 20 Pz.IV и 6 командирских танков). Фактически это было ядро танковой дивизии, которое немецкое командование было вынуждено использовать на Волховском направлении в качестве средства непосредственной поддержки пехоты. На 25 декабря в нем числилось 136 танков, а уже 10 января — всего 50. Введение полнокровного танкового полка в состав одной из потерявших матчасть танковых дивизий группы армий "Центр" или "Юг" могло привести к фатальным последствиям. Вместо этого танки были растрачены в глухих лесах под Ленинградом. Точно так же в полосу Волховского фронта была направлена первая переброшенная с Запада дивизия — 215-я пехотная дивизия. Она уже в начале января 1942 г. заняла оборону на Волхове.

С оперативной точки зрения сражение за Тихвин показывает, каким образом наносилось поражение немецким ударным группировкам под Москвой, Тулой и Ростовом. Во всех случаях ситуация развивалась схожим образом. Развивая наступление вглубь построения советских войск, моторизованные корпуса немцев растягивали свои фланги и увеличивали фронт наступления, одновременно неся чувствительные потери в людях и технике. Это вначале

приводило к снижению темпов наступления, его остановке, а затем к эффективным контрударам Красной армии по флангам. От других успешных контрударов контрнаступление под Тихвином отличает то, что в нем не использовались плоды "перманентной мобилизации", то есть дивизии и армии формирования осени 1941 г. Контрнаступление было проведено большей частью силами, уже имевшимися в наличии и находившимися в соприкосновении с противником с начала ноября. Именно поэтому контрнаступление под Тихвином началось заметно раньше общего контрнаступления Красной армий в зимней кампании.

Крупным недостатком в действиях советских войск являлось отсутствие массированного применения танков и артиллерии на направлениях главных ударов армии. Так, танковые части, входившие в состав 4-й армии, были равномерно распределены по группам поддержки пехоты. Вместо того чтобы использовать 60-ю танковую дивизию как единое целое и образовать мощную ударную группу для наступления на направлении главного удара и организации преследования, подвижное соединение было растащено между несколькими стрелковыми дивизиями. В какой-то мере это может быть оправдано характером местности. Артиллерийские средства были также распределены равномерно между соединениями без акцентирования артиллерийского удара на том или ином направлении. В 52-й армии главный удар наносили 259-я и 111-я стрелковые дивизии в обход г. Малая Вишера с севера и юга. Однако вся артиллерия резерва Верховного главнокомандования была равномерно распределена между всеми дивизиями армии, а 111-я дивизия, действовавшая на направлении главного удара, оказалась без усиления.

Слабым местом в подготовке и ведении операции также было отсутствие у командующих армиями и у командующих войсками оперативных групп резервов, способных развивать успех соединений первого эшелона. В полосе наступления 4-й армии отсутствие резервов привело к тому, что соединения армии, перейдя в наступление 19 ноября и к 23 ноября перехватив основные дороги из Тихвина на запад, завершить окружение противника в районе Тихвина не смогли.

С тактической точки зрения Красная армия в ходе контрнаступления под Тихвином столкнулась с системой обороны опорными пунктами, с преодолением которой возникли серьезные проблемы. В первые дни контрнаступления усилия войск направлялись в основном на овладение отдельными спорными пунктами

и узлами сопротивления на переднем крае обороны противника. Стрелковые дивизии не получали задач на глубокий обход этих пунктов и узлов. Все это приводило к потере темпа наступления и позволило немецкому командованию безнаказанно подводить резервы из глубины, снимать части с неатакованных участков фронта и оказывать таким образом упорное сопротивление нашим войскам.

В процессе наступления не получила широкого распространения тактика просачивания. Промежутки между опорными пунктами немецкими войсками не занимались, а простреливались артиллерийским и минометным огнем. Наступающие стрелковые дивизии не пытались использовать незанятые промежутки в обороне противника для обхода и охвата опорных пунктов с целью нанесения удара по флангу и тылу оборонявшихся в них гарнизонов. Поэтому борьба за эти пункты затягивалась.

Но, несмотря на все вышеизложенные промахи и недостатки, борьба за Тихвин стала важным звеном в качественном изменении ситуации в пользу Красной армии. Полковник Хартвиг Польман, командир 284-го полка 96-й пехотной дивизии, впоследствии констатировал:

"Конец 1941 г. принес немецкому командованию серьезные кризисы и заботы. Наступательный порыв, перебросивший дивизии Волховского фронта далеко за Волхов к Тихвину и к нижнему течению реки почти до самого ее впадения в Ладожское оз., исчерпал свою ударную мощь, и они откатились к исходным позициям октября. Напрасны были все потери в людях и технике, напрасен высокий боевой дух солдат. Их силы были истощены до предела, но они остались верны своему командованию. Осталось и сознание того, что противник, располагая далеко превосходящими силами, захватил инициативу. Между оз. Ильмень и Карельским перешейком стояла одна пятая всей Красной армии. Чего, однако, в тот момент никто еще не знал, так это того, что здесь, в Волховском районе, русские уже не выпустят из рук эту инициативу"{136}.

Контрнаступление под Тихвином стало этапным как в дальней, так и в ближней перспективе. Вместе с контрнаступлением под Ростовом оно знаменовало начало перехвата стратегической инициативы Красной армией в зимней кампании 1941—1942 г. В дальней перспективе отброшенные за Волхов войска группы армий "Центр" навсегда утратили инициативу на этом участке фронта. Несмотря на ряд попыток вернуть себе инициативу, в том числе вливанием

крупных резервов, 16-я и 18-я армии были вынуждены вести кровопролитные бои фронтом на восток. Штурм Ленинграда был отложен навсегда.

"Наши неприятности начались с Ростова..." Накопление сил. Противнику не удалось в первой половине ноября осуществить прорыв на шахтинском направлении с последующим выходом в тыл Ростову. Тем не менее проникновение его сил в район Миллерово — Астахов — Аграфеновка (60 км севернее Ростова) осложнило положение на ростовском направлении. Усилив свою группировку, противник мог последующими ударами угрожать непосредственно шахтинскому промышленному району и важнейшей железнодорожной магистрали Воронеж — Ростов.

Противник получил также возможность развивать маневр в северном и северо-восточном направлениях на Каменск и Ворошиловград, особенно в стыке 9-й и 18-й армий с целью расчленения Южного фронта, охвата и поражения 12-й и 18-й армий и выхода на рубеж р. Сев. Донец.

Наконец, полуохватывающее положение по отношению к Ростовскому району облегчало противнику удар во фланг 56-й Отдельной армии, оборонявшей район Ростова.

Все эти обстоятельства настойчиво требовали скорейшего осуществления готовившегося контрнаступления с целью разгрома 1-й танковой армии противника.

Ставка Верховного главнокомандования, давая указания на разгром 1-й немецкой танковой армии, имела в виду не только остановить продвижение противника, но и отбросить его на запад, чем ликвидировать угрозу прорыва на Кавказ. Более того, активные наступательные действия войск Южного фронта должны были сковать основные силы группы армий "Юг" и не позволить немецкому командованию усиливать за счет ее группу армий "Центр" на московском направлении, где происходили в это время решающие события.

В создавшейся обстановке Ставка Верховного главнокомандования принимает решение: развернуть закончившую сосредоточение в районе Краснодона и Каменска 37-ю армию под командованием генерал-майора А. И. Лопатина в стыке между 18-й и 9-й армиями на фронте Ровеньки — Должанская — Бирюково для удара в южном направлении во фланг и тыл 1-й немецкой танковой армии. За правым флангом 37-й армии сосредоточивались две (35-я и 56-я) кавалерийские дивизии.

С развертыванием 56-й Отдельной армии под командованием генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремизова на подступах к Ростову и с выдвижением на фронт

37-й армии и двух кавалерийских дивизий силы советских войск, действующих между р. Сев. Донец и Таганрогским заливом, были увеличены на одиннадцать стрелковых и шесть кавалерийских дивизий и на три танковые бригады, т.е. более чем в два раза.

Всего в составе Южного фронта и 56-й Отдельной армии на 15 ноября насчитывалось 22 стрелковых дивизии, 9 кавалерийских дивизий, 5 танковых бригад.

Планы противника. Действовавшая на этом участке фронта группировка войск противника — 4-й немецкий армейский и итальянский корпуса 17-й армии и 1-я танковая армия (XXXXIX горный, XIV и III моторизованные корпуса) — по-прежнему насчитывала семь пехотных, две горно-стрелковые, три танковые и четыре моторизованные дивизии, т.е. всего шестнадцать дивизий.

Таким образом, по количеству соединений в переводе их на дивизии (считая две кавалерийские дивизии облегченного типа, а также соответственно три танковые бригады за одну дивизию) советские войска превосходили силы противника примерно в 1,8 раза. По фактическому количеству людей в соединениях превосходства не было. Ударная группировка 37-й армии имела в своем составе 235 орудий дивизионной артиллерии и артиллерии усиления.

Противник перед фронтом 37-й армии имел лишь около семи дивизионов артиллерии (84 орудия).

Пока 37-я армия в период с 11 по 16 ноября выдвигалась в назначенную ей полосу, 1-я танковая армия противника изменила направление своего главного удара. Командование этой армии отказалось от глубокого обхода Ростова через Шахты — Новочеркасск и, оставив на участке Бобриково — Астахово — Родионово-Несветайское общим протяжением 60 км одну моторизованную дивизию "Викинг", усиленную частью сил 16-й танковой дивизии, остальные силы XIV моторизованного корпуса (две танковые и одну моторизованную дивизию) подтянуло клевому флангу III моторизованного корпуса на рубеж Кутейниково — Стоянов. XIV моторизованный корпус должен был нанести удар на Ростов с севера через Большие Салы, III моторизованный корпус — с запада через Чалтырь.

Отвлекающий удар. С целью отвлечения советских сил с ростовского направления IV немецкий армейский корпус (правофланговый корпус 17-й армии) начал наступление с реки Бахмутка вдоль правого берега р. Сев. Донец в общем направлении на Ворошиловград и к вечеру 16 ноября вклинился в

расположение 12-й армии в районе северо-восточнее Артемовска на глубину до 20 км.

Войска 12-й армии упорной обороной и контратаками сдерживали наступление IV армейского корпуса и, хотя противнику в последующие пять дней удалось еще продвинуться на восток на 35 км и выйти в район Голубовки, фронт 12-й армии не был прорван и наступление врага в направлении на Ворошиловград не отразилось на операциях наших войск в районе Ростова.

Уточнение плана операции. В связи с перемещением ударной группировки противника к югу и нацеливанием ее для удара непосредственно на Ростов советское командование уточнило свой первоначальный план наступательной операции. В окончательном виде этот план заключался в следующем: главный удар нанести 37-й армией с фронта Дарьевка — Бирюково в общем направлении на Больше-Крепинскую в тыл моторизованным корпусам противника. 18-я армия наносила удар силами двух левофланговых стрелковых дивизий на Дмитриевку и Дьяково с задачей выйти на верхнее течение р. Миус, а 9-я армия силами одной стрелковой и одной кавалерийской дивизий из района Новошахтинска — в направлении на Болдыревку с задачей содействовать 37-й армии в разгроме 1-й танковой армии противника.

35-я и 56-я кавалерийские дивизии должны были после достижения стрелковыми дивизиями района Дьяково наступать из-за левого фланга 18-й армии на Куйбышево — Артемовка с задачей действовать по ближайшим тылам 49-го немецкого горно-стрелкового корпуса и выходом на рубеж р. Крынка обеспечить с запада 37-ю армию.

Обеспечение наступления ударной группировки Южного фронта со стороны Донбасса было возложено на войска 12-й армии, а также правого фланга и центра 18-й армии.

Задача 56-й Отдельной армии Ставкой Верховного главнокомандования 14 ноября была определена следующим образом:

"В связи со снижением ударной группы противника к югу и нацеливанием ее на фронт 56-й Отдельной армии основной задачей 56-й Отдельной армии является прочное удержание Ростовско-Новочеркасского района. При успехе наступления Южного фронта и отвлечения тем на себя части ударной группы противника 56-я Отдельная армия обязана коротким ударом содействовать Южному фронту в достижении общего поражения противника".

Ход боевых действий. В 8 часов 17 ноября главные силы немецких моторизованных корпусов в составе трех танковых и двух моторизованных дивизий возобновили наступление на Ростов.

Одним часом позже — в 9 часов 17 ноября перешла в контрнаступление ударная группировка Южного фронта — 37-я армия и войска примыкавших к ней флангов 18-й и 9-й армий в общем направлении на Больше-Крепинскую с целью разгрома 1-й танковой армии противника.

Две левофланговые дивизии 18-й армии встретили сопротивление двух немецких горно-стрелковых дивизий, оборонявшихся на рубеже Ново-Павловка — Дмитриевка — Дьяково, и до 21 ноября успеха не имели, но сковали силы XXXXIX горного корпуса Людвига Кюблера.

Войска 37-й армии в первый день наступления, сбивая передовые части противника, продвинулись на 15—18 км. В последующие четыре дня войска армии, встретив ожесточенное сопротивление немецких моторизованной и части сил танковой дивизий, переходивших в контратаки, продвинулись на 10—20 км. К 21 ноября они вышли на рубеж Цимлянка — Миллерово — Аграфеновка. Как написал историограф 16-й танковой дивизии о наступающих советских дивизиях под Ростовом:

"Это были те части, у которых отсутствовали регулярная подготовка и вооружение, однако напор, с которым они действовали, компенсировал их военную неполноценность"{137}.

Ввиду неблагоприятных метеорологических условий авиация фронта до 20 ноября действовала неэффективно и не могла обеспечить необходимую поддержку наземным войскам.

С 20 ноября авиация активизировала свою боевую деятельность и уничтожала противника в наиболее сильных опорных пунктах, содействуя продвижению наших войск.

Еще более медленно шло наступление 9-й армии, против которой противник развернул часть моторизованной дивизии и танковую дивизию. К вечеру 21 ноября 9-я армия выдвинулась на рубеж Аграфеновка — Кутейниково.

В действиях войск Южного фронта имели место крупные недостатки, не позволившие провести наступление в высоком темпе. Основными из них являлись: слабое маневрирование силами и средствами, стремление командиров быть везде одинаково сильными, робость в решениях, недостаточно четкая организация и осуществление взаимодействия пехоты с

танками, артиллерией и авиацией, отсутствие необходимой требовательности начальников в отношении выполнения поставленной ими задачи. Вследствие отмеченных недочетов ударная группировка войск Южного фронта в период с 17 по 21 ноября не использовала всех своих возможностей для разгрома выставленного против нее заслона и выдвижения на рубеж, с которого можно было бы нанести удар в тыл немецким моторизованным корпусам.

Вследствие низких темпов наступления ударная группировка войск Южного фронта до утра 22 ноября не оказала влияния на те бои, которые вели в этот момент главные силы моторизованных корпусов врага в районе Ростова. Противнику удалось занять Ростов, оттеснив войска 56-й Отдельной армии к югу за р. Дон и к востоку в направлении на Новочеркасск на рубеж Грушевская — Бол. Мишкин.

Однако нависающее положение ударной группировки Южного фронта и продолжавшееся ее продвижение в южном направлении создавали угрозу флангу и тылу противника, прорвавшегося к Ростову. В этих условиях занятие Ростова 21 ноября не дало немецким войскам никаких преимуществ, они не могли развить свое наступление ни на юг, ни на Новочеркасск и были вынуждены перейти к обороне фронтом на юг, восток, а вскоре и на север. Сами немцы потом признавали:

"На следующий день (21 ноября. — А. И.) поступило сообщение о взятии Ростова III танковым корпусом. Корпусом был выполнен приказ высшего военного командования. Завоевание Ростова, однако, являло собой Пиррову победу. Незадолго до этого корпус мог быть отсечен силами неприятеля. Обессилевшие части и подразделения вынуждены были вести тяжелые бои на труднопроходимой местности, результатом чего явились крупные потери. Целью было обеспечение путей отхода для войск, сражавшихся вокруг Ростова"{138}.

За 22 и 23 ноября ударная группировка Южного фронта, продолжая развивать свое наступление, продвинулась до 25 км и вышла на рубеж Ново-Павловка — Лысогорка — р. Тузлов.

В обстановке, когда советские войска создали непосредственную угрозу удара по левому флангу и в тыл главным силам 1-й танковой армии противника, командование этой армии, не имея резервов, вынуждено было начать с 21 ноября переброску своих сил из Ростова для усиления обороны на правом

берегу р. Тузлов. На этом рубеже наши войска встретили уже более плотную, чем до сих пор, оборону противника.

Соотношение сил на участке ударной группировки Южного фронта к вечеру 23 ноября оказалось уже менее выгодным, чем это было в начале операции, но оно все еще было достаточно благоприятным для наших войск. Силы 37-й армии превосходили противостоявшего им противника более чем в два раза, а силы 9-й армии на своем участке наступления — в 2,5 раза.

Войска 37-й и 9-й армий за семь дней продвинулись примерно на 60 км и на такое же расстояние удалились от своих железнодорожных станций. Они вполне могли продолжать наступление без больших перегруппировок и сколько-нибудь значительной паузы.

Ставка Верховного главнокомандования неоднократно требовала увеличения темпов наступления ударной группировки Южного фронта, причем нацеливала ее в общем направлении на Таганрог. Утром 22 ноября 1941 г. Ставка указала командующему Южным фронтом, что потеря Ростова не отменяет задачу войск фронта — нанесение удара по тылам Клейста, а, наоборот, усиливает необходимость занятия ими Таганрога, и предписывала потребовать от войск решительных, энергичных действий.

Директива Ставки Верховного главнокомандования от 24 ноября подчеркивала, что целью действий наших войск на ростовском направлении является "разгром бронетанковой группы Клейста и овладение районом Ростов, Таганрог с выходом на фронт Ново-Павловка — Куйбышево — Матвеев Курган — р. Миус". Поэтому командующему Южным фронтом предлагалось, "...продолжая наступательную операцию, поставить войскам задачу овладеть Ростовом и Таганрогом...", а командующему Закавказским фронтом — "...силами 56-й армии содействовать войскам Южного фронта в овладении районом Ростов".

Таким образом, Ставка требовала от командующего Южным фронтом энергичного продолжения наступления ударной группировки фронта в тыл главным силам моторизованных корпусов противника, развития ее главного удара в направлении на Таганрог.

Командующий Южным фронтом неправильно понял поставленную ему задачу. Он решил сначала овладеть Ростовом, а затем начать наступление на р. Миус и на Таганрог. Для осуществления этого решения он три дня потратил на перегруппировку войск, в результате которой на прежнем фронте 37-й армии были оставлены только две стрелковые дивизии, а остальные силы этой армии (четыре стрелковые дивизии и три танковые бригады) были переброшены

влево, на участок Стоянов — Генеральское. Были также рокированы влево, в район Чистополье, и две кавалерийские дивизии. Восточнее 37-й армии на р. Тузлов выдвинулась 9-я армия. В ее состав были переданы из 56-й армии одна кавалерийская, одна стрелковая дивизии и одна танковая бригада, развернувшаяся западнее Новочеркасска на рубеже Грушевская — Бол. Мишкин.

Если вечером 23 ноября главные силы ударной группировки Южного фронта занимали охватывающее положение по отношению к большей части сил моторизованных корпусов противника, то после перегруппировки, вечером 26 ноября, они нависали над флангом и тылом только двух немецких моторизованных дивизий, оборонявшихся в районе Ростова.

При этом наша разведка не обнаружила вывода из района Ростова танковых дивизий противника, и командующий фронтом рассчитывал непосредственно в районе Ростова уничтожить главные силы 1-й танковой армии противника. Для этого он приказал нанести удары главным силам 37-й армии с фронта Стоянов — Генеральское на Султан-Салы, западную окраину Ростова, главными силами 9-й армии — с фронта Константиновка — Буденный на Большие Салы — Ростов и соединениями, переданными из 56-й армии, — со стороны Новочеркасска на Ростов.

На кавалерийские дивизии возлагалась задача выдвинуться в район Валуевского, обеспечить правый фланг ударной группировки Южного фронта, а затем к исходу 27 ноября выходом в район Синявки перерезать коммуникации группы Клейста.

56-я армия наносила удары тремя группами: восточной группой из района Красный Двор на восточную окраину Ростова; центральной группой из района Батайск на южную окраину Ростова и западной (более сильной) группой из района севернее Азова на западную окраину Ростова и Чалтырь.

Наступление ударной группировки Южного фронта и 56-й армий на Ростов началось утром 27 ноября. Под ударами наших войск противник вынужден был начать отход из ростовского мешка.

Основные усилия немецкого командования в течение 27, 28 и 29 ноября были направлены к тому, чтобы задержать наступление главных сил 37-й армии с севера и западной группы 56-й армии с юга и тем самым обеспечить отвод своих дивизий из района Ростова. С этой целью ударной группе 37-й армии противник противопоставил две танковые дивизии.

Нашим войскам 29 ноября удалось прорвать фронт противника как на северном фасе, южнее Стоянова, так и на юге в районе Чалтыря. В этот день одна стрелковая дивизия 37-й армии продвинулась в районе севернее Султан-Салы, а западная группа 56-й армии овладела Чалтырем. В то же время центральная группа 56-й армии и новочеркасская группировка 9-й армии после трехдневных уличных боев очистили от противника Ростов.

С 30 ноября по 2 декабря, преследуемые нашими войсками, потрепанные соединения немецких моторизованных корпусов отходили на рубеж р. Миус от Куйбышево до Покровского и далее на линию Самбек — р. Самбек, где им удалось закрепиться и с помощью подошедших подкреплений остановить наступление армий левого крыла Южного фронта.

Вследствие медленного наступления ударной группировки Южного фронта и неправильного решения командующего фронтом, принятого им после выхода наших войск на р. Тузлов, моторизованные корпуса противника не были окружены и уничтожены. Однако в боях под Ростовом сначала наступательных, а затем оборонительных они понесли большие потери как в личном составе, так и в материальной части. Противник был отброшен от Ростова.

Чтобы остановить дальнейшее наступление советских войск, командование группы армий "Юг" спешно направило из района Харькова четыре дивизии. Таким образом, на ростовское направление были отвлечены все свободные силы группы армий "Юг".

Итоги операции. Поражение 1-й немецкой танковой армии под Ростовом и сковывание войсками Южного и Юго-Западного фронтов остальных сил группы армий "Юг" в условиях, когда все резервы последней были израсходованы, создало известное равновесие сил на юго-западном направлении, и фронт здесь на длительное время стабилизировался. Вместе с тем контрнаступление войск Южного фронта, сковавшее все силы группы армий "Юг", не позволило немецкому командованию усилить за счет войск этой группы московское направление, что оказало благотворное влияние на исход оборонительных сражений под Москвой в ноябре — начале декабря и на последующее успешное контрнаступление Красной армии на главном (западном) стратегическом направлении.

Заключение

В августе — октябре 1941 г. Красная армия пережила цепочку окружений по всему фронту: от густых лесов на подступах к Ленинграду до гладких степей у берега Азовского моря. В этот период состоялось крупнейшее сражение на окружение в истории войн — битва за Киев. Гигантские "канны" поглотили сразу целый фронт. Череда катастроф предполагала наличие ответственных за столь крупные поражения. Однако часто упускается из виду главный виновник — противник. Это может прозвучать свежо и странно, но именно действия войск групп армий "Север", "Центр" и "Юг" были главной причиной образования "котлов" под Лугой, Киевом, Мелитополем, Вязьмой и Брянском. Поэтому вопрос следует сформулировать в формате "Была ли у Красной армии хотя бы техническая возможность избежать катастрофы?". Ответ на этот вопрос будет отрицательным.

Вермахт летом 1941 г. обладал "чудо-оружием", разрушительные возможности которого были куда более впечатляющими, чем у ракет ФАУ. Это были крупные самостоятельные механизированные соединения — моторизованные армейские корпуса. Симметричный ответ на это средство борьбы у Красной армии отсутствовал. Если в Приграничном сражении июня 1941 г. РККА могла противопоставить менее эффективные, но хотя бы способные как-то маневрировать мехкорпуса, то к августу они были уничтожены. Немецкие танковые войска также понесли ощутимые потери, но они не утратили основного своего качества — подвижности. Это касалось как возможности прорыва в глубину обороны и смыкания "клещей" за спиной армий и целых фронтов, так и возможностей быстрого создания ударных группировок. Моторизованный корпус мог своим ходом переместиться на несколько сотен километров и возникнуть словно из ничего на ранее спокойном участке фронта, сокрушая все на своем пути. При этом собственного крупного механизированного соединения, которое провело бы марш и вступило в поединок с возникшим из бездны монстром, у обороняющихся советских армий и фронтов не было. Так, XXXIX моторизованный корпус внезапно появился под Чудово, и его соединения обеспечили плотную блокаду Ленинграда. Так, большая часть соединений 1-й танковой группы Клейста переместилась на Кременчугский плацдарм и начала наступление навстречу 2-й танковой группе Гудериана, замкнувшее киевский "котел". Так, 4-я танковая группа совершила марш и нанесла удар на Вязьму там, где его не ждали в начальной фазе операции "Тайфун".

Подобного рода ситуация с качественным перевесом в подвижных средствах ведения операций больше не повторялась в ходе Великой Отечественной. Перед лицом немецкого наступления летом 1942 г. у Красной армии уже были сформированные весной танковые корпуса, обладавшие вполне сносными возможностями по маневрированию и нанесению контрударов. Осенью 1943 — летом 1944 г., когда вермахт откатывался на запад, в распоряжении немецкого командования все еще оставались остатки былого могущества в лице танковых и танко-гренадерских дивизий, которые использовались в контрударах той или иной степени результативности.

Совершенно ужасающие перспективы означал для Красной армии тот факт, что летом — осенью 1941 г. вермахт обладал стратегической инициативой. Это означало, что советское командование не обладало техническими возможностями для проведения наступательных операций, способных поставить под угрозу сколь-нибудь крупные объединения противника. Соответственно, немецкий генеральный штаб был волен в перемещениях крупных сил на выбранные направления наступлений без опасений за другие участки.

Такая ситуация также не имела прецедентов в оборонительных операциях Красной армии в последующие периоды войны. Например, в ходе битвы на Курской дуге командование групп армий "Центр" и "Юг" было вынуждено держать крупные резервы в лице танковых корпусов для обеспечения безопасности своих войск на других участках фронта. Сходная ситуация имела место в летне-осенней кампании 1942 г., когда в ответ на сильные удары советских войск на центральном участке фронта немецкое командование было вынуждено держать в группе армий "Центр" целую когорту танковых дивизий.

В августе — октябре 1941 г. угроза крупного наступления, способного обрушить фронт какой-либо группы армий, отсутствовала. Моторизованные и авиационные корпуса вермахта могли перемещаться вдоль фронта, создавая подавляющее преимущество в нужной точке, без каких-либо опасений. Так, были брошены против войск Северо-Западного направления моторизованные корпуса 3-й танковой группы и VIII авиакорпус в августе 1941 г. Так, были сконцентрированы против войск Юго-Западного направления силы 1-й и 2-й танковых групп. Войска Западного направления при этом практически ничем не могли воспрепятствовать созданию количественного и качественного перевеса против войск двух других направлений на флангах советско-германского фронта. Перед началом "Тайфуна" моторизованные корпуса и эскадры

бомбардировщиков и истребителей были вновь возвращены на московское направление и создали подавляющее превосходство на земле и в воздухе на направлениях главных ударов новой наступательной операции.

Конечно, в руках советского командования еще оставались пассивные средства борьбы — оборудованная в инженерном отношении оборона. Но возможности этого средства были весьма ограниченны. Во-первых, укреплениями нужно было закрывать значительные пространства. При этом действительно значимыми оказывались лишь короткие участки построенных траншей, комплексов ДОТов и противотанковых рвов. Например, внушительное сооружение от плавней Днепра до берега Азовского моря — "противотанковый ров у Тимошевки" — оказалось вовсе не востребованным по прямому назначению. Построенные линии обороны часто оказывалось некому занимать в условиях быстрого продвижения вперед противника. Во-вторых, немецкая армия на основе анализа боевого опыта Первой мировой войны разработала технологию прорыва подготовленной обороны. Свести войну к позиционному кризису, как это удалось сделать Франции в 1914 г., теперь было невозможно. Наступающие немецкие танковые и моторизованные корпуса могли медленно, с потерями, но взламывать оборону советских войск вне зависимости от времени ее подготовки.

Кроме того, задача создания устойчивой обороны требовала выявления направления главного удара противника. Возможности разведки по вскрытию перемещений "меча-кладенца" — моторизованных корпусов, а тем более авиасоединений — были совершенно ничтожными. Перегруппировка крупных механизированных соединений происходила так быстро, что кормившаяся огрызками сведений о движении немецких войск разведка не могла своевременно указывать на создание ударных кулаков на том или ином участке фронта. При этом предположения о направлении главного удара могли оказаться ошибочными (как это было под Вязьмой и Брянском) или силы обороняющегося оказывались размазанными на несколько вероятных направлений наступления противника с затрудненным маневром между ними (как это было на Лужском рубеже).

Резюмируя все вышесказанное, можно сравнить операции августа — октября 1941 г. с игрой в жмурки, в которой глаза завязаны у того, кого пытаются поймать. Стоявшие на фронте в августе советские фронты и армии были обречены. В этих условиях преступной самонадеянностью со стороны руководства страны было бы надеяться обойтись теми соединениями, которые

уже имеются в наличии. Требовалось не только вести упорную борьбу имеющимися соединениями, но и готовить новые дивизии им на замену. Этим советское командование энергично занялось еще в июле 1941 г. При этом нельзя сказать, что стоявшие на фронте и в резерве фронтов соединения бездумно списывались в утиль. Энергичным маневрированием войсками между разными участками фронта командование Красной армии стремилось сохранить максимально возможное количество войск от "котлов" и избежать преждевременного ввода в бой формируемых дивизий. Задача сохранения достаточного числа соединений, чтобы по мере прибытия свежесформированных дивизий построить устойчивый фронт, была в целом успешно решена. Битва за Москву является примером весьма тонкого балансирования сил и продуманного маневра уже имеющимися в распоряжении командования соединениями. Командование Западного фронта, и в первую очередь Г. К. Жуков, эффективно использовали развитую дорожную сеть вокруг Москвы для рокировок соединений между разными участками фронта и парирования возникающих кризисов.

При всех неблагоприятных факторах нельзя сказать, что немецкое командование баловало противника промахами и просчетами. Обычно называемый роковым для всей кампании против СССР поворот на Киев был рабочим моментом в ведении операций. Разворот 2-й и 3-й танковых групп в южный и северный секторы советско-германского фронта был вызван необходимостью уничтожить угрозу флангам и высвободить силы для решающего сражения за столицу. По схожему сценарию развивались события в 1945 г. Висло-Одерская операция началась 12 января 1945 г., а уже в начале февраля войска 1-го Белорусского фронта стояли всего в 60 км от Берлина. Но после этого броска к Одеру 2-й Белорусский фронт и правое крыло 1-го Белорусского фронта развернулись на север и провели Восточно-Померанскую наступательную операцию. В результате была очищена территория вплоть до берега Балтийского моря к востоку от Штеттина. Остатки довольно крупной группировки немецких войск были блокированы в устье Вислы и в районе Гданьска. На южном фланге прорвавшихся к Берлину войск 1-й Украинский фронт провел с 8 по 24 февраля Нижне-Силезскую, а с 15 по 31 марта — Верхне-Силезскую операции. Берлинская операция, как мы знаем, началась 16 апреля 1945 г., т.е. спустя почти два месяца после выхода советских войск на подступы к столице Третьего рейха. Если применить логику некоторых немецких мемуаристов к советским операциям 1945 г., то Восточно-

Померанская, Нижне-Силезская и Верхне-Силезская операции похожи на поворот 2-й танковой группы и 2-й армии на Киев в конце августа — начале сентября 1941 г. Однако все эти повороты не помешали Красной армии взять Берлин.

Немецкие войска под Москвой остановились не вследствие какого-то чуда или природных катаклизмов, но вследствие действий войск Западного и Калининского фронтов, маневрирования резервами Генеральным штабом Красной армии. В отношении вермахта нельзя повторять ту же ошибку, которую иногда допускают в отношении Красной армии. Основная причина как катастроф августа — октября 1941 г., так и краха "блицкрига" на подступах к Москве — это в первую очередь следствие эффективных действий противника.

Список литературы

1941. Оборона Киева. Киев: Архив-пресс, 2002.

Анфилов В. А. Провал "Блицкрига". М.: Наука, 1974.

Архипенко Ф. Ф. Записки летчика-истребителя. М.: НПП "Дельта", 1999.

Архипов В. С. Время танковых атак. М.: Воениздат, 1981.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971.

Битва за Москву: История Московской зоны обороны. М.: АО "Московские учебники и Картолитография", 2001.

Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: ООО "Издательство АСТ", 2004.

Болдин И. В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961.

В сражениях за победу. Боевой путь 38-й армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М.: Наука, 1974.

Ванеев Г. И. Севастополь 1941—1942. Хроника героической обороны. В двух книгах. Киев: "Украина", 1995.

Василевский А. М. Дело всей жизни. VI.: Политиздат, 1983.

Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. М.: Воениздат, 1982.

Восьмая общевойсковая: Боевой путь 8-й армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт военной истории МО РФ, 1994.

Временный Полевой устав РККА 1936 (ПУ-36). М.: Государственное военное издательство Наркомата Обороны СССР, 1937.

Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении. М.: Воениздат, 1965.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973.

Дважды Краснознаменный Балтийский флот. Издание третье, исправленное и дополненное. М.: Воениздат, 1990.

Карель П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на восток. 1941—1943. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003.

Катуков М. Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974.

Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2000.

Киевский Краснознаменный. История Краснознаменного Киевского военного округа. 1919—1972. М.: Воениздат, 1974.

Ковальчук В. Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда 1941—43 гг. Санкт-Петербург: ИПК "Вести", 2001.

Майстер Ю. Война в восточноевропейских водах 1941–1945. Балтика 1941—1943. М.: "ЧеРо", 1995.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957. Муриев Д. З. Провал операции "Тайфун". М.: Воениздат, 1966.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии

1933—45 гг. М.: Изографус, 2002.

На Волховском фронте. 1941—1944 гг. М.: Наука, 1982.

Народ и война. 50 лет Великой Победы. С.-Петербург, ТОО ТК "Петрополис", 1995.

Олейников Г. А. Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941—1942 годов. Санкт-Петербург: Нестор, 2000.

Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР. Смоленск: Русич, 2000.

Перов В. И. , Растренин О. В. Штурмовая авиация Красной армии. Том I. Суровая школа. М.: Издатель А. С. Акчурин, 2003.

Петров В. С. Прошлое с нами. Киев: Политиздат, 1988.

Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград. 1941—1944. М.: Издатель Захаров, 2000.

Провал гитлеровского наступления на Москву. М.: Наука, 1966.

Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939—1945. М.: Наука, 1972.

Разведывательный бюллетень № 25. Германская тактика (по опыту войны СССР с Германией). М.: Воениздат НКО СССР, 1942.

Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М.: Воениздат, 1980.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988.

Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.

Рубцов Ю. Alter ego Сталина. М.: Звонница-МГ, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т.16 (5—1). М.: Тер-ра, 1996.

Русский архив. Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23 (12—1). М.: Терра, 1998.

Рябышев Д. И. Первый год войны. М.: Воениздат, 1990.

Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 21. М.: Воениздат, 1955.

Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960.

Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №43. М.: Воениздат, 1962.

"Совершенно секретно! Только для командования". Стратегия фашистского командования в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967.

Степанов Ю. Г. , Цветков И. Ф. Эскадренный миноносец "Новик". Л.: Судостроение, 1981.

Сяков Ю. А. Неизвестные солдаты. Сражения на внешнем фронте блокады Ленинграда. Санкт-Петербург: Знание, 2004.

Тактика танковых войск. М.: Воениздат, 1940.

Третья армия. История. Люди. Подвиги. М.: Эрго-Пресс, 1995.

Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1964.

Филиппи А. Припятская проблема. М.: ООО "Издательство АСТ"; Спб.: Terra Fantastica, 2002.

Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Справочник. М.: Издательство "Кучково поле", 2003.

Хазанов Д. Б. Неизвестная битва в небе Москвы. 1941—1942 г. М.: Техника — молодежи, 2001.

Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия: 1938—1941. М.: Вече, 2003.

Шарипов А. Черняховский. М.: Молодая гвардия, 1978.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989.

Эрфурт В. Финская война 1941—1944 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005.

Glantz D. The battle for Leningrad, 1941—1944. University Press of Kanzas, 2002.

Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Emloyment of Germany's Tank Force. 1933–42. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996.

Haupt W. Army Group North. The Wehrmacht in Russia 1941–1945. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1997.

Haupt W. Army Group South. The Wehrmacht in Russia 1941–1945. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1998.

Haupt W. Assault on Moscow. 1941. The Offensive. The Battle. The Set-Back. Schiffer Military History, Atglen, PA, 1996.

Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg Werner Haupt, Podzun-Pallas-Verlag, 1987.

Haupt W. Kiew — die grцЯte Kesselschlacht der Geschichte. Podzun Pallas Verlag, 1954.

Husemann F. In Good Faith. The history of the 4. SS-Polizei-Panzer-Grenadier-Division, Volume 1: 1939–1943. Winnipeg. J. J.Fedorowicz Publishing, Inc., 2003.

Kardel H. Die Geschichte der 170.Infanterie-Division 1939–1945. Bad Nauheim. Podzun, 1953.

Kuehn V. Deutsche Fallshirmjaeger im Zweiten Weltkrieg. Gruene teufel im Sprungeinsatz und erdkampf 1939–1945.

Motorbuch Verlag Stuttgart, 1989 Lannoy Francois de. Panzers en Ukraine. Juin — Dйcembre

1941. Heimdal, 2001.

Lannoy Francois de & Josef Charita. Panzertruppen. Les troupes Blindйes allemandes. 1935—1945. Heimdal. 1998.

Manteuffel H. Von. Die 7. Panzer-Division. 1937—1945. Bewaffnung. Einsaetze. Maenner. Doerfler Zeitgeschichte.

Metzsch Friedrich-August von. Die Geschichte der 22. Infanterie-Division. 1939—1945. Verlag Hans-Henning. Podzun. Kiel, 1952.

Newton S. German battle tactics on the Russian front. 1941–1945. Schiffer Military History, Atglen, PA, 1994.

Raus E. Panzer Operations. The Eastern front Memoir of General Raus, 1941—1945. Compiled and Translated by Steven H. Newton. DA Capo Press, 2003.

Schmitz G. Bildband der 16.Panzer-Division 1939—1945. Podzun. Bad Nauheim, 1956.

SpaeterH. The history of the Panzercorps Grossdeutschland.

J. J. Fedorowicz Publishing, 1992.

Wagener C. Die Heeresgruppe Sued. Der Kampf im Sueden der Ostfront 1941—1942. Podzun-Pallas-Verlag.

Werthen W. Geschichte der 16.Panzer-Division 1939—1945. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim, 1958.

Wich R. Baden-wьrttembergische Divisionen im Weltkrieg. Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1957

Примечания

{1} Гальдер Ф. Военный дневник. Том 3. В двух книгах. Книга первая (22.6.1941—30.9.1941). М.: Воениздат, 1971. С.256.

{2} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 256.

{3} Дашичев В. И. Указ. соч. С. 208—209.

{4} Дашичев В. И. Указ. соч. С. 210.

{5} Дашичев В. И. Указ. соч. С. 213.

{6} Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957. С.183.

{7} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 199.

{8} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т.16 (5—1). М.: Терра, 1996. С. 70.

{9} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т.16 (5—1). М.: Терра, 1996. С.108.

{10} Восьмая общевойсковая: Боевой путь 8-й армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт военной истории МО РФ, 1994. С. 55.

{11} Русский архив. Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23 (12—1). М.: Терра, 1998. С.123.

{12} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т.16 (5—1). М.: Терра, 1996. С. 112.

{13} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 221.

{14} Манштейн Э. фон. Указ. соч. С. 185—186.

{15} Олейников Г. А. Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941—1942 годов. Санкт-Петербург: Нестор, 2000. С. 66.

{16} Олейников Г. А. Указ. соч. С. 80.

{17} Олейников Г. А. Указ. соч. С. 85.

{18} Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: ООО "Издательство АСТ", 2004. С. 13.

{19} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т.16 (5—1). М.: Терра, 1996. С.141.

{20} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т.16 (5—1). М.: Терра, 1996. С.156.

{21} Там же.

{22} Дашичев В. И. Указ. соч С. 242—243.

{23} Дашичев В. И. Указ. соч. С. 216.

{24} Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5—1).М.: Терра, 1996. С. 125.

{25} Там же.

{26} Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16(5—1). М.: Терра, 1996. С. 126.

{27} "Совершенно секретно! Только для командования". Стратегия фашистского командования в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 311.

{28} Там же. С. 312.

{29} Там же.

{30} "Совершенно секретно! Только для командования". Стратегия фашистского командования в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 313.

{31} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 296.

{32} "Совершенно секретно! Только для командования". Стратегия фашистского командования в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 317—318.

{33} Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск.: Русич, 1999. С. 267.

{34} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 264.

{35} Гудериан Г. Указ. соч. С. 266.

{36} Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16(5—1). М.: Терра, 1996 г. С. 147—148.

{37} Г. Гудериан. Указ. соч. С. 282.

{38} Гальдер Ф. Указ. соч., С. 317—318.

{39} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 324.

{40} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 117.

{41} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 292.

{42} Филиппи А. Припятская проблема. М.: ООО "Издательство АСТ"; Спб.: Terra Fantastica, 2002. С. 129.

{43} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 294.

{44} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 122.

{45} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 138.

{46} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960 С.58.

{47} Филиппи А. Указ. соч. С. 149.

{48} Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении. М.: Воениздат, 1965. С.164, со ссылкой на ЦАМО, ф. 251. оп. 4120, д. 4.

{49} Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении. М.: Воениздат, 1965. С. 164..

{50} Там же.

{51} Там же. С. 165.

{52} Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении. М.: Воениздат, 1965. С. 164, выделено мной.

{53} Там же.

{54} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 64.

{55} Филиппи А. Указ. соч. С. 132.

{56} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 433.

{57} Сборник боевых документов ВОВ Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 433..

{58} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 184—185.

{59} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 185.

{60} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 212.

{61} Wich R. Baden-wь-rttembergische Divisionen im 2.Weltkrieg. Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1957. S. 61.

{62} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 172.

{63} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 177.

{64} Gareis M. Kampf und Ende der Frдnkisch-Sudetendtutschen 98.Infanterie-Division. Verlag Hans-Henning. Podzun, 1959. S. 125.

{65} Haupt W. Kiew — die grцЯte Kesselschlacht der Geschichte. Podzun pallas Verlag, 1954. S. 89.

{66} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. G. 70.

{67} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 155—156.

{68} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 162.

{69} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 150—151.

{70} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 222—224.

{71} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 73—74.

{72} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 226—227.

{73} Haupt W. Op. cit. S. 93.

{74} Werthen W. Op. cit. S. 63.

{75} Werthen W. Op. cit. S. 93—94.

{76} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 40. М.: Воениздат, 1960. С. 187.

{77} Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16(5—1). М.: Терра, 1996.С. 179—180.

{78} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 232—233.

{79} Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16(5—1). М.: Тер-ра, 1996.С. 380, выделено мной.

{80} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 233—234.

{81} Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16(5—1). М.: Терра, 1996. С. 182.

{82} Werthen W. Op. cit. S. 64.

{83} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 236.

{84} Там же.

{85} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 236.

{86} Там же. С. 237.

{87} Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 335.

{88} Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 337—338.

{89} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 239.

{90} Грецов М. Д. Указ. соч., С. 240.

{91} Грецов М. Д, Указ. соч. С. 240.

{92} Werthen W. Op. cit. S. 65—66.

{93} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 240—241.

{94} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 240—241.

{95} W. Werthen. Op. cit. S.67.

{96} Гудериан Г. Указ. соч. С. 298.

{97} Грецов М. Д. Указ. соч. С. 235.

{98} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 352.

{99} Дашичев В. И. Указ. соч. С. 242.

{100} Дашичев В. И. Указ. соч. С. 248.

{101} Там же.

{102} Jentz T. Panzertruppen, S.205.

{103} Конев И. С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 52.

{104} Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы ВОВ. Документы и материалы. 1941 год. Т 12(1). М.: Терра, 1997. С.161.

{105} Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16(5—1). М.: Терра, 1996. С.208.

{106} ВИЖ. №9. 1981. С. 35.

{107} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 21. М.: Воениздат, 1955. С. 7.

{108} Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 43. М.: Воениздат, 1962. С. 177.

{109} Кардашов В. Рокоссовский. №.: Молодая гвардия, 1972. С. 191.

{110} Pflanz H. Geschichte der 258.Infanterie-Division. Kurt Vowinkel Verlag. Neckargemund, 1978. S.110.

{111} Гудериан Г. Указ. соч. С. 320.

{112} Струнин В. И. Указ. соч. С. 11.

{113} Военно-исторический архив. № 2. 2002. С. 87.

{114} Битва за Москву. История московской зоны обороны. М.: АО "Московские учебники", 2001. С. 146,150.

{115} Битва за Москву. История московской зоны обороны. М.: АО "Московские учебники", 2001. С. 162.

{116} Воск F. von. Op. cit. P. 336.

{117} ВИЖ. № 11. 1991. С. 23.

{118} Провал гитлеровского наступления на Москву. М.: Наука, 1966. С. 335.

{119} Steets H. Gebirgsjdger in der Nogaischen Steppe. Vom Dniepr zum Azowischen Meer August — October 1941. Kurt Vovinkel Verlag. Heidelberhg, 1956. S. 70.

{120} Werthen W. Op. cit. S. 73.

{121} Kardel H. Op. cit. S. 30.

{122} Рейнгардт. Указ. соч. С. 361—362.

{123} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 51.

{124} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 49.

{125} Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. С.70.

{126} КТВ OKW, Band I, Zweiter Halbband. S. 754.

{127} Haupt W. Op. cit. S. 140.

{128} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 80.

{129} Pflanz H. Geschichte der 258.Infanterie-Division. Kurt Vowinkel Verlag. Neckargemund, 1978. S. 192.

{130} Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg, Podzun-Pallas-Verlag, 1987. S.179.

{131} Jentz. T Op. cit. P. 210.

{132} Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg Werner Haupt, Podzun-Pallas-Verlag, 1987. S.195.

{133} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 99.

{134} Гальдер Ф. Указ. соч. С. 105.

{135} Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). М.: Терра, 1996. С. 329—330.

{136} Польман Х. Волхов. 900 дней боев за Ленинград. 1941—1944. М.: Издатель Захаров, 2000. С. 36—37.

{137} Werthen W. Op. cit. S.75.

{138} Werthen W. Op. cit. S.76.